63.3(2)кг
Б 53

БЕССТРАШНЫЕ СЫНЫ КИРГИЗСТАНА

9(К4)
Б 53

БЕССТРАШНЫЕ СЫНЫ КИРГИЗСТАНА

Очерки о Героях Советского Союза

ОШСКАЯ
областная
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 101607

КИРГИЗСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Фрунзе — 1962

ХРАНЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В годы войны с немецко-фашистскими захватчиками советский народ показал свою сплоченность вокруг родной Коммунистической партии, беззаветную преданность социалистической Родине, железную стойкость и непобедимость.

Многие сыны Киргизстана, отражавшие вместе со всеми советскими людьми натиск гитлеровских полчищ и показавшие образцы мужества и отваги, удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Данный сборник очерков, отражающих лишь отдельные эпизоды Великой Отечественной войны, является первым опытом на пути создания книги о славных сынах нашего народа, проявивших беспримерный героизм в боях, отдавших все свои силы и энергию, а некоторые и жизнь за победу над коварным врагом-фашизмом.

Надеемся, что наши писатели и журналисты создадут произведения о боевых подвигах Героев Советского Союза, не упомянутых здесь, и книга, о которой мечтаем мы, увидит свет в недалеком будущем.

ГЕНЕРАЛ ПАНФИЛОВ

Безоблачный чистый июньский день 1941 года. Через крутой Курдайский перевал по узкой дороге из Фрунзе в Алма-Ату пробиралась запыленная голубая эмка. На гребне перевала машина остановилась. Горячий пар с шумом вырвался из-под крышки радиатора.

Вытирая платком вспотевший лоб, из машины вышел коренастый человек в генеральском мундире. Ослепительно ярко скользнули солнечные лучи по блестящим ножнам клинка, по золотым звездам на воротнике кителя, по орденам на широкой груди.

Вслед за генералом, хлопнув дверкой, легко выпрыгнула из машины черноглазая девушка в скромном защитном платье.

Генерал долго смотрел на раскинувшуюся внизу бескрайнюю казахскую степь.

— Ну, не раздумала еще, дочка? Война — не развлечение. На войне всякое бывает! — обратился генерал к дочери.

— Снова ты за свое, папа! Ведь, кажется, уже обо всем договорились. Где ты, там и я.

Генерал, улыбаясь, ласково погладил ее рассыпавшиеся волосы:

— Молодец, Валюша! Решено. Работы на фронте хватит. И еще работа какая! Ты знаешь, что такое медицинская сестра на поле боя? Нет, нет, помолчи. Ничего ты еще не знаешь. Вот в первую войну с немцами была у нас в роте...

Забыв на минуту о дороге, о недавней разлуке с семьей, генерал стал увлеченно рассказывать дочери о солдатской службе, о подвигах простых и смелых людей, словно подготавливая ее к тяжелой военной службе.

Генерал-майор Панфилов направлялся формировать стрелковую дивизию.

Дочь генерала, Валентина, была первым добровольцем, условно зачисленным в будущий санитарный батальон.

* * *

Ожила, наполнилась голосами старинная крепость. На земляных, поросших травой, валах ее расположились сотни людей с узелками, чемоданчиками, рюкзаками.

Пели гармоники. В свежем воздухе, напоенном запахами яблоневых садов, звенели крепкие молодые голоса.

Из военкоматов непрерывно подходили сюда мирные советские труженики: рабочие, колхозники, ученые, студенты — люди всех возрастов и профессий. Шли коммунисты, комсомольцы, беспартийные.

Генерал, окруженный первыми штабными работниками, принимал своих будущих бойцов. Он не скрывал радости. Люди были, как на подбор: крепкие, сильные, молодые. Большинство — добровольцы. Русские, казахи, украинцы, белорусы, киргизы...

Предстояло в короткий, очень короткий срок одеть их в шинели, вооружить, объединить в роты, батальоны, полки, обучить искусству боя.

ПРИКАЗ СТАВКИ

Из ворот крепости в строгом строю выходили роты и батальоны. Днем и ночью не затихала работа по формированию дивизии.

В штабе Панфилова впервые встречались люди, которые должны были стать командирами и комиссарами боевых полков, начальниками штабов и служб управления.

Генерал подолгу беседовал с каждым. Расспрашивал обо всем, вплоть до семейных дел. Казалось, он прощупывал человека, которому вверял судьбу солдат.

Любовно и заботливо собирал Иван Васильевич свою молодую дивизию, как умелый мастер собирает сложную и тонкую машину.

За городом, в долине Талгара, в ущельях Алатауских хребтов уже слышалась трескотня учебных стрельб. Там раскинулись походные лагеря полков и батальонов.

Строили мосты и дороги, учились минировать, рыть окопы, сооружать блиндажи, учились разить врага из винтовок, пулеметов, пушек, уничтожать штыком и гранатой.

Все: выносливость и дисциплина, сметка и ловкость— должно было пригодиться в самом недалеком будущем.

Неутомимая деятельность Панфилова сказалась скоро. Дивизия становилась боеспособной частью. Генерал видел это и с каждым днем был требовательнее, строже к каждой мелочи.

— Вы уже не новички. Третью неделю в армии, а портянки правильно подвертывать не научились! Стыд! Позор! — пробирал перед строем Панфилов отставшего пехотинца с натертой ногой.— Отсталых, братец мой, бьют в хвост и гриву. Запомни, в бою тебя и портянка погубить может!

В упорной учебе прошел месяц. Тихим августовским вечером, когда ненадолго притих лагерь, Иван Васильевич сидел около своей палатки, подводя с командирами итоги минувшего тяжелого дня.

К штабу с шумом подъехал мотоциклист.

— Срочный пакет генералу!

Панфилов сорвал печать и прочитал приказ. Глаза его заискрились. Он отпустил командиров и ушел в палатку. В эту ночь генерал не спал. По приказу ставки дивизия выступала на фронт.

Утром Панфилов объехал все полки. Стройные ряды подтянутых, загорелых, возмужавших бойцов восторженно приветствовали генерала, чувствуя особым сол-

датским чутьем в необычном подъеме этого дня приближение желанного торжественного часа.

До отправки на фронт остался один день. Панфилов сидел в штабе дивизии вместе с комиссаром.

В дверь постучали. Вошел адъютант и доложил:

— Товарищ генерал-майор, к вам приехал Джамбул!

Напряженное, усталое от долгих бессонных ночей, лицо Панфилова посветлело. Он торопливо поднялся со стула и быстро шагнул навстречу прославленному народному певцу.

Они сидели и беседовали, как старые знакомые. Генерал понимал язык и хорошо знал обычаи казахов.

— Уезжаете, знаю. Мне только что сказали об этом в ЦК партии! — начал Джамбул.— Но есть у казахов старый обычай: отдать воину тепло народного сердца, песню и благословение перед уходом на битву с врагом.

Несмотря на занятость, генерал Панфилов принял приглашение певца и в тот же день был гостем в аиле Джамбула.

В переполненной народом юрте сидели рядом русские и казахи, командиры и политработники молодой дивизии, подвигами своими вскоре прославившие отчизну.

Перед грядущей битвой вместе со своим командиром приехали они в Узун-Агачский аул, к любимому певцу, попрощаться, послушать его напутствие.

— С русским народом навеки связана судьба казахов. Без русского народа степь — сирота. Да будет вовеки нерушима дружба народов-братьев,— говорил Джамбул и, положив руку на плечо генерала, голосом торжественным и взволнованным добавил:

— Веди молодых джигитов, учи их, сделай из них героев, чтобы народ был доволен нашими сыновьями.

Утром мимо крохотной станции Узун-Агач проходили эшелоны на запад.

В ЛЕСАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА

С паровозов, из верхних люков вагонов смотрели стволы пулеметов, готовых к бою с воздушными пиратами. Телефонные провода тянулись от вагона к вагону.

Панфилов неожиданно появлялся то в одном, то в дру-

гом эшелоне. Он был неутомим и в пути продолжал готовить дивизию к боям. В вагонах с подъема начинались занятия. Выходили боевые листки. Политруки и комиссары проводили беседы. Бойцы изучали приказы и боевые наставления, учились владеть оружием.

На одной из платформ гулко работал движок, а рядом, в вагоне выходила дивизионная печатная газета. Свежие номера с последними сводками Совинформбюро передавались из эшелон в эшелон.

Ночью в штабном вагоне Панфилов по строго заведенному обычаю подводил итог сделанному за день, читал донесения, давал оперативные указания командирам.

Погрузку полков в эшелоны и работу в пути он рассматривал как серьезную проверку дивизии на организованность, быстроту, четкость.

— Может быть, не раз еще придется повторить внезапные переброски. Дело требует быстроты и порядка. Хозяйство не маленькое. Люди, орудия, кони, снаряды, провизия... В боевой обстановке один потерянный час бывает равен проигрышу сражения. На войне все важно. На войне мелочей нет.

Строгий экзамен генерала дивизия выдержала с честью. Походные кухни в пути вовремя готовили пищу. На остановках горячие термосы и хлеб быстро раздавались по вагонам. Панфилов строго взыскивал с поваров, интендантов и командиров за нерасторопность.

— Кормить солдата в любых условиях вовремя и сытно — первая ваша обязанность. Голодного солдата и комар забодает. А нам воевать надо!

Эшелоны дивизии стремительно двигались к фронту. Остались позади ощетинившаяся зенитками строгая Москва, окруженный противотанковыми рвами Калинин.

В Боровичах эшелоны остановились. Выгружались ночью. Без шума, без света. Начинался суровый марш по лесам и болотам Северо-Запада.

Шли стылые осенние дожди. Солдаты, минуя большаки и магистрали, прорубали в лесах дороги, стелили гати, наводили мосты. Переносили на себе орудия и снаряды.

— Учиться надо. Привыкать ко всему. Каждый час сегодня делай то, что завтра пригодится в бою! — настойчиво требовал генерал.

Выполняя приказ командования, лесами и болотами дивизия скрытно и быстро зашла в тыл немецкой армии.

Намечался прорыв к блокированному Ленинграду. Здесь панфиловские солдаты приняли первое боевое крещение. В дерзком рейде захватили они пленных, важные документы, трофеи.

Это была первая втреча необстрелянных еще солдат с врагом, первый боевой урок.

У СТЕН МОСКВЫ

Наступили дни особенно суровых испытаний для Родины. Фашистские полчища рвались к Москве. Дивизия генерала Панфилова была спешно переброшена из лесов Северо-Запада на Волоколамское шоссе.

Вражеские войска были в ста двадцати километрах от столицы. Яростно пробивались фашисты к Можайску, готовили мощный бронированный кулак для удара на Волоколамск.

И здесь, на полях великой подмосковной битвы, во всем блеске раскрылся воинский талант большевика-генерала.

Полевая карта района боев покрылась свежими крестиками, птичками, цифрами, линиями. Генерал Панфилов готовил свою дивизию к участию в осуществлении стратегического плана разгрома немцев под Москвой.

Командир дивизии решал боевую задачу, ставя себя на место то командира полка, то командира батальона, то командиров роты и взвода. Дивизия занимала широкий фронт обороны. Она вступала в бой прямо с марша. Немцы уже висели на флангах.

— Отхода без приказа не будет. Отходить некуда. За плечами Москва,— диктовал свое решение генерал.— Держать подвижную оборону. Изматывать немцев. Закрыть фланги. Немедленно ввести в действие противотанковые узлы, обязательно с глубиной. Всем подразделениям вкопаться в землю. Саперам начать устройство заграждений и минных полей. Вести активную разведку! Трусов и паникеров уничтожать без пощады.

Дивизия вгрызалась в застывшую подмосковную землю. Каждый холмик этой родной земли, каждый куст, каждая выемка таили теперь смерть для врага.

Четырнадцатое октября 1941 года. Боевое охранение роты командира Маслова уже приняло бой с немцами. Бушевала снежная метель. Пронизывающий холодный ветер заметал следы и тропы.

Панфилов в сибирском полушубке и шапке-ушанке, как всегда строго подтянутый, приехал на огневые позиции артиллеристов. Орудия и расчеты стояли готовые к бою.

— Бить по танкам в упор. Прямой наводкой, сынки! Не забывайте — пушки колеса имеют. Пушки подкатить к самому дьяволу можно. Немцу из танка не все видно. А у тебя — полный обзор. Глаза молодые, острые. Бей по гусеницам, по щелям, по башням!

Артиллеристы уже слышали приближающийся гул вражеских танков и приготовились к встрече.

Сорок машин, сверкая вспышками выстрелов, шли на рубеж артиллерийского дивизиона.

— По фашистской нечисти, за Родину — огонь! — прокатилась команда.

Заработали расчеты. Шквал огня обрушился на врага. Артиллеристы расстреливали немецкие машины в упор, как учил их генерал. Наводчики Терехов и Обухов подбили уже по три фашистских танка. Когда весь расчет орудия вышел из строя, Обухов продолжал бой один. До последнего снаряда дрался храбрый артиллерист, не оставляя раскаленного орудия.

— Семнадцать танков за один бой. Славное начало! — радовался генерал подвигу своих питомцев.

Особенно отметил Панфилов действия рядового стрелка Кирилла Кривенко.

В час танковой атаки фашистов Кривенко сидел в укрытой бурьяном яме, с зажатой в руке противотанковой гранатой, поджидая врага. Бутылки с горючей смесью лежали наготове.

Когда немецкий танк, громыхая, поравнялся с окопом, Кривенко бросил гранату под гусеницу. Раздался взрыв. Танк остановился. В тот же момент звякнуло стекло разбившейся о броню бутылки. Машина вспыхнула, как смоляной костер.

Панфилов изучал, продумывал каждую деталь этого поединка советского солдата с вражескими танками. Он восхищался несокрушимым духом русского человека.

— Рядовой боец Кривенко показал нам блестящий пример тактики современного боя. Замечательный пример! — возбужденно говорил он начальнику штаба и комиссару.

И, обращаясь отдельно к комиссару, напоминал:

— Подробно узнай все. Газету нашу посвятить подвигу Кирилла Кривенко. Чтоб вся дивизия узнала. Дух этим поднимать надо!

На другой день генерал сидел в кругу бойцов первого отряда добровольцев-истребителей танков. Он рассказывал им о подвиге храброго красноармейца. Показывал, как правильно окопаться для встречи танков, как действовать гранатой и бутылкой.

— Немец, сынки, свой характер имеет. Любит сначала закусить, а потом уж выпить. Вот вы по его характеру и действуйте. Баночку ему вот этих консервов под гусеницу на закуску — раз! — И Панфилов метнул гранату в макет танка. Все укрылись. Раздался взрыв.

— А бутылочкой-то,— продолжал он,— дайте немцу запить — два! — От брошенной бутылки вспыхнуло жаркое пламя.

— Вот так,— удовлетворенно сказал генерал.— Немец сидит за броней, потому он и храбрый. А вы с него скорлупу-то снимайте. Не бойтесь. Жарьте его в танке.

По всей дивизии создавались отряды и группы бесстрашных истребителей танков.

Двенадцатые сутки шел непрерывный, ожесточенный бой панфиловской дивизии с пятью отборными дивизиями врага.

Усталый, но, как всегда, спокойный и сосредоченный возвращался генерал на свой командный пункт.

В покосившейся избушке, с деревянным некрашенным полом и крохотными оконцами, сидел за картой начальник штаба, пожилой уже полковник Серебряков.

Как назойливые шмели, непрерывно гудели полевые телефоны. Полки вели бой. Панфилов снял полушубок и попросил адъютанта подать обед.

По едва уловимым признакам начальник штаба заметил, что генерал чем-то взволнован.

Серебряков поднял на лоб очки и, уловив подходящую минуту, спросил:

— Случилось что-нибудь, Иван Васильевич?

— С чего это ты? А впрочем... если хочешь знать, случилось. У Копрова, как всегда, стеной стоят. Я в его полку сам силу черпаю. Дух у него в полку возвышенный. Орлы! Немец здесь не сломит.

Генерал помолчал. Отхлебнул ложку щей и, отодвинув миску, продолжал:

— А вот у Астафьева...— Он глубоко вздохнул.— У Астафьева дрянь дело. И виноват он сам. Он не умом, не душой воюет. Грубостью, руганью взять хочет. Растерялся. Ослаб. Тряпка!

Злая судорога пробежала по лицу Панфилова. Он поднялся, заложил руки за спину и нервно зашагал из угла в угол.

— Да кто ему дал право оскорблять, принижать дух солдата? — вдруг загремел сорвавшийся гневный голос Панфилова.— Строгость нужна, это так. Но не грубость, не оскорбление достоинства! Это же позор!

Панфилов только что побывал в полках и батальонах, ведущих бой.

Появление его в блиндажах и окопах в тяжелую минуту вызывало тот духовный подъем, при котором люди забывали об усталости, о холоде и лишениях, о ежеминутной угрозе смерти.

Солдаты любили его той сильной, мужественной любовью, которая возникает в огне ожесточенных сражений, когда командир делит опасность с красноармейцами и своим воинским умением добывает желанную победу. Они готовы были идти за ним в огонь и воду. И шли повсюду — неустрашимые, отважные.

Такой же горячей отеческой любовью любил их и Панфилов. Вот почему так взволновал его своим бездушьем, грубостью, неуменьем управлять боем недавно прибывший в дивизию командир полка Астафьев. Ночью, когда затихла канонада и измотанные за день немцы не наседали так озверело, генерал вызвал в штаб командиров двух полков — Копрова и Астафьева, пришли и начальники отделов штаба.

Все чувствовали, что готовится важное сообщение. Вот явились командиры полков — майор Астафьев, угрю-

мый, молодой еще, но рано полысевший человек, с бесцветными, холодными глазами, и полковник Копров, старый воин-коммунист с изборожденными морщинками широким русским лицом.

Генерал окинул взглядом избушку, словно проверяя, все ли, кто ему нужен, собрались. Поднявшись с места, он обратился к полковнику:

— Вы правильно понимаете задачу, полковник Копров. Вы командуете возвышенным духом солдат. В этом секрет успеха вашего полка и всей дивизии. Спасибо. Спасибо, Илья Васильевич. На вас я надеюсь. Верю вам.

Полковник был взволнован. Чуть вздрагивали брови на его лице. Он стоял, по-уставному вытянувшись и глядя прямо в глаза генерала.

— А вы, майор,— резко повернулся Панфилов к Астафьеву,— вы принижаете дух солдат. Вы убиваете в них уверенность и волю к победе. Да знаете ли вы, какой вред вы приносите делу? Я отстраняю вас от командования полком.

На минуту повисла тишина.

Каждый проверял себя, испытывал свою совесть, все ли в бою подчинено условиям победы, все ли он сделал для того, чтобы поддержать то настроение солдат, о котором говорил Панфилов.

— Вот и все. Можете идти!

Командиры ушли. Полковник Серебряков сел писать приказ. Генерал прилег на жесткую постель и чуть прикрыл глаза. Он обдумывал план завтрашнего боя.

* * *

В полк Копрова прибыло свежее пополнение. Панфилов был уже здесь. Он встречал бойцов. Беседовал с ними, шутил, и вдруг внимание его остановилось на полевой кухне.

Стоят солдаты, а котелки не у всех. В сторонке от поваров один боец торопливо ест щи, а другой ждет, когда освободится посуда.

Панфилов подошел к ожидающему солдату:

— Что это ты, приятель, в рот соседу заглядываешь? — прищурив глаза, спросил он.

— Так что, товарищ генерал-майор, у нас котелки в очередь! — вытянувшись, ответил солдат.

— Как это в очередь? — На лице Панфилова собрались знакомые всем недобрые морщинки.

— Полковник Копров, что же такое? Есть в полку жестянщики? — спросил Панфилов командира, когда они подходили к штабу.

— Жестянщики есть, но материала подходящего нет! — оправдывался полковник.

Генерал укоризненно покачал головой.

— А коробки из-под патронов у вас имеются? — спросил он строго.

— Так точно, имеются, товарищ генерал.

— Пока интенданты подвезут фабричные, делайте котелки сами. И первый принесите мне! — приказал Панфилов.

В тот же день генералу принесли новый цинковый котелок. Панфилов велел сварить его, вскипятил чай.

— Ладный котелок,— похвалил он. — В дивизии каких только материалов, товарищ полковник, не найти! Только вот мы порой плохие хозяева и часто не видим того, что валяется у нас под ногами!

Это был хороший житейский урок. В несколько дней в полку было изготовлено шестьсот котелков.

Утром 7 ноября немцы усилили активность. Воздушные налеты повторялись через каждые полчаса.

С наступлением ночи, когда затих грохот бушевавшего весь день боя, истребители танков, саперы, разведчики, артиллеристы на коротких митингах брали боевые обязательства, а через день на столе генерала лежали краткие, написанные на обрывках газет и школьных тетрадей корреспонденции для «Правды», поступившие из батальонов и дивизионов.

Командир 6-й батареи лейтенант Андреев писал: «...В честь 24-й годовщины Великого Октября взорвал у противника склад горючего. Разбил в поселке К. штаб...»

«...В ночь на 8 ноября совместно с саперами прошел в расположение танковой части немцев и захватил девять фашистских танкистов из новой итальянской танковой дивизии»,— сообщал командир разведчиков лейтенант Визер.

Комиссар Галушко написал короткую обобщающую статью и, приложив к ней десятка два корреспонденций, сказал Панфилову:

— Написано много, да не все гладко. Плохие мы литераторы, товарищ генерал.

— Не гладко, зато правильно. А главное — от чистого солдатского сердца. Это-то и нужно нашей «Правде». Отправляйте скорее в редакцию. Возьмите мою машину!

Старший политрук Василий Синюков повез пакет в Москву, в редакцию «Правды». Письма солдат и командиров были напечатаны.

Панфиловская стрелковая дивизия отбивала бешеный натиск врага стойко и самоотверженно. Она никогда не ожидала вражеских ударов, а сама обрушивалась на неприятеля, преграждая ему путь к Москве.

Семья героев-панфиловцев росла с каждым днем. Далеко за пределами дивизии гремела слава о героических панфиловских солдатах, командирах и комиссарах Петре Логвиненко, Боурджане Момыш-улы, Малике Габдуллине, Рашиде Джангозине, Ахметжане Мухамедьярове, Андрее Логвиненко, Иване Манаенко, Копрове и Курганове. В эти напряженные дни дивизию облетела радостная весть. Правительство наградило Ивана Васильевича Панфилова третьим орденом Красного Знамени.

ПАНФИЛОВСКИЕ ПИТОМЦЫ

Остановленные под Москвой, измотанные героической обороной советских войск, немцы готовили новое наступление.

Тридцать третьи сутки держала дивизия Панфилова рубеж на Волоколамском направлении.

Шестнадцатого ноября утром фашисты начали наступать на левом фланге дивизии, у разъезда Дубосеково. Насмерть стояли здесь воспитанные своим генералом славные истребители танков под командованием политрука Василия Клочкова.

Двадцать танков устремились на позиции, занятые взводом сержанта Добробабина.

Панфиловцы вспомнили боевой наказ своего генерала:

— Храбрость, честность, верность присяге, неустрашимость, готовность отдать за Родину, за народ свою

жизнь в битве с врагом — вот качества бойца, обеспечивающие победу!

Герои вступили в неравный бой. Двадцать восемь панфиловских питомцев бесстрашно расстреливали и уничтожали гранатами вражеские машины.

Объятые огнем, останавливались бронированные чудовища. Бой длился четыре часа. Четырнадцать подбитых и обгорелых танков остались на месте богатырской схватки у разъезда Дубосеково.

К вечеру фашисты получили подкрепление и бросили на траншеи панфиловцев новую волну тяжелых машин.

— Тридцать танков, друзья! — обращаясь к бойцам, сказал Василий Клочков. — Умрем за родную землю. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!

И с новой силой закипел яростный поединок людей и машин. Еще десять немецких танков запылали на месте боя...

Двадцать восемь панфиловских богатырей бились до последней гранаты, до последнего патрона, не отступив ни на шаг. Они погибли, но победили, совершив подвиг, ставший вечным символом силы и бесстрашия советских людей.

Родина высоко оценила этот подвиг. Двадцати восьми панфиловцам было присвоено звание Героя Советского Союза.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Взбешенные неудачами под Москвой, фашисты бросили в сражение свежие силы.

Сотни бомбардировщиков обрушивали свой груз на позиции дивизии, танковые группы упрямо бросались на панфиловские рубежи.

Прорвавшиеся в одном месте танки фашистов подошли к командному пункту Панфилова. В бой вступил резерв генерала. И снова фашисты встретились с тем необычным, что ошеломляло их в этой войне. Против неуязвимых, казалось, танков поднимались люди, и бронированные машины беспомощно останавливались, объятые пламенем.

Полковник Серебряков, когда танковая атака на штаб дивизии была отбита, сказал генералу:

— Очень уж близко мы, Иван Васильевич, располагаемся. Не положено это по уставу.

— Чем ближе к немцу, тем больше ему перцу! — отвечал Панфилов. — Сейчас нам иначе нельзя. Вот подойдут резервы, покатится немец от Москвы, тогда дело другое. А пока, дорогой Иван Иванович, где жарче бой, там и мы с тобой.

Наступившую на миг тишину нарушил грохот разрывов. Избушка ходила ходуном:

— Не унимаются. Завязли мы у них, как кость в горле! — шутил Панфилов.

Вошел адъютант. Он доложил о прибытии военного корреспондента «Правды». Панфилов приказал немедленно пропустить и сам пошел навстречу.

В низкую дверь избушки вошел, пригибаясь, огромного роста офицер, весь запушенный снегом. Он поздоровался и передал Панфилову свежий номер «Правды».

Вокруг газеты собрались все. Читали вслух. Военный корреспондент Михаил Калашников первый привез в дивизию радостную весть.

В «Правде» был напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии орденом Красного Знамени.

При известии о награждении выпестованной им дивизии, слезы радости выступили на глазах сурового генерала.

Он подошел к зеркалу и, глядя на свое лицо, усталое от бессонных ночей, произнес волнуясь:

— Эх, морщины бы расправить гвардейцу!

Корреспондент предложил генералу сфотографироваться для «Правды». Панфилов рассмеялся:

— А пленку не испортите? Вон как немцы-то гвоздят!

Фашисты обстреливали расположение штаба. Пронзительно гудел телефон. Генерал подошел к аппарату. Выслушав что-то молча, он обратился к Калашникову:

— Немножко придется подождать, товарищ корреспондент. Сейчас немцы нам ломают фланг, но скоро они совсем замучаются, и тогда мы с вами попьем чайку. Степного, кирпичного. Идет?

Было семнадцатое ноября. Шли тридцать четвертые сутки непрерывного боя.

Памятник И. В. Панфилову в городе Фрунзе

2—1289

ОШСКАЯ
областная
БИБЛИОТЕКА
инв. №101607

Медицинская сестра Валентина Панфилова в первый раз за все время боев пришла в этот вечер повидаться с отцом. Она принесла ему письмо, недавно полученное из дому.

«В такой радостный день приятно ему будет получить весточку и от родных»,— думала Валентина.

Иван Васильевич тепло встретил дочь. Он поцеловал ее и усадил рядом с собой.

— Да, дела горячие. Немцы называют нас, Валюшенька, «дикой дивизией». Не по их, видно, арийской «культуре» пришелся наш кулак!

Валентина всматривалась в дорогое лицо отца. Оно изменилось, постарело. Покрылось новыми морщинами. Серебрилась седина на висках. и чуть побелели черные, коротко подстриженные усы.

— Ну, беги, дочка! — сказал Панфилов прощаясь. — Опять наседают немцы. Некогда и порадоваться. Да и у тебя работы много. Прощай, родная. Получше ухаживай за ранеными. Береги солдат!

Эта встреча была последней.

ВЕЛИКОЕ НЕ УМИРАЕТ

Хмурилось подмосковное небо. Густыми хлопьями валил снег. Земля содрогалась от артиллерийской канонады. 18 ноября бой был особенно жесток. На опушке леса в небольшом подмосковном селении, стоял панфиловский штаб. За леском отбивали отчаянные атаки врага гвардейцы-панфиловцы.

Весть о высокой награде еще больше воодушевила полки.

Оторвавшись от карты, Панфилов надел полушубок и шапку.

— Пойду в полк,— сказал он начальнику штаба.— Очень тяжело там. Надо посмотреть. Подбодрить.

Он вышел из избушки. Больше не суждено было ему возвратиться. Герой погиб в этом бою. Осколок вражеской мины ударил в самое сердце.

Завывала лютая метель. Опаленные в боях солдаты и командиры несли на плечах по дороге к Москве носилки, сделанные из винтовок. На них, покрытый крас-

ным знаменем, неподвижно лежал Иван Васильевич Панфилов.

Президиум Верховного Совета СССР присвоил генерал-майору Ивану Васильевичу Панфилову звание Героя Советского Союза, а именем его была названа вынестованная героем бесстрашная дивизия гвардейцев.

— Бессмертие — вот награда тому, кто умирает смертью храбрых за Родину! — говорил при жизни Панфилов.

И сам он, воспитавший могучую семью героев, великим воинским подвигом обессмертил свое имя, ибо великое не умирает.

А. Казанский.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАРОДУ

Как только первые лучи солнца прорезали небосклон, к приземистому, глинобитному дому Тулеберди потянулись односельчане. Двери, выходившие на юг, где раскинулась гряда голубоватых гор, грозили сорваться с петель. Сначала шли сюда близкие родные, хорошие знакомые, друзья Чолпонбая, потом потянулись со всего аила...

Пришедших у входа встречала Сууракe.

— Спасибо, что пришли проститься с сыном,— говорила она, стараясь не показывать своих слез. — Проходите в дом.

Женщины, душой чувствуя состояние матери, принялись ее утешать.

— Что же нам делать, ведь тяжкое испытание выпало на долю всего народа... Мы родили детей, вырастили, воспитали их и вот, когда пришло время увидеть их цветущими, какие-то германцы навязали нам войну. Мы жили мирно, не лезли драться ни с кем, но видишь ка-

кое дело, нашлись люди, которые вероломно напали на нашу страну... Ух, попадись мне хоть один фашист...

— Сууракe, не падай духом, ты женщина умная, пойми, что наши дети сейчас должны находиться на поле сражения, а не дома,— вступила в разговор седая худенькая старушка. — Я вот тоже отправила на фронт трех богатырей, а ничего, хожу по земле. Я думала, если расстанусь с ними, придет мне конец. Но нет, на поле, среди народа я не чувствую себя одинокой, забытой. Такая у нас, у женщин, судьба: не имеем мы права удерживать сыновей, если народу грозит черная беда.

— Сууракe, не плачь, надо крепиться. Все обойдется и ты встретишь сына.

Сууракe кончиком белой косынки смахнула слезы.

— Я и так стараюсь держаться, но слезы сами льются, как вспомню свою жизнь. Обидела меня судьба. Когда Чолпонбаю было всего 11 лет, умер отец. Началась эта война. Ушел старший сын Данке. Ждала. Не дождалась. Оборвали его жизнь германцы. Теперь на фронт идет Чолпонбай-средний. Что же со мной будет? Ох, жизнь, жизнь! До чего ты бываешь порой жестокой! Я боюсь сна, который видела прошлой ночью.

— Нельзя так говорить,— опять прервала ее худенькая старушка. — Что это значит? Разве можно убиваться, когда сын еще дома? Кто тебе сказал, что все, кто уходит на фронт, не возвращаются?

— Правду говорит старая,— вмешались старики, сидевшие на почетном месте. — «Джигит и на смерть идет, улыбаясь» — говорят в народе. Не омрачай слезами путь сына. Пусть он с твердой душой идет на войну, а мы тут будем ему помогать...

Мать Чолпонбая, немного успокоившись, стала угощать гостей чаем. Мешок будущего бойца был уже собран заботливыми материнскими руками. Когда пиалы гостей опустели, вошел Чолпонбай. Поздоровавшись, юноша спросил:

— Мама, ты все приготовила? На конюшне я управился, все дела сдал. Ребята, с которыми еду, уже ждут меня.

— Сынок, поешь с нами, проголодаешься еще в дороге,— забеспокоилась Сууракe.

— Нет, мама, я не хочу.

Он было взялся за увязанный мешок, но его остановила старушка.

— Эй, сорванец, что это ты так груб с матерью? Она просит тебя перед дорогой отведать пищи, а ты не хочешь исполнить ее последнее желание. Хоть прикоснись. Хлеб-соль из материнских рук, когда уходишь на войну, это, знаешь, что такое? Не знаешь? Тогда садись, не прекословь.

Чолпонбай, улыбнувшись, опустился перед скатертью на одно колено. «Видимо, это какой-то старый обычай» — подумал он про себя. Мать подала ему в миске суп-лапшу с мясом. Он, отхлебнув немного, вернул миску матери, а сам попросил, чтобы его благословили старики. Те оживленно заговорили:

— Будь здоров, родной... Тебя все уважали в аиле, все будем ждать твоего возвращения.

— Борись за честь нашего народа. «Чем умирать лежа, лучше умри стреляя»,— такова поговорка. Не забывай ее.

— «Береженого бог бережет»,— говорят. Будь осторожным, но смелым.

— Счастливого тебе возвращения с победой!

Чолпонбай, встав, попрощался со всеми за руку. Вышли на улицу. Мать беспрерывно целовала сына, ей не хотелось с ним расставаться. Чолпонбай и сам еле сдерживал слезы. По скулам его перекатывались желваки, ноздри глубоко втягивали воздух. Подбежал младший братишка — Манасбай. Чолпонбай, подхватив его на руки, стал целовать в румяные круглые щечки. Потом, опустив, обернулся к матери.

— Мама, крепись. Буду жив, вернусь. От печали ты только состаришься, а я этого не хочу. Будь здорова, мама, жди моего возвращения! До свидания.

— Сынок, увидеть бы тебя живым после войны, тогда можно было бы и умереть.

Больше мать не смогла ничего сказать — слезы сдавили горло.

На улице стоял суровый декабрь. С гор дул пронизывающий морозный ветер. Большие толпы народа заполнили колхозные улицы. Несмотря на трескучий мороз, весь колхоз имени Тельмана высыпал на улицу, чтобы проводить своих детей.

* * *

Чолпонбай и его товарищи пешком добрались до районного военного комиссариата. Оттуда их отправили в Джамбул, на станцию. На перроне было полно народа. В здании вокзала тоже. Беспрерывно хлопала тяжелая дверь. Чолпонбай с товарищами устроился на скамейке, стоявшей в углу комнаты ожиданий. Он был задумчив, молчалив, сосредоточен. А думал он в эти минуты о старшем брате Данке, которого провожал с этого же вокзала. Сидели они тогда вот на этой же скамейке, на которой сейчас сидит он с товарищами-односельчанами. Данке, обычно молчаливый и нелюдимый, в тот день говорил без умолку, давая советы Чолпонбаю. Эх, жизнь! Кто мог знать, что то были последние слова брата?! Теперь его нет. Он погиб на фронте.

Чолпонбай уже давно оплакал брата. Он даже начал забывать его, но памятные места, как вот эта скамейка на вокзале, изредка напоминали о нем. При прощании Данке, помнится, говорил: «Чоке, может быть и тебе придется идти на фронт, но пока не призовут тебя, смотри за мамой, не обижай ее, она ведь у нас уже старенькая». И вот наступил великий день. Он снова сидит на памятной скамейке, а мать осталась одна с несмышленышем-подростком. Может, она и сейчас стоит и смотрит на дорогу, по которой ушел и второй ее сын? Узнать бы мне, какой фриц убил брата!..

Чолпонбай, сжав кулаки, весь напрягся, тяжело вздохнул.

— Эй, Чоке, что с тобой? На тебе лица нет...

— Идем на перрон, говорят, поезд идет.

— Да, пора выходить, может быть, это наш эшелон,— заговорили ребята, отрывая Чолпонбая от воспоминаний.

Вышли на перрон. Пассажирский состав уже стоял на первом пути. Из одного вагона вышла русская женщина лет тридцати. Она на руках несла плачущего мальчика, другой, тоже плача, шел за ней. Слезы лились и по измученному осунувшемуся лицу женщины. «Может, ей надо помочь?» — подумал Чолпонбай и подошел к женщине:

— Здравствуйте! — сказал он по-русски. Женщина

ответила едва заметным кивком, но перестала громко плакать. Теперь она только всхлипывала.

— Вы плакали, я подумал, случилась беда,— запинаясь, продолжал Чолпонбай по-русски.— Надо, помочь?

Его поддержали товарищи:

— Да, да, может быть, вам помочь?

— Нет, нет, спасибо, я сама. Я вспомнила сынишку...

Она кончиком платка вытерла слезы.

Видно, горе ее было так велико, что ей очень хотелось поделиться своей бедой с этими молодыми парнями, которые скоро будут там, откуда она недавно вырвалась.

— Мы жили недалеко от границы. Хорошо жили, спокойно. Места у нас красивые... А потом слышим — война, немцы вот-вот подойдут. Решили с детьми уходить. На шоссе над нами появились самолеты фашистов. Начали бомбить. Ой, что там было! Не приведи господь это снова повидать!

Она всхлипнула, но удержалась от слез.

— Ну, вот, германцы побросали все бомбы, постреляли и улетели. Кто жив остался, пошли к станции. У меня на руках был шестимесячный сыночек, да вот этот второй. Когда дошли до станции, я решила посмотреть Сережку. Развернула одеяльце и пеленки, смотрю и глазам не верю — не мой это ребенок! Видно, в суматохе, я с кем-то обменялась... Ох, дура я непутевая! Ходила по вагонам, искала Сережу, весь поезд прошла. Ни Сережи, ни матери этого ребенка не нашла. Может быть, они и не дошли до станции, может, убиты...

Женщина долго молча смотрела на сморщенное личико малыша, потом, смахнув слезы, продолжала:

— Отец на фронте, сюда добрые люди помогли добраться. А маленького мы назвали Славиком. Ему столько же времени, сколько и моему сыну. Да вот беда — никак не может привыкнуть ко мне, плачет и плачет. Он заплачет, а я вспоминаю Сережика и тоже лью слезы... Креплюсь, да разве забудешь все ужасы? Сердце-то не каменное...

— У вас тут кто есть родные?— спросил Чолпонбай.

— Если нет, то посадим на бричку, отвезем в наш аил. Там хорошо.

— Спасибо! Я нарочно сошла на этой станции. До войны мы переписывались с одной семьей, которая живет тут в Джамбуле. Их дом где-то недалеко от станции.

— Давайте отвезем вас?

— Нет, нет, большое спасибо. Спасибо, что разделили мое горе. Теперь я, пожалуй, пойду.

Женщина с детьми ушла. Чолпонбай задумчиво смотрел ей вслед. Потом сказал:

— Сколько горя принесла эта война! Женщина потеряла сына, муж где-то на фронте. Мы, здоровые парни, горюем, плачем: «Расстались со своими, уходим на фронт, вернемся ли?» А как чувствуют себя люди, в дом которых врываются фашисты, убивают, грабят?

— Те люди не такие, как мы,— возразил один из товарищей Чолпонбая.

— Что? Не такие?! Думаешь, у них вместо двух — четыре руки, вместо одного сердца — два?!

— Не знаю, но, видимо, храбрее и сильнее нас, выносливее.

— Нет,— возразил Чолпонбай. — Если горе свалится на человека, он становится выносливым. Если бы кто-нибудь захотел тебя обидеть, разве ты безропотно бы подчинился ему? Конечно, ты будешь сопротивляться.

— Правильно! — согласился товарищ Чолпонбая.

В это время послышался далекий гудок паровоза. Раздалась команда: «Строиться!»

Подошел состав. Мобилизованные разместились по вагонам, раздался гудок, и эшелон тронулся. Станция осталась позади, вышли в степь. Слева виднелись белые, остроконечные шапки Таласских гор.

На душе Чолпонбая было неспокойно. Он мысленно прощался с родной землей, с этими величавыми голубоватыми горами, у подножья которых прошло его детство.

* * *

Лето 1942 года было для нашей Родины тяжелым: гитлеровские армии повели наступление на юге, прорвались к Дону, на Северный Кавказ, к Волге.

Чолпонбай готовился стать кавалеристом, но попал в стрелковую часть — пехота в те дни была нужнее.

Полк, в котором стал служить Чолпонбай, после ожесточенных боев занял рубеж по реке Дон.

6 августа 1942 года. Рассветало. О берег тихо плескались волны Дона. Под ветром шуршал густой прибрежный камыш, укрывавший наших бойцов. Здесь, прямо в камышах, состоялось внеочередное собрание комсомольцев роты. Принимали в союз молодых воинов. Уже стали комсомольцами украинец Остап Черновол, грузин Серго Метревели, татарин Гайфулла Гилязутдинов. Очередь дошла до Тулебердиева. Слово взял только что подошедший старший лейтенант Горохов.

— Товарищи! Рота получила боевой приказ. Мы должны немедленно переправиться через Дон и занять Меловую гору, вон ту, которая видна отсюда. Противник оборудовал там огневую точку. Мы должны ее подавить. От наших действий будет зависеть успешная переправа через Дон всего полка, а значит жизнь наших товарищей. Кто пойдет со мной на тот берег?

Чолпонбай вскочил:

— Я, товарищ старший лейтенант!

Вслед за ним вызвалось еще несколько бойцов.

На вражеский берег отправились одиннадцать бойцов. Среди них был и Чолпонбай. Благополучно выбравшись из камышей, смельчаки по-пластунски доползли до реки. Вражеские ракеты непрерывно освещали поверхность реки, изредка взбиваемую пулеметными очередями.

Солдаты вошли в воду, поплыли. Но враг, обнаружив переправу, начал бить из пулеметов и минометов. Забурлила, закипела река. С тревогой следил полк за смельчаками. Но бойцы без потерь выбрались на берег. До Меловой горы уже рукой подать. Однако, под сильным пулеметным огнем пришлось залечь. Все знали, что стреляют из дзота на вершине горы. Не уничтожив этой точки, нечего было и думать о продвижении вперед. Смельчаки поползли к вершине. Когда до дзота осталось каких-нибудь пятнадцать—двадцать метров, Чолпонбай поднявшись на колени, кинул одну за другой две гранаты.

Пулемет смолк. Тулебердиев махнув рукой товарищам внизу, кинулся к дзоту. Но пулемет снова застрочил. Чолпонбай, видимо, раненый упал. Однако тут же

приподнялся. До немецкого пулемета было метра три—четыре. Он уже видел черный дергающийся ствол, до него доходил жар от раскаленного металла.

О чем он думал в эту минуту, осталось неизвестным. Только друзья видели, что, пошарив по поясу в надежде найти гранату, чуть приподнялся и оглянулся.

Он увидел в последнюю минуту друзей, которые с надеждой смотрели на него, широкие задонские дали, всю землю, на которой жил его народ, мирный, трудолюбивый. Мелькнул образ матери, благославляющей сына на подвиг...

Чолпонбай одним рывком преодолел расстояние до амбразуры и упал на жаркий ствол пулемета.

Никто не знает, сколько раскаленных пуль пробили его могучую грудь, но дзот умолк. Пулемет захлебнулся в горячей крови юноши.

Горохов и бойцы, быстро ползшие за Чолпонбаем, добили фашистских солдат в дзоге. Высота была взята!

Как только пулемет смолк, наши войска, быстро преодолев Дон, пошли в наступление...

Отправляя в последний путь героя, бойцы из роты Чолпонбая Тулебердиева в его нагрудном кармане нашли недописанное письмо девушке. Оно было пропитано кровью героя.

Чолпонбай писал любимой: «Радость моя, мой свет, ждешь ли ты меня? Сейчас мы пойдем в бой. С врагом я буду сражаться так же, как с ним сражались герои из Киргизстана. Я буду бороться за тебя, за мой счастливый, родной народ...»

На памятнике, установленном на могиле героя в селе Селявное, луч солнца играет на медной табличке, где искусной рукой гравера выгравировано: «Вечная слава тебе, герой киргизского народа! Верный сын Родины Чолпонбай Тулебердиев! Своим подвигом ты обессмертил себя и свой народ! Память о тебе будеть жить вечно!»

* * *

На плацу Н-ской воинской части в строю застыли солдаты. Идет перекличка. Тишину нарушает голос старшины:

— Герой Советского Союза, рядовой Тулебердиев Чолпонбай!

Правофланговый солдат четко отвечает:

— Погиб смертью храбрых в борьбе за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков!

Так повторяется изо дня в день, утром и вечером, и будет повторяться долгие годы потому, что сердце Чолпонбая продолжает биться в сердце каждого советского воина.

А. Артыкбаев,
А. Табалдиев.

СОКОЛ ТЯНЬ-ШАНЯ

Воспитанника Фрунзенского аэроклуба Михаила Бабкина война застала в Оренбурге. Вместе с десятками других юношей, таких же горячих и одержимых одной мечтой — стать летчиком, он сдавал экзамены в авиашколу.

Дни были заполнены зубрежкой. Зубрили всегда: утром, днем, вечером и даже ночью, и везде: в школе, в общежитии, в столовой. Воле и настойчивости будущих пилотов можно было только позавидовать.

Михаил вырос невысоким, худеньким и чрезвычайно подвижным пареньком. Горазд был на выдумки и проказы. Но если бы родители посмотрели в эти дни на своего сына, то не узнали бы его. Никаких выдумок и никаких проказ. Вся его воля была направлена на то, чтобы заставить себя сидеть за книгами утром, днем, вечером и даже ночью.

Михаилу было тогда девятнадцать. Возраст, когда мечта нужна человеку в жизни, как птице крылья для

полета. И провала на экзамене он себе не простил бы никогда.

Вырос Михаил в шахтерском городе Киргизии — Кызыл-Кия. Отец его — Николай Кузьмич, работник милиции, на своем веку много повоевал, но для детей хотел профессии гражданской.

— Может, на инженера пойдешь учиться,— говаривал он Михаилу. — Для сына бывшего батрака это почетно. А для государства полезно.

Но Михаил во сне и наяву видел себя за штурвалом самолета. В то время советская авиация делала решительный скачок в своем развитии. Легендарные имена летчиков Чкалова, Громова, Байдукова, Расковой, Гризодубовой, Осипенко и многих других стали известны всему миру. Подвиги этих людей явились мерилом жизни для юноши из шахтерского городка Южной Киргизии. И на предложение отца Михаил отвечал нередко вопросом:

— Папа, неужели у тебя никогда не было большой мечты в жизни?

Николай Кузьмич, крутой нравом человек, который в других случаях не преминул бы воспользоваться отцовской властью, отступил перед упорством сына. И вот уже мать собирает своего первенца на учебу во Фрунзенский аэроклуб. Год пробыл Михаил в столице республики. Первое знакомство с авиацией еще больше укрепило в нем мечту стать настоящим летчиком, и в 1941 году он едет в Оренбургскую авиашколу.

Начало войны взбудоражило всю школу. Михаил вместе с товарищами упорно просил отправить его на фронт. И не только просил, а даже требовал. Начальник авиашколы, старый опытный командир, собрал курсантов — настоящих и будущих, и произнес перед ними короткую речь.

— Мы — люди военные,— сказал он.— Что нам прикажут, то мы и должны выполнять. Мой приказ для вас сейчас — учиться. Овладевать мастерством пилотирования, уменьем воевать. Без этого вы на фронте не нужны.

Курсанты пошли в аудитории и на летное поле, а вновь поступающие — сдавать экзамены.

Долгими, словно вечность, казались Михаилу дни

учебы. На фронт он попал только в середине 1943 года. И угодил, как говорят, в самое пекло.

Их эскадрилья, входившая в состав штурмового авиационного полка, базировалась невдалеке от Харькова, занятого в то время фашистами. В июле 1943 года немецко-фашистское командование предприняло большое летнее наступление. Основной удар против советских войск был направлен в районе Орла—Курска—Белгорода. Но фашистское наступление провалилось, и уже через неделю в контрнаступление пошли советские войска. Это величайшее в истории войск сражение, получившее название Орловско-Курской битвы, поставило немецко-фашистскую армию перед катастрофой. Здесь Михаил Бабкин получил свое боевое крещение, и здесь он смотрел в глаза смерти.

...Уже около месяца продолжалось наступление советских войск на Орловско-Курской дуге. Упорно оборонялся враг. Но еще упорнее наступали советские воины. И покатились на запад фашистские полчища.

Тяжелые бои вела и штурмовая эскадрилья, в которой служил лейтенант Михаил Бабкин. Однако приподнятое настроение не покидало летчиков. Победы поднимали их боевой дух. Радовался и Михаил.

Но не только победами жил он. Много, ох, как много, большого человеческого горя пришлось ему увидеть за свою короткую фронтовую жизнь. Рядом умирали товарищи. Одни не возвращались на базы. Других привозили на аэродром мертвыми. Однажды и сам он после жаркой воздушной схватки с врагом прилетел к своим с мертвым стрелком-радистом.

До боли в сердце жалко было погибших друзей. Но еще больней было смотреть на гибель людей беззащитных. Он видел, как фашисты жгли города и села, уничтожали при отступлении мирных жителей. Сколько раз Михаил сталкивался с потрясающими душу трагедиями. Он видел и рвы, наполненные расстрелянными, и костры из человеческих тел, видел и охоту фашистских летчиков на безоружных людей.

Много, слишком много пришлось ему увидеть за месяц фронтовой жизни.

Гневом наливалось его сердце. И гнев этот пришлось почувствовать врагам. В самых дерзких налетах участ-

вовал Михаил, проявляя при этом чудеса отваги и мужества. И та схватка, 8 августа 1943 года, в которой Михаил Бабкин смотрел в глаза смерти, также является примером бесстрашия и героической выдержки.

...В составе шестерки «Ильюшиных» Михаил Бабкин вылетел на штурмовку артиллерийско-минометных позиций врага в районе Харькова. Отбомбились удачно. На воздух взлетело несколько вражеских батарей.

Развернувшись, ИЛы пошли вдоль шоссе Белгород — Харьков. По нему на запад тянулись колонны немецких танков, мотомеханизированной пехоты. При появлении советских самолетов внизу поднялась паника. Короткий приказ — и штурмовики принялись на бреющем полете «утюжить» шоссе. Они в упор расстреливали машины, до отказа набитые фашистскими солдатами, уничтожали немецкую технику. Одиннадцатый заход делала шестерка ИЛов, когда был получен тревожный сигнал — в воздухе самолеты противника. Штурмовики оторвались от шоссе и вступили в воздушную схватку с фашистами. Силы были неравными. На советских асов налетело восемнадцать немецких истребителей. Наших штурмовиков прикрывала лишь шестерка ЯКов.

Но не дрогнули советские летчики. Они смело врезались в строй фашистских стервятников. От огня истребителей загорелось четыре «мессершмитта». Двух «фокке-вульфов» сбили штурмовики. А с третьим в схватку вступил лейтенант Бабкин. Немецкий истребитель обладал большой скоростью, и «достать» его никак не удавалось. Бабкин также не давался немцу. И тут фашист решил идти в лобовую атаку. Расчет был прост: испугать советского воина. А если это не удастся, пользуясь хорошей маневренностью самолета и большей скоростью, уйти от атаки.

Стремительно сближались машины — одна с красными звездами на крыльях, другая — с паучьей свастикой. Всю свою волю собрал в кулак лейтенант Бабкин. И выдержал, не дрогнул. Фашист стремясь уйти от столкновения, задрал нос своего самолета. Михаил на миг увидел ничем не защищенное брюхо машины и выпустил в него пулеметную очередь. Воздушный стервятник рухнул вниз.

И в этот самый момент, когда после схватки спало

огромное напряжение, Михаил ощутил, как сильно тряхнуло самолет и перед глазами стало буро-красное пламя. Сначала боли он не почувствовал. А потом увидел кровь. Тонкой струйкой она текла из разорванной правой перчатки. В голове шумело от разрыва, и он никак не мог сообразить, что же произошло. Потом до сознания Михаила дошло, что он ранен и что находится в воздухе.

На все это ушли лишь десятые доли секунды. Но они показались Михаилу бесконечно долгими. Очнувшись, он испугался, что самолет идет без управления и вот-вот врежется в землю. Все его дальнейшие действия были четкими и строго продуманными. Михаил взял управление в левую руку, выровнял машину, вывел ее в сторону от места боя и доложил командиру эскадрильи:

— Ранен, иду на вынужденную посадку. Постараюсь дотянуть до своей территории.

Но сложным оказался путь до линии фронта. Предвидя легкую добычу, за Бабкиным увязался фашистский стервятник. Казалось, сбить штурмовик не стоит никакого труда. Из двух членов экипажа оборону может держать только один — стрелок-радист. Раненый же Михаил был не в счет. Все его помыслы сосредоточены на одном: как бы не «клюнула» носом машина.

Но фашист просчитался. Обессиленный, истекающий кровью, советский летчик смело вступил с ним в схватку. Это был бой на выдержку, бой на стойкость. Когда немец пытался зайти снизу, Бабкин, рискуя разбиться, прижимал свою машину почти к самой земле. И немец вынужден был менять тактику. Михаил делал ложный заход, фашист бросался ему наперерез. А Бабкин снова уходил от атаки. Нет, не получилось у гитлеровского стервятника, как он рассчитывал, игры кошки с мышью. Михаил ценою невероятных усилий выиграл воздушную схватку.

Вот и линия фронта. Советские зенитки уже прегради ли путь машине со свастикой. Силы оставляли Михаила. Но борьба еще не кончилась. Схватка с фашистом не прошла бесследно: самолет горел. Бабкин приказал стрелку-радисту:

— Прыгай, а я постараюсь спасти машину.

Но в ответ услышал:

— Товарищ командир, уж если бороться, то вместе. И погибать тоже...— Он не успел договорить.

— Кто здесь говорит о смерти? — спокойно, но твердо проговорил Михаил. — Повторяю свой приказ. Прыгай!

Когда под крылом самолета раскрылся белый купол парашюта, Бабкин уже вел отчаянную борьбу с огнем. Рывками он бросал из стороны в сторону, стараясь сбить пламя. И в то же время напряженно искал посадочную площадку. Но кругом были холмы, рвы, перелески.

Борьба не прекращалась ни на минуту. Броски, рывки, виражи, снова броски, рывки, виражи. А площадки все не было. Михаил боялся лишь одного: как бы не потерять сознания. На всякий случай самолет он вел на предельно низкой высоте. И это спасло его. В одном из бросков он почувствовал, как рулевое управление уходит из обессилевшей левой руки. Самолет вошел в штопор и врезался в противотанковый ров.

Крестьяне, наблюдавшие с земли эту героическую борьбу советского летчика, первыми оказались на месте катастрофы. Они вытащили потерявшего сознание Михаила из кабины. К ране на руке добавился еще перелом правой ноги. Пока крестьяне хлопотали около Михаила, приводя его в сознание, неподалеку приземлился самолет, высланный за Бабкиным командиром эскадрильи. Михаилу наспех перевязали раны, погрузили на самолет и отправили в Москву, в госпиталь.

...Тяжелые думы не давали покоя Михаилу. Изредка он слышал разговор врачей о своем будущем. И чувствовал, что дело обстоит не блестяще. Как-то хирург на ходу бросил своему ассистенту:

— Не знаю, не знаю, коллега,— сказал он. — Ведь самолет водить — это не на велосипеде ездить.

Но Бабкин решил не покоряться болезни. Он занялся специальной тренировкой руки и ноги. Упорство Михаила удивляло товарищей. Но зато при выписке из госпиталя он доказал врачам, что водить самолет может. Правда, разговор все-таки шел о том, что на фронт ему пока рановато. Но запрет на полеты был снят.

— А не пойти ли вам, молодой человек, пока в воен-

ную академию? — предлагали Бабкину во многих комиссиях. Но он отказывался наотрез. «Ну что ж,— решили специалисты,— пусть пока съездит домой в отпуск, а там видно будет».

Михаил поехал в Киргизию, а вслед за ним к родителям пришло письмо из полка. Командир полка хвалил Михаила за храбрость и просил родителей посоветовать своему сыну идти учиться в академию.

Читали Бабкины это письмо и радовались за своего сына. Гордились, что вырастили преданного Родине воина. Ну, а об академии разговор начать не решились. Как же было отговаривать Михаила от фронта, если сам глава семьи Николай Кузьмич подал уже два рапорта об отправке его на передовую? Занимался он обучением кавалерийских частей здесь, в Киргизии. Но всей душой рвался на фронт. И в конце концов ему удалось добиться удовлетворения своей просьбы.

Добровольцем ушел на фронт и средний сын Бабкиных — Владимир. А младший сын Василий даже возраст себе прибавил, но все-таки попал в школу десантников. И, конечно, вся семья Бабкиных одобряла поступок Михаила.

Снова на фронт Михаил попал в конце декабря.

...Ранение давало о себе знать. Правая рука Михаила срослась не совсем правильно, да и нога тоже: он немного прихрамывал. Врачи были правы: трудно подчас приходилось Михаилу в полетах.

Но не будь этих трудностей, не знал бы Михаил и радостей жизни. Сознание того, что он нужен в этой смертельной схватке с врагом, придавало ему силу. Михаил чувствовал: оторви его сейчас от самолета, от боевых товарищей — и он погиб. И, стиснув зубы, он снова и снова шел в бой.

Первые же вылеты поставили Бабкина в один ряд с ведущими пилотами штурмовой эскадрильи. Товарищи полюбили его за отчаянную храбрость, неутомимость, летное уменье и за большое человеческое сердце. Сначала Михаил был рядовым штурмовиком, затем — заместителем командира эскадрильи. Большей частью он назначался ведущим штурмовой группы в 4—6—8 самолетов. И не было случая, чтобы он не выполнил задания.

В начале 1944 года Михаил получил известие о том, что за бои на Орловско-Курской дуге он награжден орденом Красной Звезды. Позже он награждался многими орденами, но этот первый орден был ему особенно дорог. Принимая награду, Бабкин заверил своих товарищей и командиров:

— Буду,— сказал он,— драться с фашистами до последнего дыхания, до последней капли крови.

В 1944 году в жизни Бабкина произошло и другое, еще более значительное событие: он вступил в ряды Коммунистической партии. И он еще раз дал клятву Родине быть верным ее сыном и храбрым воином. Коммунист Бабкин с честью выполнил этот завет. В труднейшие операции водил он штурмовые группы ИЛов и выходил победителем. О нем говорили не только в эскадрилье. Его ставили в пример пилотам всего полка. И слава его была заслуженной. Он умел летать и воевать в самых сложных, самых трудных условиях.

Памятен был Михаилу день 12 февраля 1944 года. Район Витебска. Низкая облачность почти к земле прижимала четверку «Ильюшиных». На бреющем полете вышли штурмовики на цель. Отбомбились. Обратно группа летела в сплошном тумане. «Как в молоке»,— подумал Михаил, когда они уже были над своим аэродромом. Надо было найти окно в этой плотной стене. Но нигде не было даже просвета. Как быть? Искать другой аэродром — на исходе горючее.

— Иду на посадку,— сообщил Бабкин командиру эскадрильи. Шаг был рискованный. В этих условиях легко было разбиться. Приходилось рассчитывать только на местность. И она не подвела, Михаил точно посадил машину. И тут же с ходу стал руководить посадкой своих товарищей. Машины и люди были спасены.

Летом 1944 года Михаил Бабкин участвовал в боях по окружению и уничтожению большой группировки войск противника на территории Белоруссии. Жаркие это были дни. Например, с 23 по 28 июня Михаилу пришлось сделать 22 боевых вылета. Три — четыре воздушных боя в сутки. И каждый из них требовал величайшего напряжения и полной отдачи сил. И в каждом из них воин подвергался смертельной опасности.

Но зато с каждым боем росло его мастерство и

умение. Все больше постигал он повадки врага, узнавал его слабые места.

* * *

Перед нами наградной лист лейтенанта Михаила Бабкина. Он заполнен короткими, но очень выразительными записями: «Бабкин, будучи ведущим группы, штурмовал железнодорожную станцию Граево недалеко от границ Восточной Пруссии. Были взорваны стрелки на главных путях, повреждено и сожжено 30 железнодорожных вагонов». «При налете на ст. Липанки восьмерка ИЛов, ведомая Бабкиным, сделала три захода на цель, где находилось большое скопление танков и автомашин противника. Уничтожено пять танков и много солдат». «Восьмерка «Ильюшиных», в которой Бабкин был заместителем ведущего, производила налет на г. Эльбинг. По сигналам наземных частей летчики определили, что город окружен. Требовалась исключительная точность попадания. Восьмерка сделала три захода для установления цели. Затем сбросила бомбы. Лейтенант Бабкин получил высокую оценку со стороны станции наведения за точность удара». «Лейтенант Бабкин вел шестерку «Ильюшиных» на скопление танков. Группа находилась в сфере зенитного огня и танкового обстрела, но сделала три захода. В это время со стороны солнца налетело четыре «фокке-вульфа». Но правильным и организованным огнем атака была отбита, один «фокке-вульф» задымил».

В этих коротких записях видны будни войны. Будни, в которые каждый день свершаются героические дела. Будни, в которых куются умелые воины.

Всего Михаил совершил около 200 боевых вылетов. Сотни уничтоженных вражеских солдат, десятки железнодорожных вагонов, восемь самолетов и много другой техники — таков его личный счет участия в войне.

Пилоты первыми начали войну на территории врага. И вместе со всеми Михаил радовался тому дню, когда на воздух взлетала станция не с русским, а с немецким названием. Но ему было чуждо чувство слепой мести. Нет, за расстрелянного фашистским воздушным пиратом советского паренька он не стрелял в детей немцев.

Много уничтожил врагов Михаил Бабкин. Но ни разу его рука не поднялась на безоружного человека.

Когда закончилась война, грудь Михаила Бабкина украшали пять орденов: три ордена Боевого Красного Знамени, один — Красной Звезды и один — Отечественной войны первой степени. А немного позднее, 18 августа 1945 года, вышел указ о присвоении ему высокого звания Героя Советского Союза. Это была награда за все. За то, что нещадно бил врага, за то, что беззаветно любил Родину, за то, что был первым в бою за ее свободу.

...Войну Михаил Бабкин закончил старшим лейтенантом. После демобилизации — он снова в Киргизии. Несколько лет проработал пилотом гражданского воздушного флота. С 1952 года — опять в рядах Советской Армии. Летал на реактивных самолетах. Обучал других летному искусству и постоянно учился сам. Выполнял ответственные задания. В 1957 году был награжден орденом Ленина. А в декабре 1959 года майора Михаила Бабкина не стало. Он погиб на боевом посту.

Недолгую жизнь прожил Михаил Бабкин. Но он ее хорошо прожил. И дела его служат для всех нас памятью о нем и примером.

Е. Козлов.

СЕМЬЯ ГЕРОЕВ

Кому не известны славные имена простых советских людей Дуйшенкула Шопокова и Керимбюбю Шопоковой?

Дуйшенкул отдал жизнь за освобождение своей Родины от иноземных захватчиков. Керимбюбю посвятила свою жизнь умножению трудовой славы нашей Родины, построению коммунистического общества.

Имена героев навсегда вписаны в историю золотыми, немеркнущими буквами.

* * *

Их жизненные пути во многом схожи.

Отец Дуйшенкула был бедняком, о которых в народе говорят: «Едва концы с концами сводит». Только на сороковом году у него появился сын, о котором он всегда мечтал. Младенца назвали Дуйшенкулом.

Прошли годы. Когда Дуйшенкула в окрестности стали уже называть сыном Шопока,— в жизни киргизского

народа произошел коренной переворот: люди стали переходить к оседлой жизни, объединяться в колхозы. Дуйшенкул вступил в комсомол. Этого подвижного, энергичного, способного джигита быстро полюбили в ауле. Его посылают учителем в ликбез. Он принимает активное участие в общественной жизни колхоза.

В эти годы Дуйшенкул встречает девушку Керимбюбю, ставшую вскоре верной его спутницей по жизни.

Керимбюбю родилась в 1917 году в селе Сокулук, в доме бедняка. Когда ей исполнился год, умер отец, тринадцати лет она лишилась матери. Девочка воспитывалась у родственников.

В 1935 году Дуйшенкула назначают заведующим складом колхоза. Керимбюбю также работает в колхозе.

В течение трех лет Дуйшенкул руководил аильной организацией Осоавиахима. Он добился того, что члены Осоавиахима получили лучших колхозных скакунов и начали учиться езде, преодолению препятствий, рубке.

В короткий срок аильные осоавиахимовцы достигли победы. В 1937 году в Кызыл-Аскере были проведены соревнования осоавиахимовцев Средней Азии. В них принял участие и Дуйшенкул.

Для конников главным была рубка лозы. По обе стороны дистанции торчали свыше сорока кольев с прикрепленными к ним гибкими прутьями. Срубить на скаку все лозы — дело нелегкое. Но Дуйшенкул был спокоен. Ведь не зря он занимался в течение нескольких лет. Он пустил своего вороного с места галопом, поднял клинок. Сверкающий удар — и позади широкого крупа коня медленно валится прут. Взмахи все чаще и чаще, все быстрее летят справа и слева отсеченные части лозы... Дуйшенкул, доскакав до финиша, высоко подкинул клинок, ослепительно сверкнувший на солнце, ловко поймал его. Позади остались одни лишь голые колья.

Толпа зашумела, неистово захлопала в ладоши:

— Браво! Молодец! Спасибо! Живи сто лет!

В этом соревновании Шопоков занял первое место, получил ценный подарок. Этот день, когда он перед народом показал свое высокое мастерство наездника, запомнился ему на всю жизнь.

В 1938 году Дуйшенкул Шопоков вступил в партию, а Керимбюбю стала членом комсомола. Эти годы были

самыми счастливыми в их жизни: оба работали в колхозе, пользовались уважением, у них родился сын...

И вот началась война. Мирному счастью пришел конец.

Но Дуйшенкул не дрогнул, не испугался. Он верил, что враг не одолеет советский народ и будет разбит. Керимбюбю рассказывает, что однажды, в первые дни войны, взяв на руки двухмесячного сынишку Сапарбека, Дуйшенкул сказал:

— Э-э, брат, родился бы ты сейчас, я бы тебя назвал Дженишбеком*.

Керимбюбю, слышавшая разговор отца с сыном, шутя ответила:

— Прибереги это имя до победы, второго сына и назовем Дженишбеком.

Дуйшенкул на второй же день войны пошел в военкомат с просьбой послать его на фронт. Ему сказали:

— Товарищ Шопоков, таких как ты, очень много. Не торопись! Придет твой черед — непременно пошлем, не беспокойся.

Дуйшенкул, хмурый, как ненастный день, вернулся в аил.

Но недолго он ждал. В одну из июльских ночей принесли повестку...

— С фашистами буду драться во всю силу,— сказал он односельчанам. — Или вернусь с победой или погибну там, но врага не пропущу. Помните, это моя клятва, которую я даю перед всем народом!

Керимбюбю осталась одна. Чтобы быть достойной мужа, она работает не покладая рук.

На фронте Дуйшенкул Шопоков попал в знаменитую Панфиловскую дивизию, стойко и храбро сражавшуюся под Москвой. Здесь его нагнало письмо от жены.

«Дорогой муж! — писала Керимбюбю,— будь как всегда выносливым, смелым, храбрым. Если бы не дела в колхозе и наш сын, я бы непременно тоже взяла в руки винтовку и отправилась к тебе на фронт... Но ты знаешь, что этого нельзя сделать, в колхозе тоже борьба, здесь идет бой за богатый урожай, за помощь фронту. Я верю тебе, дорогой. И ты верь мне — твоя жена будет

---

* Джениш — победа.

достойной своего мужа. Не забывай нас». Прочитав письмо в окопе, Дуйшенкул тут же написал ответ: «Родная Керимбюбю, бои не прекращаются ни на минуту. Честь моего колхоза, в котором родился и вырос, я никогда не запятнаю. Не топтать фашистским сапогам, испачканным кровью, нашей Москвы. Нельзя победить народ, когда есть у него такие труженики, как вы, и такие храбрецы, как мои боевые товарищи... До свидания. Твой Дуйшенкул».

Это было последнее письмо храброго сына киргизского народа, в котором он прощался с родными Ала-Тоо...

* * *

Гитлеровское командование, планировавшее к концу 1941 года уничтожить советские войска, захватить Москву, жестоко просчиталось. Защищать светозарную Москву от врага вышел весь многонациональный советский народ. В рядах мужественных воинов, оборонявших Москву, были русские, украинцы, белорусы, казахи, грузины, киргизы, узбеки, армяне...

Среди наиболее стойких частей, поставленных для обороны столицы, была и 316 дивизия генерал-майора И. В. Панфилова. Она занимала линию обороны вдоль Волоколамского шоссе. Панфилов, выступая перед воинами дивизии, сказал:

— Настало время защищать Москву грудью... Вы должны глубоко понять, что судьба Москвы зависит от нас, от наших боевых действий...

Рота, входившая в состав полка, которым командовал полковник Копров, занимала у разъезда Дубосеково оборону. Это был левый фланг дивизии, далее стояла кавалерия генерала Доватора.

На этот раз враг задумал, вклинившись на стыке частей, далее прорваться в тыл наших войск. Для этой цели фашисты подготовили восемьдесят танков, два пехотных полка, шесть минометных и четыре артиллерийских батареи, автоматчиков и мотоциклистов. Но враг просчитался.

16 ноября на рассвете с немецкой стороны начала бить артиллерия, в воздухе показались вражеские самолеты. Бомбы и снаряды рвались всюду. Невозможно бы-

ло оторвать голову от земли. Но вот артподготовка прекратилась так же внезапно, как и началась. Враг очевидно считал, что «ворота» на Москву распахнуты. Сразу же крупные группы фашистских автоматчиков были брошены в атаку. В них никто не стрелял, будто в окопах не было ни одной живой души...

Фашисты подошли почти вплотную. Тогда раздалась команда:

— Огонь!

В морозном воздухе повис дружный залп, заговорили пулеметы. Фашисты не ожидали такого сильного огня, и оставив на белом снегу свыше семидесяти убитых и раненых, отступили.

Довольный первым боевым успехом, политрук роты Клочков прибежал с наблюдательного пункта и стал трясти разгоряченные руки солдат, поздравлять их с первой в этот день победой. Не успел он обойти окопы, как враг, при поддержке танков, снова ринулся в атаку. Клочков посмотрел на идущего врага и возбужденно крикнул:

— Э-э, соколы, бояться нечего, идут всего лишь двадцать танков. Не хватит даже по одному на брата. Вы с ними расправитесь, как повар с картошкой!

Началось героическое единоборство советских воинов с бронированными чудовищами. Среди бойцов-панфиловцев, стоявших насмерть у разъезда Дубосеково, были славные сыны Киргизстана — Дуйшенкул Шопоков, Григорий Конкин, Иван Москаленко, Николай Ананьев, Григорий Шемякин.

С переднего танка, прорвавшегося к окопам, какой-то фриц крикнул: «Рус, сдавайсь!» И тут случилось неожиданное: один солдат (он был двадцать девятый по счету, но имя его навсегда позабыто), выскочив из окопа, поднял руки.

— Перед кем поднимаешь руки?! — крикнул политрук, но голос его потонул в дружном залпе обороняющихся. Трус и предатель упал. В танк полетели бутылки с зажигательной жидкостью, связки гранат. Он запылал. Советские бойцы продолжали сражаться. Они подбивали танки из бронебойных ружей, подрывали их гранатами, жгли бутылками с зажигательной жидкостью. И в то же время не забывали косить вражескую пехоту. Дуй-

шенкул бил спокойно и точно до тех пор, пока к нему не приблизился тяжелый танк противника. Да, такую махину пулей не взять! Танк готов уже был подмять солдата, когда он молниеносно вскочил на ноги, бросил под гусеницы связку гранат, тут же скрылся в окопе. Взрыв, от которого вздрогнула земля, навсегда остановил черное чудовище. Другая машина загорелась от бутылки с горючей смесью, которую ловко подкинул Шемякин. Из танка, словно мыши из залитой водой норы, полезли гитлеровцы. Их одного за другим скашивали пули Дуйшенкула. Оставшиеся пять танков вскоре обратились в бегство.

Как только они отошли, показалась новая колонна вражеских машин...

— 10... 15... 20...

— Тридцать! — почти одновременно произнесли все солдаты.

— Теперь их больше, чем нас. Велика Россия, а отступать некуда. Позади — Москва! Надо сражаться, позабыв о страхе! Умрем, но не пропустим врага к сердцу нашей Родины! — воскликнул Клочков.

Сроднившиеся в боях солдаты обнялись, прощаясь навсегда, перецеловались.

И каждый видел перед собой дорогие сердцу величавые горы, бескрайние зеленые луга, безбрежные поля и леса, любимых и близких,— все то, что мы называем Родиной, которой они давали сейчас клятву драться с врагом до последнего вздоха. Каждый знал, что Родина за них отомстит.

Дуйшенкул что-то сказал, но его слова заглушил разорвавшийся рядом снаряд.

Танки, стреляя на ходу, не разбирая дороги, неслись к окопу. Взвод, который трудно было назвать взводом, потому что в живых осталось немногим больше десятка человек, встретил их, не дрогнув. Среди оставшихся были раненые, но и они сражались, пока руки держали оружие, пока глаза видели цель. Из полуразрушенных окопов ни на минуту не прекращался огонь. Был убит стрелок противотанкового ружья, которого тут же заменил Шемякин. От первых же его выстрелов загорелось два вражеских танка. Из-за машин выскочили автоматчики противника. Они стремительно приближа-

лись. Дуйшенкул, швырнув последнюю гранату в танк, подползший к нему с левой стороны, скрылся в окопе и тотчас же, высунувшись, открыл стрельбу по автоматчикам. Клочков, заметив, что граната Дуйшенкула не взорвалась, со связкой гранат кинулся под машину. К небу взлетел столб снежной пыли и дыма. Машина вздрогнула и замерла. Дуйшенкул, обернувшись, увидел, что на него направлены два автомата. Думать было некогда: одному фрицу он воткнул штык в живот, у другого резким ударом выбил автомат, а самого пришиб прикладом. Раздался выстрел откуда-то слева и Дуйшенкул почувствовал резкий удар. Последним усилием он ударил набежавшего немца штыком и рухнул на землю, увлекая за собой противника...

Герои, уничтожив в многочасовом бою около двух десятков танков, пали смертью храбрых, но не пропустили врага.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 28 панфиловцам было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди них был и Дуйшенкул Шопоков.

«Правда» в передовой статье «Герои советского народа» писала:

«В числе новых Героев Советского Союза советский народ с глубоким почтением и любовью узнает имена 28 гвардейцев из дивизии имени Панфилова. Подвиг этих доблестных советских воинов стал бессмертным не только в нашей стране. Слава о нем разнеслась по всему свету. ...Железное упорство, непоколебимая стойкость, готовность к величайшим жертвам — вот девиз советских воинов. Пусть каждый из советских воинов сражается с девизом в груди: победить во что бы то ни стало!

Мы победим!»

* * *

На митинге колхозников в связи с посмертным присвоением звания Героя Советского Союза Дуйшенкулу Шопокову выступали товарищи героя, родственники.

Двоюродный брат Дуйшенкула Айтбай Асылымбеков сказал:

— Разрешите мне отомстить врагу за Дуйшенкула!

Вскоре молодой джигит отправился на фронт и был зачислен в 8 Гвардейскую дивизию имени И. В. Панфилова.

Участники митинга направили письмо солдатам Панфиловской дивизии. В нем, в частности, говорилось: «Родине и вам, дорогие гвардейцы, мы даем свое слово трудиться на колхозных полях с таким усердием, с каким сражался против фашизма наш земляк Дуйшенкул Шопоков».

Керимбюбю Шопокова, выступая на аильном собрании, внесла предложение собрать средства на построение танка имени Дуйшенкула Шопокова и внесла первую сумму денег.

Перед комсомольцами Керимбюбю дала клятву мстить врагу за смерть мужа.

— Я не скрываю — смерть Дуйшенкула принесла мне много слез и мук,— говорила она. — Я всем сердцем ненавижу врага... Я знаю — каждый мой взмах и удар кетменя на пашне, каждый выращенный мною корень сахарной свеклы — это новый выстрел по врагу. Это мое оружие мести за Дуйшенкула. Я даю слово трудиться, не покладая рук, на благо моего народа, в память моего Дуйшенкула и бороться за большой урожай на полях так же по-геройски, как боролся мой муж против фашистов.

Чтобы выполнить слово, данное народу, Керимбюбю в конце 1941 года организовала комсомольско-молодежное звено и возглавила его. Вечерами, вернувшись с поля, она усаживалась за книги по агротехнике свеклы. Керимбюбю внимательно изучила богатый опыт прославленных свекловичниц Сууракан Кайназаровой и Натальи Воробьевой, лично встретилась с ними. Узнав о славных делах знатной свекловичницы Казахской ССР Нуруйпы Доскожоевой, Керимбюбю завела с ней переписку, попросила у нее советов. Неустанный труд, постоянное стремление узнать как можно больше, освоить передовой опыт, дали плодотворные результаты. Звено Шопоковой в 1942 году собрало с каждого гектара по 470 центнеров, а в 1943 году уже по 512 центнеров.

Трудовые успехи Керимбюбю не могли не радовать киргизский народ, друзей ее мужа. В декабре 1943 года

воины 8 Гвардейской дивизии прислали Шопоковой поздравление:

«Дорогая джене!* Ваши трудовые успехи нас, фронтовиков, вдохновляют на геройские поступки, на храбрость и бесстрашие».

Самоотверженный труд Шопоковой был высоко оценен правительством республики: она была награждена Почетной грамотой и удостоена звания «Отличника социалистического сельского хозяйства». Делегаты Фрунзенской областной комсомольской конференции избрали Шопокову членом обкома комсомола ЛКСМ Киргизии. В том же году она вступила в ряды Коммунистической партии.

Но Керимбюбю все время казалось, что сделала она еще мало и народ переоценил ее заслуги, что надо работать еще лучше.

В 1945 году члены звена Керимбюбю сами вспахали отведенную им землю, тщательно выполнили все полевые работы. В результате, этот год дал по 600 центнеров свеклы с гектара, а в 1946 году звено получило по 618 центнеров. Шопокова была удостоена высшей правительственной награды — ордена Ленина. Вскоре киргизский народ единодушно избрал свою трудолюбивую дочь депутатом Верховного Совета СССР. Затем за трудовые победы она была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а в 1949 году ее избрали председателем сельского Совета. Однако через два года Керимбюбю попросила избирателей отпустить ее в колхоз — ее влекли колхозные поля, созидательный труд.

Как и многие хозяйства Чуйской долины, колхоз имени Шопокова в течение трех-четырех лет выращивал хлопок и только с 1956 года вновь начал заниматься сахарной свеклой. И в первый же год звено Керимбюбю добилось выдающегося успеха: получило с гектара по 707 центнеров свеклы. В среднем по колхозу собрали 454 центнера свеклы с гектара.

В 1957 году Президиум Верховного Совета СССР, высоко оценив труд и успехи Керимбюбю Шопоковой, присвоил ей звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой звезды.

---

* Джене — ласковое обращение к старшей женщине.

Славная дочь киргизского народа, всю свою жизнь посвятившая труду, не успокаивается на достигнутом. Она говорит:

— Я знаю, что звание Героя Социалистического Труда мне присвоили не только за проделанный труд, но и за труд, который ждет меня впереди.

В 1958 году Керимбюбю Шопокова вторично была избрана депутатом Верховного Совета СССР.

Пройдут века, но имена Дуйшенкула, Героя Советского Союза, и Керимбюбю, Героя Социалистического Труда, никогда не изгладятся из народной памяти.

К. Артыкбаев,
А. Табалдиев.

ПОДВИГ ГАВРИИЛА ПАНТЕЛЕЕВА

С вражеской стороны непрерывно летели пули и мины. Видимо, гитлеровцы прощупывали наши боевые позиции. Но артиллеристы и минометчики молчали. Командир роты, пройдя по траншеям, предупредил бойцов:

— Враг готовится к броску. Мы должны во что бы то ни стало остановить атаку гитлеровцев и не пропустить их. Таков боевой приказ, товарищи! Стоять насмерть.

Гавриил подумал о том, что его пулемету, видно, придется сегодня поработать. Он легким, едва уловимым движением руки поправил ствол, смахнул рукавом пыль. Отсюда ему была хорошо видна вся местность, впереди, откуда могли появиться гитлеровцы. Ну что ж, пусть фрицы идут — окоп вырыт по всем правилам: глубокий, надежный, патроны есть...

А бой может начаться с минуты на минуту. Гавриил задумался.

Второй раз участвовал он в бою. Что будет на этот

раз? Первый бой прошел странно. Сейчас он вспоминал о нем как о сне, виденном очень давно. Правда, что было тогда? На передовую он, молодой солдат, пришел с книжным, полусказочным представлением о фронте. Ему думалось, что в первый же день он совершит необыкновенный подвиг. Правда, в том бою одним выстрелом из винтовки он снял гитлеровского наблюдателя. Но как стрелял он, Гавриил, как? Вылез по пояс из окопа и пальнул. Далекая фигурка упала, а он, любуясь своим делом, уставился на свалившегося немца. Удивительно, как его тогда не убили, ведь он был удобной мишенью... Просто забыл о том, что нельзя играть со смертью. Надо сначала фрицев побольше пощелкать, а там видно будет. Ну вот и докрасовался — получил пулю от немецкого снайпера. Хорошо, что не смертельную, пришлось поваляться в госпитале. Зато теперь он умнее — не будет играть со смертью в жмурки...

...Атака началась, как и предполагал Гавриил, на рассвете. Как только посветлело на востоке, заговорила немецкая артиллерия. Снаряды рвались всюду: сзади, слева, справа. Земля глухо стонала, покрываясь воронками и подпалинами. С воздуха артиллерию поддерживала авиация: пониже кучевых облаков, сбрасывая бомбу за бомбой, ползли бомбардировщики. Вот заработали наши зенитки. Хорошо! Один «юнкерс», за ним второй, задымив, пошли к земле. Точно сегодня били зенитчики!

Артиллерийская подготовка стихла. Значит, сейчас немцы пойдут в атаку. Наши солдаты вышли из укрытий и по траншеям кинулись к своим позициям. Никто пока не стрелял. Наблюдатель сообщил, что на правом фланге немцы атакуют.

Пулемет Гавриила находился в центре. Пулеметчик пристально следил за противником. Пусть только пехота поднимется для атаки... Вот только куда запропастился второй номер?! Послал его на минутку, а все нет и нет. Гавриил глянул в обе стороны вдоль траншеи. Прошла минута, другая. Невдалеке раздался вскрик. Гавриил повернул голову. В траншее побледневший второй номер возился с правой рукой. Пуля, видимо, разрывная, попала ему в мышцу и разорвала ее, но кость была цела. Гавриил помог ему перевязать руку, потом сказал:

— Иди-ка на медпункт, для боя ты все равно не годен. А я как следует встречу фрицев. Ничего, справлюсь как-нибудь. Ну, шагай! Пока! Будем живы — увидимся,— Гавриил осторожно обнял товарища. Они расстались.

Когда Гавриил залег за пулеметом, противник был уже на расстоянии 400—500 метров. Он шел под прикрытием танков, ведя огонь с ходу... Но наши не отвечали. Над линией наших траншей стояла тишина. Немцы были уверены, что огневая подготовка смела все живое, и шли все быстрее и быстрее, не таясь, постепенно выходя из-за прикрытия танков. Вот до них осталось метров сто...

— По фашистам огонь! — раздалась долгожданная команда, и все слилось — рокот пулеметов, хлопки винтовочных выстрелов, короткие автоматные очереди. Пулемет Гавриила также строчил ровно и четко. Передние ряды, отсеченные сильным огнем от танков, смешались. Часть солдат побежала назад. Задымились подбитые артиллеристами три танка.

Гавриил спокойно, хладнокровно бил короткими очередями по отступающим немцам. И там, куда он направлял пулемет, фигуры в серо-зеленых шинелях валились одна за другой.

Заметив переполох в первых цепях, атакующие на минуту задержались, затем стали обтекать позицию справа и слева. Гавриил, поняв замысел врага, перебрался на запасную позицию. Враг, по всей вероятности, ударит по правому флангу — там была пересеченная, удобная для атаки, местность. С новой позиции Пантелеев теперь мог простреливать правый фланг, держать под контролем и левый.

Не прошло, кажется, и минуты, как началась вторая атака. На этот раз ее поддерживало еще больше танков. Но и эта атака сорвалась — артиллеристы заставили танки повернуть, а пехота сначала залегла, потом откатилась на исходные рубежи. Немцы предприняли третью попытку выбить наши части из окопов — она также успехом не увенчалась. За день гитлеровцы потеряли более ста человек убитыми и несколько танков.

Бой этот велся на подступах к Волге. В нем Гавриил

Пантелеев потерял много боевых друзей, но сам не получил даже царапины.

После боя комбат созвал командиров подразделений для разбора прошедшего боя. Когда командир роты доложил о мужестве и стойкости Гавриила, комбат спросил:

— Какой это Пантелеев?

— Командир пулеметного расчета. Ему всего девятнадцать лет. Родом из Киргизии.

— Надо его представить к награде.

Закончив разбор боя, капитан сказал:

— Мы неплохо оборонялись. Несмотря на превосходство в живой силе и технике, немцы так и не прошли на нашем участке. Но этого мало. Мы должны быть готовыми к наступлению. Для немцев только одна дорога — на Запад. Успех, общий успех будет зависеть от боевых действий каждого батальона, каждой роты, взвода, отделения... Мы обязаны вести успешное наступление. Приказа еще нет, но каждый командир, каждый боец должен проникнуться наступательным духом...

Весть о том, что надо готовиться к наступлению, взволновала Гавриила Пантелеева. Здесь, в обороне, все казалось знакомым, обжитым, даже уютным. И не так опасно... Все-таки земля, траншеи — лучшее укрытие...

Он подумал — не написать ли письмо родителям. Возможно, это будет последняя весть от него. Достал из вещевого мешка бумагу, вынул карандаш... Нет, с письмом придется подождать. Писать перед наступлением, говорят, плохая примета. Можно написать потом, после боя. Будет о чем писать.

Шальная пуля, пущенная каким-то фрицем, пролетела над ухом Гавриила, он пригнулся. «Видно, заметили мою позицию. Надо «переезжать»,— решил он. Но тут заговорила артиллерия — началась артподготовка. Низко прошли наши бомбардировщики, и немецкая сторона превратилась в сплошную линию разрывов, яркого пламени.

— Вперед, в атаку!

Команда словно подбросила Гавриила над окопом. Не раздумывая, одним из первых, выскочил он с пуле-

метом в руках за бруствер. Согнувшись, пробежал несколько метров, залег и открыл огонь.

Опережая наступающих, прошли наши танки. Гавриил бил из своего пулемета, не давая гитлеровцам высунуть голову из окопов. Застрекотал правофланговый пулемет. Гавриил, воспользовавшись этим, продвинулся вперед. Теперь до врага оставалось не более ста метров. Страх покинул Гавриила, он прополз еще немного и открыл огонь. Наши были уже недалеко от вражеских окопов, когда Пантелеев почувствовал сильный удар по правой руке. Из пулевой раны полилась горячая кровь. Пулемет умолк. Фашисты, пользуясь минутным затишьем, открыли яростный огонь по наступающим. «Что же делать? Ведь взвод так успешно наступал, так стремительно шел вперед, а теперь? Во что бы то ни стало надо, чтобы пулемет заработал...»

Пантелеев сорвал с головы пилотку, прижал ее ремнем к раненой руке и, собрав последние силы, левой открыл огонь. Ободрившиеся солдаты с криками «ура!» ворвались в первую линию обороны противника... Гавриил перенес огонь на левый фланг. Потом надо было продвинуться вперед. Он поднялся, шатаясь, постоял долю секунды и рухнул на землю...

...Глаза Гавриил открыл уже в госпитале. Только через два месяца Пантелеев вернулся на передовую. Там он узнал о новом, втором, награждении орденом Красная Звезда.

В сентябре 1943 года гвардейская дивизия, в которой служил Пантелеев, начала бои за Днепр. Гавриил к тому времени служил адъютантом старшим батальона.

В ночь на 26 сентября специальная группа, в которой был и Пантелеев, под огнем противника форсировала реку. Пантелеев на легкой надувной резиновой лодке первым достиг противоположного берега. Враг, заметив отважную группу, пошел в контратаку, но вскоре был отбит. Группа, заняв выгодную позицию, быстро окопалась. Это был всего лишь клочок земли. Но он сыграл важную роль. Пока группа отвлекала на себя внимание противника, батальон без потерь преодолел реку. Гвардейцы пошли в атаку на село, в котором окопался противник. Впереди наступающих был Пантелеев. На ходу,

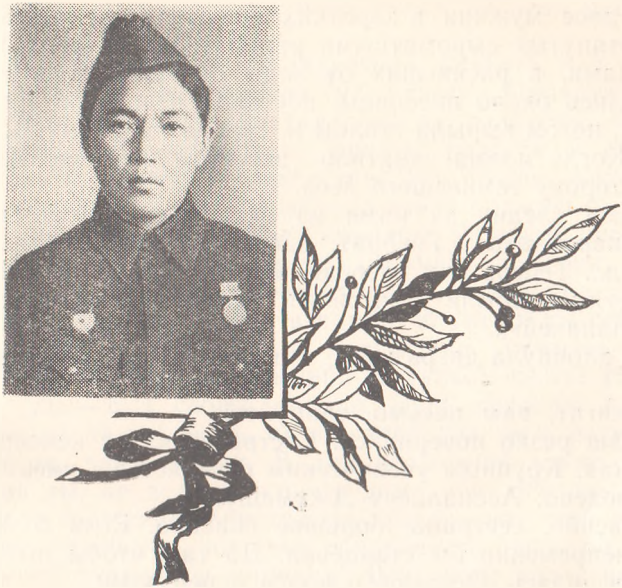
не задерживаясь, петляя, чтобы враг не сразил его, Гавриил забросал гранатами две огневые точки противника. Было уничтожено четырнадцать гитлеровцев и шесть взято в плен.

Враг восемь раз пытался перейти в контратаку, но все они были безуспешными. Гавриил Пантелеев проявил в этом бою беспримерный героизм и стойкость. Он дрался несмотря на то, что был уже тяжело ранен, дрался до тех пор, пока рядом с ним не разорвалась вражеская мина.

Храбрым лейтенантом называли его бойцы батальона. И хотя он не вернулся в родное село Чоткуль, названное впоследствии его именем, он навеки остался в памяти односельчан образцом мужества и бесстрашия.

Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил Гавриилу Фроловичу Пантелееву звание Героя Советского Союза.

К. Артыкбаев,
А. Табалдиев.

ЧЕСТЬ ДОРОЖЕ ЖИЗНИ

От неожиданно наступившей распутицы с холмов сошел снег, талая вода заполнила все складки земли. Из грязи торчат разбитые вражеские пушки, до неузнаваемости помятые мотоциклы, разбросанное там и сям оружие, клочья зеленовато-серых мундиров, рваные бумаги. Повсюду видны разрушенные дома, тлеющие сараи.

Тишина. Не слышно даже шагов прохожих. Где молодежь, которая в эту пору по вечерам заполняла улицы песнями, смехом, шутками? Ушла на фронт бить врага. В селе осталось несколько стариков да подростков. Соберутся вместе и смотрят на запад глазами, полными гнева и печали.

Да, в селе такая тишина, что, если бы не едва слышная канонада удаляющегося боя, можно подумать, будто здесь уже все спокойно, на землю пришла мирная жизнь.

Но еще не убраны кровавые следы войны, не вырыты столбы с черными петлями. Только вчера к виселице

подошли двое мужчин в коротких черных полушубках, туго перетянутых сыромятными ремнями, с отпущенными бородами, в раскисших от воды больших сапогах. Остановились около виселицы, постояли некоторое время молча, потом вырыли столбы и, свалив их в кучу, подожгли. Когда пламя охватило дерево и веревки, они ушли в сторону темневшего леса.

Джумаш следил за ними из окна. Он задумался. «Видно, партизаны... Говорят, здесь действовал большой отряд... Теперь они впереди, вместе с нашими бойцами. А эти не забыли уничтожить страшное дело гитлеровских палачей»...

Сзади хлопнула дверь хаты, и девичий голос задорно произнес:

— Джигит, вам письмо, танцуйте!

Джумаш резко повернулся. Сестра стояла с конвертом в руках. Крупным ученическим почерком на письме было выведено: Асаналиеву Джумашу.

— Спасибо, сестрица, большое спасибо. Если б не рана, я непременно бы станцевал. Да так, чтобы пыль столбом взвилась. Остаюсь в долгу перед вами.

— Ладно, ладно! Главное, чтобы выздоровели поскорее, а танцевать еще будете...

* * *

...Рана у Джумаша быстро заживала, он чувствовал себя уже хорошо. Но в ту ночь он не смог сомкнуть глаз. А ночь, как на зло, была длинной, утомительной... Мысленно он побывал везде, вспомнил всю свою недолгую жизнь. Но больше всего, пожалуй, он думал об отце и матери. «Дорогой мой мальчик, ты у меня единственный тополек, буду ждать тебя, добивай врага и скорее с победой возвращайся домой, родной мой,— смахивая слезы, говорила мать, провожая сына на фронт.— Мне что-то нездоровится. Хочу тебя дождаться, чтобы ты бросил горсточку земли на мою могилу».

Ему нестерпимо захотелось увидеть мать, узнать, что она уже здорова и как всегда веселая. «Если бы не эти проклятые фашисты, я работал бы в колхозе,— подумал он. — Если бы был у меня хотя бы младший брат! Он присмотрел бы за стариками. Или сестра. Я не знаю, как они там живут. Трудно им, видно. А как хочется,

чтобы они пожили на моих руках, не зная никаких забот...»

Воспоминания так захватили джигита, что он не заметил слёз, вскипевших на глазах. Смахнув горячие капли, Джумаш обругал себя за слабость. «Человеку приходится переживать минуты радости и огорчений, минуты тревог и торжества. Но стыдно каждый раз проливать слезы! У храбреца глаза должны быть всегда сухими. Крепись! Перед народом, Родиной, перед родителями ты честен. Ну-ка, Джумаш, вспомни, была ли минута, когда ты готов был склониться перед врагом? Нет! Ну-ка, Джумаш, вспомни, искал ли ты себе теплое местечко во время боев? Нет! Ну-ка, Джумаш, вспомни, запятнал ли ты каким-либо поступком честь? Нет!

Ты — сын своего народа. Будь крепким и смелым, борись за его честь, не пожалей для него, если понадобится, даже жизни. В дни испытаний такие джигиты, как ты, не должны сидеть дома, они обязаны быть на поле сражений. Уничтожать врага — вот твой труд, вот твое геройство, вот твоя обязанность перед родителями, перед страной и народом! Всю свою силу, все пламя своей души отдай победе над врагом!»

Джумаш так ненавидел сейчас врага, ему так захотелось очутиться среди друзей, в своем отделении, что он даже приподнялся на кровати. Но тупая, ноющая боль тотчас напомнила, что он прикован к постели. Ах, эти повязки! Они словно стальные путы на ногах резвого скакуна! Сколько он ни упрашивал, сколько ни молил врачей, чтобы они поскорее пустили его на передовую, всегда слышал один и тот же спокойный ответ:

— Пока рано. Если ты, не долечившись, отправишься на фронт, то себе же сделаешь хуже. Ранение у тебя тяжелое. Лежи спокойно.

Эх, дали бы ему крылья! Никакая медицина не удержала бы его! Словно кобчик на стаю воробьев, ринулся бы он на врагов! Но крыльев нет и приходится слушаться врачей... Поправляя горячую подушку, Джумаш дотронулся до конверта и вспомнил о письме. Он долго смотрел на обтрепанный ко краям треугольник, потом осторожно развернул его и разгладил между ладонями. Взгляд побежал по знакомым строчкам. Некоторые места он перечитывал по нескольку раз.

«Родной мой жеребеночек,— писал отец,— я молю бога, чтобы он сохранил тебе жизнь. Сынок, не беспокойся о нас. Тут задумай умирать — и не дадут: ведь мы живем с народом, под ногами родная земля. Нам помогают и ухаживают за нами так же хорошо, как ты ухаживал, когда был дома. Не волнуйся за нас, дорогой наш. Крепче и тверже держи свою винтовку и без промаха бей по врагу. Сколько бы сокол ни летал по воздуху, он все равно сядет в свое гнездо. Твое гнездо никто не разрушит, ты в него еще вернешься. Мы будем ждать тебя, Джумаш. Желаем тебе скорого возвращения с победой и славой домой».

Джумаш закрыл глаза. Ему представилось лето, берег благодатного Иссык-Куля, щебет птиц и шумный взлет диких уток с пенистой волны...

Предательские слезы опять смочили ресницы...

* * *

На войне бывает и страшно и тяжело. Там смерть и страдание ходят рядом с радостью и ликованием. Ну, а любовь? Есть ли ей место в окопах? Да! Любовь называют бессмертным чувством. И в неописуемо тяжкие минуты, когда враг берет тебя за горло, когда рекой течет людская кровь, когда небо вместо живительных лучей шлет смерть, воин помнит о своей возлюбленной, стремится всем сердцем к ней. И во время коротких минут отдыха, посасывая едкую самокрутку, вспоминает солдат промелькнувшие звездные ночи, прохладный ветерок, соловьиную трель, самые прекрасные в мире глаза...

Вот почему Джумаш писал стихи.

Чувства его, биение его сердца, его мысли — ложились в блокнот строфами стихов. Дописав последние слова, Джумаш прочитал все стихотворение, сделал кое-какие поправки, попытался тихо — чтобы не услышала сестра — спеть его на мотив, который тут же сочинил. Получалось неплохо. Во всяком случае, так ему показалось. Он улыбнулся и спрятал блокнот. Она будет рада получить такое необычное письмо...

* * *

Ночь. Вдали зарницами вспыхивают ракеты и тут же гаснут, как огонек спички под ветром. Льет нудный, затяжной дождь. Видимо, здесь прошли танки — земля разворочена, перемешана, и грязь на дороге такая, что ноги не вытащишь.

Поэтому пехотинцы идут медленно, упрямо, настойчиво. Тихо. Только слышно тяжелое дыхание, изредка негромко брякнет оружие или котелок да раздастся ругательство, произнесенное сквозь зубы.

Люди идут так час, другой...

Близится рассвет. Восток начинает сереть.

Наконец, на опушке соснового леса колонна останавливается. Раздается команда — можно отдохнуть, поспать. Утомленные солдаты валятся на влажную землю.

Джумаш тоже ложится под маленькой елочкой. От нее пахнет свежестью и хвоей. Иногда этот запах заглушается густым ароматом просыпающейся земли, прелой листвы, набухших почек.

Джумаш лежит и вспоминает родную землю Ала-Тоо. Вспомнились высокие скалистые горы, стройные и ровные, как свечи, ели и сосны. Не раз он бродил там, вдыхал ароматный воздух. Здесь точно такой же воздух, такие же запахи, это воздух Родины, дороже которой нет ничего на свете. «Только запах гари и пороховой дым примешиваются. Но скоро эти запахи навсегда исчезнут, непременно исчезнут, и опять будет благоухать все вокруг, и молодежь будет здесь веселиться и петь»,— думает Джумаш, вглядываясь сквозь ветви в чистое небо.

Рядом пошевельнулся старший сержант Макеев.

— Джумаш, а знаешь, впереди нас ждет большое сражение,— сказал он.

— Да, знаю.

— Как хочется, чтобы скорее мы победили и все кончилось.

— Да, я тоже об этом мечтаю.

Они умолкли. Стало тихо, так тихо, что было слышно, как шепчутся кроны деревьев. Небо посветлело, над лесом, ласково грея, встало солнце, во все стороны осветились синие радостные дали. Какая красота!

Джумаш лежал на спине и смотрел на самую макуш-

ку высокой сосны. Ему кажется, что она стремится все выше и выше, под самый голубой купол неба.

— Слушай, Макеев, хорошо было бы, если бы мы быстро дошли до Западной Двины.

— Правильно, каждый об этом мечтает.

На войне затишье длится недолго. Сначала до леса, где расположились пехотинцы, донеслись глухие выстрелы, будто стреляли где-то под землей, потом с шипением пронеслись снаряды, которые плюхнулись позади.

— Зря тратят снаряды. Нам бы их!

— Фрицу от них не повезло бы.

— Пусть летят себе в пустое поле, пахать будет легче.

Но снаряды начали рваться все чаще и ближе. Очевидно, противник нащупывал цель и поэтому не жалел боеприпасов.

Бой начался неожиданно. По телефону сообщили, что враг пошел в контратаку и занял село Лабейку.

Через минуту солдаты поднялись по тревоге. Пришел командир роты.

— Перед нами поставлена большая и ответственная задача: во что бы то ни стало мы должны взять высоту 110. Для этого надо форсировать реку. Моста там нет... Проверьте оружие и ждите команды.

Макеев и Джумаш еще раз осмотрели и почистили пулемет.

— Не подведет машинка! — с улыбкой сказал Джумаш.— Получат сегодня фрицы.

— Конечно, проучим фашистов. Ишь — в атаку пошли. Видно, забыли, что сейчас не сорок первый год.

— Есть у нас, Сережа, такая пословица: «Честь дороже жизни». Пока не уничтожим врага, нельзя нам возвращаться домой.

— Я знаю, я уверен — мы будем живы и вернемся домой с победой.

* * *

Сбитые листья деревьев густо летят на землю, тут же втаптываются в грязь. В реку, булькая и шипя, падают раскаленные осколки и свинец. Изредка шальная пуля пролетает прямо над ухом. Жутко. «У пули путь прямой,—думает Джумаш.—Она безжалостная дура». Вот в

станок пулемета попала пуля, он качнулся, значит, смерть не взяла. «Смелого пуля боится, смелого штык не берет»,— вспоминает Джумаш и рывком кидается к реке.

А река спокойно катит волны, безразличная к людской заботе, к людской печали.

Джумаш, столкнув в реку толстое бревно, вскочил на него. За спиной у него станок пулемета, в руках длинный шест. Пули то буравят воду, то бревно. Рядом с Джумашем Сергей и Камил.

— Вперед, друзья, смелее, друзья,— ободряет их Джумаш.

Они благополучно переправились на тот берег Западной Двины... До заветной высоты еще далеко. Из-за бугра показались немцы. Они бежали и что-то кричали.

— Надо стрелять,— спокойно сказал старший сержант.

Пулемет был еще не установлен, когда Макеев, схватившись за грудь, повалился на землю. Джумаш, приподняв его голову, увидел на губах кровь.

— Быстрее... Не теряй времени...— прошептал Макеев.— Иди...

Врагов становилось все больше и больше. Они бежали толпой, словно стадо овец, заметившее впереди сочную траву.

— Огонь! — крикнул Джумаш, беря на себя роль командира. — Смерть фашистам!

Передние ряды немцев поредели: несколько фигур покатилось вниз по склону. Пулемет работал ровно. Враг в замешательстве сбился на правом фланге в кучу.

— Огонь по правому флангу!

Немцы метнулись влево.

— Огонь по левому флангу!

Теперь гитлеровцы бежали по склону, на ходу стреляя из автоматов. Неожиданно умолк пулемет. Джумаш обернулся. Пулеметчик и второй номер лежали мертвые.

Джумаш кинулся к пулемету.

— За кровь товарищей, за наш народ, за мою землю! — шептал он, задыхаясь и ведя огонь.

Но вскоре он заметил, что патронов осталось полленты. Ну что ж, надо подпустить фрицев поближе, чтобы ни одна пуля не пропала. Он замер, крепче ухватившись за рукоятки.

Немцы снова пошли в атаку. Пулемет молчал. Немцы приободрились, побежали в рост.

Когда немцы подошли метров на пятьдесят, Джумаш с мстительной радостью нажал на спуск. Враг валился, как подкошенная острой косой трава. Вначале Джумаш считал сбитых солдат. Досчитал до двадцати. Потом сбился со счета. Гитлеровцы повернули назад. Джумаш оглянулся на реку; батальон продвигался, но был еще далеко. Патроны кончились. Джумаш вынул свою гранату, собрал у мертвых товарищей.

Врагов было много, они шли стеной.

— Это за нашу победу! — крикнул Джумаш и бросил первую гранату.

— Это за нашу жизнь!

— Это за наших мертвых!

Немцы окружали отважного воина. Они решили взять живым этого храброго солдата. Офицер приказал ему сдаться.

— Советские люди не сдаются! — крикнул Джумаш.

Он понял, что сейчас все будет кончено. Джумаш вырвал чеку из последней гранаты.

И за несколько оставшихся секунд перед его взором пробежали самые яркие картины его короткой жизни, вспомнился отцовский наказ — джигит не должен сгибать колени перед врагом.

«Я умираю за счастье народа, для которого был рожден. Моя жизнь останется с народом»,— подумал он, и это была последняя его мысль...

После взрыва уцелевшие немцы отпрянули, потом снова кинулись к пулемету. Киргизский солдат лежал головой на запад, на груди его сверкал комсомольский значок. Под ним была священная русская земля. Вокруг лежало несколько поверженных вражеских солдат, будто павших от страха перед храбрецом, который не дал врагу ни на шаг продвинуться вперед.

* * *

За героизм в борьбе с фашистскими захватчиками комсомольцу ефрейтору Асаналиеву Джумашу посмертно присвоено почетное звание Героя Советского Союза.

Б. Ашимбаев.

ТРУЖЕНИК ВОЙНЫ

С самого раннего утра в селе Красная речка, которое зеленой лентой растянулось за Кантом, царило оживление. Жители села провожали своих отцов, братьев, сыновей на фронт. Седые старики, поглаживая широкие бороды, напутствовали уходивших на войну:

— Бейте врага беспощадно. Проучите его так, чтобы он больше никогда не смог поднять своей грязной руки на наш народ.

Молодые парни, на лицах которых не было даже следа уныния или грусти, под гармонику лихо отплясывают «Барыню». В круг стремительно вбежал худощавый молодой человек. Он кружился, выбивал начищенными до ослепительного блеска хромовыми сапогами замысловатые коленца, приседал и молниеносно мчался по тесному кругу. В такт его движениям присутствующие, не жалея рук, били в ладоши.

Толпа кричала:

— Ой да молодец, Алексей. Браво, орел! Швыдче!

— И врага бей так же лихо!

— Что будет с нами без таких парней?

— Бросьте чепуху говорить! Они скоро с победой вернутся домой, а вы их оплакиваете. Стыдно!

— Алеша, уступи место Абылу!

И в круг влетел черноглазый и черноволосый джигит. Он так же, как и его друг Алексей, с душой танцевал русский танец, ему так же хлопали зрители...

К Алексею медленно подошла женщина средних лет Глаза ее были сухие, но по лицу то и дело пробегала едва заметная тень грусти. Мать знала, куда отправляла сына, горько и тяжко было у нее на сердце, но старалась не показать перед односельчанами свою слабость.

— Алексей, будь честным и храбрым, каким я тебя воспитывала. Желаю тебе счастливого пути и скорого возвращения. Я буду ждать,— сказала мать, с ласковой грустью глядя на сына.

Сын посмотрел на мать, улыбнулся:

— Спасибо мама за то, что вы не выдаете своей печали. А наказ ваш я выполню. Только вы берегите свое здоровье. Я буду писать. Если будет трудно, обращайтесь к народу, свои не оставят в беде.

Прошло немного времени, и кто-то громко крикнул:

— Вещи на бричках. Пора в путь.

Кони тронулись, и около сотни парней пошли в сторону города Фрунзе.

— Счастливого пути, возвращайтесь с победой! — кричали им вслед односельчане.

Последней ушла домой Анна Ивановна, мать Алексея. Она проводила сына до конца села, остановилась, поправила на плечах шаль и долго-долго махала белым платком сыну вслед...

В армии Алексей не был новичком: до войны он отслужил два года, как говорят в народе «действительной», был неплохим сапером. Вот и сейчас, попав в мотомеханизированную бригаду, Алексей снова стал сапером, теперь уже командиром отделения.

Шли последние дни 1942 года. В бригаду почти каждый день прибывало пополнение со всех концов необъятной страны. Обучать их сложному и тонкому саперному делу было поручено опытным командирам, таким, как Алексей. Много отважных и храбрых воинов воспитал

Кривощеков. Он сам любил свою военную специальность, отлично знал новую боевую технику и от подчиненных требовал того же.

Он часто повторял:

— Общевойсковая часть без саперов одна ничего не сможет сделать. Во всяком случае, ей в боевой обстановке придется трудно... Это саперы своими минами ограждают ее от танков и пехоты, саперы же и прокладывают ей путь...

Многие солдаты, прошедшие через руки сержанта Кривощекова, стали отличными саперами.

Однажды Алексей показывал подчиненным мину новой конструкции. Подошел командир бригады.

— Твое отделение хорошо освоило саперное дело,— сказал он Кривощекову.— Сегодня будем знакомить новичков с нашим оружием. Вы должны показать как закладывается мина и как она подрывается.

— Есть, товарищ полковник!

Через два часа на большой площади было построено прибывшее недавно пополнение.

Солдаты из отделения Алексея по очереди уходили вперед, к окопам. Одни закладывали там противопехотные мины, взрывали их, другие укладывали новые, а третьи снимали —«разминировали местность». Очередь дошла до Алексея и двух оставшихся при нем солдат. Они взяли противотанковую мину и, будто в настоящем бою, по-пластунски поползли к полянке, являвшейся «танкоопасным местом». До нее было метров пятьдесят — семьдесят. Заложив мину, солдаты протянули от нее зажигательный шнур.

По команде командира бригады шнур подожгли. Огонь с шипением побежал по шнуру в глубь густой травы. Раздался властный приказ:

— Ложись!

Огромную массу народа словно ветром сдуло: все мигом залегли. Но проходили секунда за секундой, складываясь в минуты, а взрыва все не было. Среди солдат волной пробежал тревожный шепоток: «Что случилось, почему мина не взорвалась?»

— Сержанта Кривощекова ко мне! — услышал Алексей недовольный голос командира.

«Вот влетит сейчас»,— подумал Кривощеков, подползая к полковнику.

— Это что за новость, товарищ сержант?! — в голосе полковника звучала и тревога, и раздражение.

— Я сам ничего не понимаю, товарищ полковник. Может, запал плохо обжали, шнур выпал... Разрешите проверить.

Командир бригады ответил не сразу. Рисковать жизнью одного из лучших сержантов здесь, на плацу, где не было ни одного врага? Будь это на передовой — другое дело. И в тоже время солдаты, присутствующие здесь, возможно, завтра пойдут на передовую, сами станут минерами. Показать им взрыв противотанковой мины было просто необходимо. И, кроме того, они не должны бояться мин, даже таких вот, каверзных...

Алексей ждал команды. И полковник сказал:

— Идите! Только будьте осторожны!

Он пополз к ней и вспоминал наставления, что изучал в мирное время и сейчас, лекции командиров, практические занятия... Почему же мина не сработала, не взорвалась? Он знал, что причину надо найти, ликвидировать. Мина должна взорваться. Новички должны знать, что вот это и есть их работа и страшного в ней ничего нет...

По лицу скатывались крупные капли пота, но Алексей не обращал на него внимания. Он стремился только вперед, к мине. Шнур, опаливший сухую траву, уходил все дальше и дальше. Вот до мины осталось метров пять... Алексей задержался, чтобы перевести дыхание. «Неужели Бертилин где-то ошибся? Он, правда, впервые держал в руках настоящую боевую мину. Конечно, в спешке мог и ошибиться...»

Алексей дополз до мины и увидел: шнур не догорел всего лишь на какой-то сантиметр. Что там случилось, почему он потух — не сейчас разбирать... А может, он внутри еще тлеет и запал через секунду сработает?..

Командиры в бинокли следили за каждым движением Алексея.

— Задержался, видимо, боится немного,— сказал кто-то из них.

— Нет, осматривается. Вот протянул руку к мине...

Земляк Алексея Абыл тоже следил за другом. Прило-

жив козырьком руку, он старался разглядеть, что делает Алексей. «Хотя бы не подорвался,— шептал он.— Глупо умереть вот здесь, вдали от фронта...»

Но все обошлось благополучно. Алексей поднялся на ноги и замахал шапкой-ушанкой.

— Встать! Вольно!

Через минуту к подполковнику подошел Алексей. В одной руке он держал мину, в другой запал. Бледное лицо начало окрашиваться румянцем, но жила, вздувшаяся на лбу, не исчезала. Он доложил чуть хрипловатым, севшим от пережитого, голосом:

— Ваше задание выполнено, товарищ полковник.

Алексей сам снарядил новый взрыватель, и мину взорвали. Солдаты разошлись по казармам.

Так началась для Алексея Кривощекова война.

Механизированная бригада, в саперной роте которой он служил, прошла большой и славный боевой путь. Она сражалась на Волге, отражала летнее яростное наступление гитлеровцев на Курской дуге.

Боевые дела взвода, которым командовал старший сержант Кривощеков, были известны далеко за пределами полка. Алексей лично, натруженными рабочими руками обезвредил и уничтожил более двух тысяч вражеских мин, зачастую под носом врага. Это они, Кривощеков и его боевые друзья, открывали путь нашим танкистам, пехотинцам, артиллеристам через минные поля и заграждения, очищали от мин освобожденные города и села.

Командование высоко оценило боевой труд Алексея Кривощекова — он был награжден орденом и медалями...

Осенью 1943 года бригада с боями вышла к Днепру.

...Сгущались сумерки. Командир бригады полковник Ершов с командирами подразделений спустился к неспокойному Днепру. Местные жители рассказали, что на противоположном берегу Днепра немцы сосредоточили много войска и танков, артиллерии.

Офицеры долго и внимательно рассматривали западный берег.

— У вас имеются лодки? — шепотом спросил полковник командира инженерно-саперной роты капитана Торбенко.

— Нашли пока пять лодок, спрятанных партизанами. Подготовим подручные средства, свяжем плоты,— коротко доложил капитан.

— Хорошо, сегодня ночью будем форсировать реку. Ждать понтонные части мы не можем — дорога каждая минута. Саперы должны любой ценой обеспечить переправу. От вашей роты зависит успех всей бригады и идущих за нею частей...

Вскоре к Днепру подтянулись полки. Командир приказал выстроить бойцов в укромном месте. Стояла такая тишина, что слышно было только дыхание сотен людей. Полковник говорил о том, что бригаде выпала честь первой начать переправу через широкий и могучий Днепр.

— Перед нами стоит ответственная задача: форсировать реку и без промедления захватить и удержать по возможности больший плацдарм. Вам будут помогать партизаны, наши отважные саперы. Повторяю, это очень важная, ответственная боевая задача. С самыми главными трудностями, конечно, встретятся те, кто первыми ступят на тот берег. Но важное дело будут выполнять бойцы и командиры, обеспечивающие переправу. Их задача — без суматохи, быстро, организованно переправить людей и технику. Враг попытается им помешать. Но я надеюсь на саперов...

Полковник на секунду умолк и затем громко скомандовал:

— Бригада, смирно! Слушай мою команду! Кто желает первым отправиться на тот берег, шаг вперед!

Ряды бригады вздрогнули — весь строй шагнул вперед.

Когда время перевалило за полночь, началась переправа. Взвод Алексея помогал пехотинцам грузить мотоциклы, пулеметы на рыбацкие челны, в лодки, изготовленные из брезента, плащ-палаток. Алексей Кривощеков умело рассаживал бойцов, так расставлял вооружение и укладывал боеприпасы, что лодки держались на воде устойчиво, ими легко было управлять...

В предутренней полутьме ушла первая лодка, за ней вторая... пятая...

Вскоре сбылись слова полковника: враг, обнаружив переправу, начал бить по реке из пушек и минометов, от-

крыл пулеметный огонь. Разрывы взметали воду, потом начали приближаться к левому берегу. Мины и снаряды стали рваться среди прибрежного песка, в негустом леске, в котором сосредотачивались для переправы подразделения дивизии. С первыми лучами солнца появились вражеские бомбардировщики. На переправу с визгом и воем посыпались бомбы...

Раскаленный осколок ранил Алексея в правую руку. Он перетянул ее индивидуальным пакетом и продолжал заниматься своим делом: рубил сосны и вязал плоты. Работа была самая мирная — плотницкая, но сейчас она была равна ожесточенной битве. Час за часом продолжалась она—саперы валили деревья, обрубали сучья, распиливали на бревна, скатывали к воде, скрепляли. И все это среди разрывов и свиста осколков... Нельзя было укрыться, переждать налет... Потом на плот бежали из укрытий бойцы и торопливо отчаливали... И снова надо было рубить, обтесывать, вязать, будто дело происходило где-нибудь на стройке, в колхозе...

Так прошел почти весь день, пока бригада не переправилась на западный берег. Многих боевых друзей Алексея унесла смерть в тот день. Старший сержант Алексей Кривощеков не выпускал топор из раненой руки до последней минуты. Он ушел в медсанбат только по приказу командира бригады, когда на смену пришло новое подразделение.

На следующий день полковник Ершов подписал представление о присвоении Кривощекову звания Героя Советского Союза. Вскоре в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета, где среди новых Героев, удостоенных этого звания за форсирование Днепра, была и фамилия нашего земляка.

Алексей Кривощеков, получив высшее воинское отличие, продолжал служить сапером. Он погиб уже на немецкой земле, при форсировании Одера.

Он был скромным тружеником войны. Но, чтобы приблизить час победы, он отдал жизнь.

Т. Назарбаев.

БЕССТРАШНЫЙ

...Теперь Асанбек чувствовал себя как-то иначе, словно стал стройнее, выше. А все потому, что на нем были солдатские сапоги (сколько им предстоит пройти по фронтовым дорогам!), серая шинель, а главное — в руках оружие! Он жаждал ринуться в бой и уничтожить врагов — без счета. Но... до фронта было далеко, и сержант заставлял себя с рассвета до вечерней зари заниматься далеко не героическими делами: разбирать и собирать пулемет, чистить автомат, часами учиться переползать, до мозолей на руках копать траншеи, оборудовать огневые позиции для пулемета.

Наконец настал день, когда часть, в которой служил Асанбек, отправили на фронт. Сгрузились на полуразбитом разъезде. Шли всю ночь через густой и тихий лес. Здесь было не так, как дома. Ночь стояла ясная и звонкая. В лесу, скованном хрупкой, стеклянной тишиной, тяжело лежали густые тени. На блеклом небе несмело выглядывали звезды, мелкие и колючие.

К утру подошли к небольшому селу, в котором закрепился противник. Пришлось остановиться на опушке. От села доносилась пулеметная дробь, стрекотня автоматов. Видимо, там шел бой.

Не успели бойцы отдохнуть, как в воздух взлетала ракета, и лейтенант дал команду о наступлении.

По цепям раскатилось знакомое «ура!». Пехотинцы бросились вперед. Они то бежали, то припадали к снегу и ползли.

Противник яростно огрызался. Морозный воздух был заполнен шуршаниями и взрывами снарядов, свистом осколков и пуль. Пулеметные и автоматные очереди пролетали над головами, буравили снег. Падали с коротким вскриком и оставались лежать товарищи.

И все-таки советские люди шли вперед. Немцы не выдержали натиска и побежали, оставив русское село вместе с оружием, боеприпасами...

В этом своем первом бою отличился Асанбек Оторбаев.

Утром следующего дня в полку все говорили о храбром и бесстрашном джигите. В боевом листке была опубликована заметка под заглавием: «Слава герою-пулеметчику Оторбаеву».

«Асанбека Оторбаева выпестовал киргизский народ, который живет среди прекрасных гор Ала-Тоо. Ему исполнилось всего лишь восемнадцать лет. И, несмотря на молодость, на то, что он участвовал в бою первый раз, в бою за освобождение села Михайловки он показал замечательный пример храбрости и бесстрашия. Со знанием используя свой пулемет, он уничтожил основные огневые точки противника и двадцать фашистов.

Командование полка за проявленное в сражении мужество объявляет благодарность пулеметчику Асанбеку Оторбаеву!

Слава Оторбаеву — герою пулеметчику! Его храбрость — пример для других!»

Это был славный 1943 год, год наших побед. Многонациональная, дружбой спаянная часть, в которой служил Асанбек, продвигалась все дальше и дальше на запад. Мужали воины, мужал и Асанбек. Он неустанно шагал по фронтовым дорогам, везде видел разрушенные, превращенные в развалины наши города, разграбленные,

выжженные села, измученных стариков, плачущих детей. В нем росла ненависть к врагу и он клялся мстить за поруганную землю, за свой народ.

И он мстил...

...Была середина февраля 1944 года. Наши части, преследовавшие бегущего врага, к вечеру подошли к небольшой реке. Быстро сгустились сумерки. Наступила липкая непроглядная тьма. Осветительные ракеты вырывали из мрака густой сосновый лес, видневшийся вдали большой поселок, кусок асфальтированной дороги, убегающей на запад, реку, которая тихо катила свои волны.

Уставшие солдаты тихо лежали средь сосен. Только неугомонные старшины не знали покоя: раздавали боеприпасы, торопили кашеваров.

Пришел из штаба командир роты.

— Переплывать реку нельзя,— обратился он к солдатам,— на том берегу — сплошные окопы, проволочные заграждения, пулеметы. Но вот там,— он махнул рукой на северо-запад,— невдалеке есть мост, через который мы и постараемся перебраться. Противник нас там не ждет. Правда, за мостом, по обе стороны дороги есть огневые точки. Надо тихо, незаметно перейти мост, уничтожить немецкие пулеметы и открыть путь нашим войскам. Повторяю, это очень ответственная боевая задача. И, чтобы ее решить, надо действовать осторожно, но смело.

Асан вскочил первым.

— Разрешите выполнить эту задачу нашему отделению?!

— А, Оторбаев,— старший лейтенант минутку подумал.— Хорошо. Идите, выполняйте! Вы — храбрый солдат. Но будьте осторожны. Как только перейдете через мост, разбейте отделение на две группы, чтобы подавить огневые точки одновременно. Потом откроете фланговый огонь по берегу. Мы же будем наступать прямо на село. Нас поддержит артиллерия...

Медленно разгорался рассвет — приближался час наступления. Прошло около часа, как отделение Асанбека ушло на боевое задание. Вокруг стояла тишина. И вдруг застрекотал, как швейная машинка, наш пулемет. Значит, одна точка подавлена. Вскоре заработал второй...

Через мост сплошным потоком хлынули наши войска.

А дело было так. Когда Асанбек со своим отделением добрался до переправы, он увидел, что мост завален разбитыми повозками, ящиками, разным хламом. Видимо, все это оставили бежавшие в панике немцы. В предрассветной мгле виднелась фигура человека — часовой! Асанбек молча подозвал своего бойца и сделал выразительный жест рукой, словно в ней был зажат нож. Боец кивнул и, пригибаясь, скользнул за завал. Через минуту часовой, даже не ойкнув, свалился на землю.

Асанбек махнул рукой товарищам, и отделение, подняв пулеметы на плечи, стараясь шагать бесшумно, вступило на мост.

Вот он, вражеский берег! Асанбек приказал отделению идти к левой огневой точке, а сам свернул вправо. В окопчике за пулеметом дремало двое гитлеровцев, которых Асанбек уложил так тихо, что будь с ним рядом человек, и тот ничего бы не услышал...

Свыше трех часов длился тяжелый бой, пока наконец, враг, оставив убитыми сотни солдат, огромное количество оружия и боеприпасов, в замешательстве покатился на запад.

В этом сражении Асанбек получил два ранения и был отправлен на лечение. Но, лежа в светлом, теплом госпитале он жадно интересовался событиями на фронте, в своей части, писал письма боевым друзьям, с волнением перечитывал ответы с передовой. Как всякий фронтовик, он рвался из госпиталя, но врачи неизменно отвечали: «Вот вылечишься, тогда и пошлем тебя куда надо».

Родным, в далекий прекрасный Киргизстан, Асанбек писал: «Обо мне не беспокойтесь. Раны быстро заживают, я уже чувствую себя совершенно здоровым. Врачи не отпускают меня, но завтра, видно, мне удастся вырваться отсюда, и я вновь поеду в свою часть — она без меня ушла далеко вперед. На фронте все идет хорошо. Наши войска наносят немецким захватчикам удар за ударом. Скоро ворвемся в Берлин и тогда считайте, что война окончена. Недалек день возвращения домой. До свидания.

Ваш сын Асанбек».

Возвратившись в часть, Асанбек принял свое отделение. Его ждала радостная весть: за образцовое выполнение приказов, мужество и бесстрашие командование наградило его орденом Красная Звезда и медалью «За отвагу». Асанбек вступил в партию великого Ленина.

Теперь он участвовал в боях почти каждый день и сражался храбро, умело.

В январе 1945 года бои шли уже на польской земле.

Часть, в которой служил Асанбек, вышла к широкой реке.

Враг, взбешенный неудачами, окопался на западном берегу. По реке бьют орудия, минометы, хлещут пулеметные струи.

Но ничего не могло удержать отважных советских воинов. Солдаты, высоко подняв над головами автоматы, погрузив пулеметы на лодки, кидаются в воду. Асанбеку Оторбаеву — отличному пловцу и храброму воину — первому удается ступить на другой берег. Быстро установив пулемет, он открывает точный и губительный огонь по пехоте противника. Враг бросает против храбреца до взвода солдат, пытается окружить его. Но это не удается. Асанбек отбил пять вражеских атак. Перед его пулеметом легло до трех десятков трупов. Пострадал и сам Асанбек — правая рука пробита пулей.

В шестую атаку фашистские автоматчики пошли под прикрытием самоходного орудия. У Асанбека патроны были на исходе. Свои еще не подоспели. Что делать? Только не сдаваться! Умереть, но не сдаться живым!

В голове мелькают картины прошлого, слышатся голоса близких. Вот бабушка, плача, провожает его и просит беречь себя и тут же наставляет не посрамить киргизский народ. «Асанбек, смелее!» — шепчет брат Турсун. «Не подведи, друг,— говорят боевые друзья, спеша к нему на помощь,— продержись еще минуту!»

Медлить нельзя. С трудом привязав к поясу оставшиеся две гранаты, он пополз навстречу орудию. Немцы заметили храбреца. Автоматные пули били в землю всюду — спереди, сзади, с боков и Асанбек молил только, чтобы ни одна не попала в гранату. Вот до «фердинанда» метров десять... Еще один рывок... Пять метров... Еще одно усилие... Когда до бронированной пушки осталось метра три, Асанбек поднялся во весь рост и бро-

сился под гусеницы. Гранаты разом взорвались, орудие завалилось на бок. По сторонам упало несколько гитлеровцев, срезанных осколками. Остальные откатились назад. А на берег уже вылезали из воды, соскакивали с лодок, самодельных плотов наши бойцы, и с каждой минутой нарастало победное «ура!».

...Так погиб храбрый сын киргизского народа Асанбек Оторбаев, чью жизнь можно сравнить только со стремительным потоком горной реки, падающей с вершин Ала-Тоо.

Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Президиум Верховного Совета СССР, высылая бабушке Героя Грамоту о присвоении высокого звания, сделал приписку:

«Дорогая Саржан Чагаева!

По сообщению военного командования, ваш внук младший сержант Асанбек Оторбаев погиб смертью храбрых за Советскую Родину в дни Великой Отечественной войны.

Президиум Верховного Совета СССР, высоко оценив подвиг вашего внука, проявленный на фронте, своим Указом от 10 апреля 1945 года присвоил ему звание Героя Советского Союза.

Вам на память высылаем Почетную Грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении вашему внуку звания Героя Советского Союза.

Советский народ никогда не забудет героического подвига вашего внука».

Да, Асанбека Оторбаева народ никогда не забудет. Его светлый образ будет вечным, как вечны светлые воды реки Талас, на берегу которой провел свое детство Асанбек.

Д. Айткулов.

МУЖЕСТВО

Это было под Киевом, глубокой осенью 1943 года.

—«Гром!» «Гром!» Я —«Радуга!» Как слышите? Я — «Радуга». Перехожу на прием!

— «Радуга!» «Радуга». Я — «Гром». Слышу вас хорошо!

— Рота немцев с танками прет на вас. Интервал между танками пятьдесят метров. Приготовьтесь!

— Я вас понял! Встретим фрицев как надо! С огоньком.

И вот уже слова тревоги покатились по передовой — от бойца к бойцу, от одного командира взвода к другому. Командир роты позвонил на батарею сорокапятимиллиметровых пушек младшему лейтенанту Александру Романютину, попросил приготовиться. Романютин выслушал весть спокойно, и только бросил короткое «есть!». Не торопясь поднял он бинокль, снова — в какой раз! — тщательно осмотрел пологий склон перед окопами пехоты и дальние холмы, откуда можно было наверняка

ждать и пехоту немцев и хваленые «пантеры», о которых все лето кричали немцы. Романютин уже встречался с ними и знал — новые немецкие танки горят и взрываются превосходно, даже от снарядов «сорокапятки». Вот только хватит ли боеприпасов?..

Александр опустил бинокль и потер короткий туповатый подбородок, покрытый густой и жесткой щетиной — командир неделю не брился — откинул со лба непокорные рыжеватые пряди слипшихся волос.

— Ребятки, пошевеливайтесь, будет жарко,— негромко сказал он.— Идут «пантеры». Фрицам очень хочется вернуть Киев. А мы не отдадим. Так? — Ты, Вася, проверь-ка еще разок панораму.

— Есть проверить панораму, товарищ командир! — весело прокричал низкого роста крепыш, залихватски отдавая честь.

Александр, ласково посмотрев на маленького солдата, протянул:

— Ну, ну! Выполняйте!

Прямо перед огневой батареей Романютина виднелся небольшой холм, над которым сейчас кружился шальной вихрь, собирая жухлую траву, обломки высохшего чертополоха, какие-то бумажки. Но не этот темный столб привлекал внимание бойцов. За холмом был враг — лютый, озлобленный, взбешенный потерей украинской столицы — красавца Киева. Выброшенный из города, он контратакует, не жалея сил.

...Кажется, началось. Вначале послышался далекий рокот моторов, который с каждой минутой стал нарастать. От этого злобного урчания задрожала земля. Вихрь, кружившийся над холмом, стих, и ветер метнулся в долину, прижимая к земле траву и сухие будылья.

Круглое, словно румяное яблоко, лицо Романютина слегка побледнело. Он набрал полную грудь воздуха и крикнул:

— Батарея, к бою!

Четкая и громкая команда заставила слегка вздрогнуть артиллеристов. Стволы орудий чуть шевельнулись, лязгнули замки, запирая длинные желтоватые гильзы с черными головками бронебойных снарядов.

Вот из-за холма показались вражеские «пантеры» — по четыре в ряд, с интервалом в пятьдесят метров. Пе-

редние танки еще не успели перевалить через гребень, как за холмом послышалось урчание новых чудовищ. Артиллеристы на батарее были опытными солдатами, не раз встречавшимися с бронированными черепахами. Однако и они почувствовали холодок на сердце.

Но командир медлил и не подавал команды открыть огонь. А огромные машины, отлитые из стали, шли быстро, выпуская дымовую завесу. И было у них только одно стремление: раздавить, смять все, что помешает их движению вперед. Артиллеристы видели, как танк, идущий в середине, словно полынную ветку подмял под себя одинокую березку, которая больше не поднялась к свету, к солнцу.

Рыжеватый подносчик снарядов только скрипнул зубами.

— Эх, дать бы сейчас за эту березку! — выдохнул он и длинно выругался.

Вот вражеские танки перешли какой-то рубеж, намеченный им командиром батареи. Раздалась долгожданная команда:

— Огонь!

Резкие хлопки выстрелов слились в один залп.

Первыми снарядами было выведено из строя несколько вражеских машин.

— Огонь!

Два танка, потерявших управление, на полном ходу столкнулись, и от них вверх поднялся черный смерчь.

Над батареей с шипящим свистом пролетали мины и разрывались метрах в пятидесяти. О землю глухо ударились осколки. Немецкие танки с ходу открыли огонь также по артиллеристам. Но батарейцы слали снаряд за снарядом.

— О теплой квартирке в Киеве, о горячих галушках мечтаете, сучьи дети?! — приговаривал рыжеватый подносчик снарядов.— Вот вам я поднесу галушки, вот вам шматок украинского сала. Нате, жрите!

Орудие при откате крепко ударило его по руке, но парень продолжал молниеносно подавать снаряды.

— Я вас с ветерком пропущу в Киев, чертово племя! Получайте еще...

Приподняв снаряд, он не договорил, брошенный на

землю резким окриком командира: «Ложись!» Рядом с батареей с противным кваканьем разорвалась новая серия мин.

Но с атакой у фашистов что-то не клеилось.

Гитлеровцы, видимо, понадеялись на своих «пантер» и не ожидали, что встретят здесь дружный отпор. Наши артиллеристы сильным и точным огнем отсекли от танков автоматчиков...

И снова и снова враг настойчиво рвался к древнему Киеву.

Девственно чистое небо, кажется, стало выше, необъятнее. Только пахнущие в обычные дни цветами и спелой пшеницей поля Украины пропитались кисловатой, дерущей горло, пороховой гарью. Стал ржавым клевер, почернели яркие мальвы. И везде, куда ни пойди — малые и большие, мелкие и бездонные воронки, воронки от мин, снарядов, бомб; разрушенные заборы, осыпавшаяся штукатурка, битое стекло, пепел, угли пожарищ; там и тут подбитый танк с раскрытым люком, то разлетевшийся вдребезги автомобиль, то согнутый в дугу ствол пушки... Не слышно даже кваканья лягушек, стрекотни кузнечиков...

Земля вокруг тряслась и стонала. В ушах стоял непрерывный грохот; над траншеей с воем и визгом летели осколки мин и снарядов, сверлили воздух тысячи пуль, по плечам и каскам барабанили большие тяжелые комья земли; от едкого назойливого дыма, смрада, гари и пыли было трудно дышать.

В этот день вражеская моторизованная пехота трижды начинала атаку, стремясь любой ценой прорваться к Киеву. Все три атаки были отбиты.

Но, как говорят у нас, раненый зверь от злобы может и камень кусать. Фашисты зверели от каждой неудачи, но отступать не хотели. Они вводили в бой новые части — пехотные и танковые, снова и снова кидались на наши позиции.

Батарея Романютина сражалась в этот день храбро и мужественно. Ни один бронебойный снаряд не пропал даром.

Однако чувствовалось, что силы неравны: враг превосходил как живой силой, так и техникой. Вот одной роте вражеских солдат удалось, наконец, прорваться к

окопам пехоты. Молодой командир не растерялся. Он твердо сказал, обращаясь к своим верным батарейцам:

— За Родину, за Киев будем стоять до последнего! Ни шагу назад, друзья!

Маленькие пушечки развернуты в сторону пехоты. Подпрыгивая, они шлют снаряд за снарядом — все, что попадется под руку — фугасные, бронебойные, шрапнель... Враг в замешательстве отступает. Ненадолго воцаряется мертвая тишина. И опять повторяется атака. Только теперь гитлеровцы идут под прикрытием мощных «тигров» — последней новинки гитлеровской танковой промышленности.

Ну что ж, «тигры» так «тигры»! Романютин повторяет команду за командой.

— За Родину! За Киев!.. Огонь! Огонь!

Пехоты в серо-зеленых шинелях становится все больше и больше. Гитлеровская артиллерия бьет неумолчно. На батарею сорокапяток обрушиваются тяжелые снаряды, десятки мин. На крохотных пушечках сосредотачивают огонь и танки.

То, что делается на батарее Романютина, можно назвать одним словом — ад. Земля колеблется от взрывов, воздуха нет — это смесь газов, рваного металла и перемолотой, обгоревшей земли. Уши не слышат ничего, кроме грохота взрывов и близкого свиста осколков.

Одна за другой гибнут пушки.

Один за другим умирают артиллеристы.

И вот они остаются одни — маленькая пушка со сбитым прицелом и командир батареи Романютин. А «тигры» уже близко. И за танковой броней бегут автоматчики.

Романютин выволок орудие на запасную площадку, подтащил последний ящик с бронебойными снарядами. Он знал, что сорокапятимиллиметровый снарядик отскочит от чудовищной лобовой брони «тигра», как горошина, и поэтому бил по гусеницам. Три резких хлопка пушки и три «тигра» со сбитыми гусеницами завертелись на месте...

В это время вражеский снаряд угодил в пушечку. Горячий воздух отбросил Романютина. Он быстро вскочил, отер кровь, сочившуюся с виска. Немцы были уже близко — можно было различить небритые лица, перекошен-

ные в крике рты... Какие-то секунды решали исход боя.

Схватив автомат, Романютин крикнул:

— За Родину, друзья, вперед!.. Ура-а... а!

И хотя рядом были солдаты, прошедшие через смерчи войны, люди смелые и закаленные, все же им нужен был чей-то первый стремительный шаг навстречу врагу. Такой пример показал человек великой души — Александр Романютин.

Из полузасыпанных окопов, словно вырастая из земли, поднялись пехотинцы. Они тут же смешались в рукопашной схватке с подоспевшим врагом. Над изрытым полем раздались гулкие удары, хриплая брань, звуки падающих тел, стоны раненых, лязг скрещенных штыков, проклятья, короткие автоматные очереди...

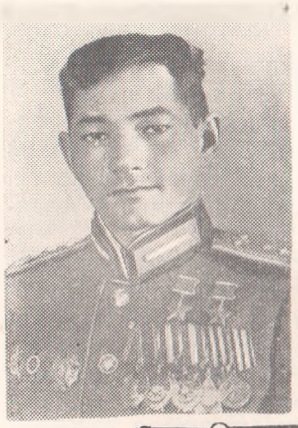
Тринадцатого фашиста уложил Романютин и тут почувствовал, как что-то острое кольнуло в левое плечо. Он потерял сознание и медленно свалился в дымящуюся снарядную воронку...

Ему незадолго до боя исполнилось всего девятнадцать лет.

* * *

За мужество, стойкость и храбрость в борьбе с фашизмом Александру Ивановичу Романютину присвоено звание Героя Советского Союза.

А. Мамбетакунов.

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ

Еще мальчишкой я хорошо знал Талгата: мы с ним вместе учились в школе № 6 города Фрунзе. Он был способный, умный и подвижной парень. Его интересовало буквально все. Когда кончались уроки и мы шумной ватагой выходили из школы, чтобы разбежаться по домам, Талгат обычно говорил, что он идет во Дворец пионеров. Дворец для него был вторым родным домом, здесь он занимался, но чем — мы не знали, а сам он молчал. В школе у нас были уроки труда: одни обучались кузнечному ремеслу, другие увлекались столярным делом, третьи постигли премудрости профессии штукатура, как мне кажется, самой радостной и интересной работы на земле. Но учитель, видимо, знавший, зачем Талгат ходит во Дворец пионеров, всегда отпускал его с уроков ручного труда.

Прошло много времени, и как-то в доме товарища, когда все пили чай за столом, я услышал слова отца Талгата — Якуббека: «Сынок, почему ты откалываешься

от товарищей? Это нехорошо. Учился бы с ними ремеслу, может, когда-нибудь и пригодится. А ты чем занимаешься?!»

Значит, Талгат занят чем-то интересным? Но чем? Почтенный Якуббек не сказал об этом, но мне стало ясно одно — Талгат увлечен чем-то очень интересным.

Тайну Талгата, которую он так ревниво хранил, мы узнали позже: он занимался в кружке авиамоделистов при Дворце пионеров, делал там модели планеров, аэропланов (тогда еще говорили — аэропланы). Узнали мы также, что свои модели он испытывал (тайком от нас!) на пустыре за железной дорогой. Сейчас там кварталы красивых домов, а тогда было чистое поле, поросшее бурьяном...

Но мы тогда даже и не думали, что Талгат станет летчиком: профессия пилота была для нас недосягаемой мечтой. Как-то наша учительница Шарипа-эже сказала:

— Почему у вас нет большой мечты, как у Талгата? Он хочет стать летчиком. А вы? Джигит должен быть окрылен мечтой. В наш век быть летчиком — замечательно! Ведь это счастье, это звучит гордо — летчик!

Слова учительницы дали нам хороший толчок. Все начали думать, фантазировать о будущем. Но вскоре выяснилось одно печальное обстоятельство: оказывается, мы все, как по команде, захотели стать летчиками. А в кружок авиамоделистов брали не каждого. Организован он был недавно, не хватало преподавателей-инструкторов, и записывали в него со строгим отбором...

Ну, что ж, пришлось смириться, думать о чем-то другом: ведь в детстве мечты быстро сменяют друг друга, а их так много!

Но все-таки, почти каждый день, приготовив уроки, я вместе со своим другом Рауфом отправлялся в дом на Советской улице, где жил Талгат. Хозяин не позволял нам, неучам, лезть в его дела, и мы почтительно стояли в сторонке, наблюдая, как священнодействует за своим столом наш товарищ. Только изредка он снисходил к нам с приказами:

— Подай-ка мне вон тот кусочек бумаги!

— Отломи камышинку подлиннее.

— Дай сюда клей.

Иногда милостиво добавлял:

— Скоро все будет готово. Ждите!

И мы ждали... А когда модель бывала готова, Талгат брал нас с собой за железную дорогу, на простор. Модель он нес высоко над собой, будто показывая ее всем. Видно, в эту минуту радость творца переполняла его: он смеялся, шутил и часто... спотыкался, так как не смотрел под ноги. Мы возвращались с поля поздно, голодные, уставшие, но безумно счастливые.

На соревновании авиамоделистов Киргизии Талгат занял первое место.

Быстро пролетели школьные годы, стали забываться светлые, просторные, пахнущие чернилами, классы. Долгое время мы ничего не знали друг о друге. Только после огненных лет Великой Отечественной войны нам удалось собраться в доме Талгата, и каждый рассказал о своей жизни после школы. Конечно, самая яркая была у Талгата. Он добился своей мечты — стал летчиком и на груди у него сверкали две Золотых звезды Героя Советского Союза.

* * *

После кружка Талгат начал ходить в аэроклуб. Об этом никто ничего не знал, даже родные. Правда, он както сказал отцу и матери о своем желании стать летчиком, но они рассудительно ответили: «Брось, сынок, эту затею! Лучше отслужи поскорее в армии да возвращайся домой. Чтобы стать летчиком, надо долго учиться, много знать. Да и ростом, ты не вышел. Тебя все равно не примут.»

Но молодость, огромное желание взяли верх — он, никому не говоря об этом, продолжал учиться в аэроклубе.

Как трудно было учиться в двух местах — знает только он один. Но все одолел, не струсил и сдал экзамены — и в школе, и в аэроклубе.

Его зачислили курсантом Саратовской военной школы пилотов.

Через год гитлеровская Германия напала на нашу страну. Началась война. Он рвался на фронт. Но необходимо было окончить летное училище. Эти месяцы, может быть, стоили иных лет: надо было, стиснув зубы, не думая о сданных врагу городах, о горах трупов и потоках крови, изучать моторы, слушать лекции по такти-

ке, отрабатывать технику взлетов и посадок. Это тоже требовало мужества. Тем более, что ему не повезло: учился на истребителя, переучивался на пилота-бомбардировщика и под конец стал штурмовиком, хозяином прославленных Илов.

Наконец, наступил долгожданный день. Талгат получил назначение в штурмовую авиационную дивизию.

* * *

...Полк, которым командовал майор Митрофанов, базировался, на широком поле, невдалеке от леса, растянувшегося вдоль восточной стороны села Обруб. Боевые самолеты были замаскированы от вражеских разведчиков зелеными сосновыми ветвями.

Неожиданно объявили тревогу. Летчики стрелой выскочили из землянок и кинулись к своим машинам. Но вдруг —«отбой!» Опять учебная тревога!

— Товарищ командир, до каких пор мы будем сидеть, сложа руки и плевать в небо? — со злостью и обидой в голосе спросил Талгат у командира эскадрильи гвардии капитана Степана Пошевальникова.

— Терпенье, дорогой мой, терпенье! Ты думаешь, я не понимаю?! Сам был таким горячим, тоже хотелось скорее в бой. Тренируйся побольше, учись, привыкай к фронтовой жизни. А подраться еще успеешь, джигит.

Командир внимательно следил за молодым летчиком. В Талгате его привлекала воля, упорство и... несомненный талант летчика, который дается от рождения. Встретив как-то утром Талгата, шедшего с неразлучным дружком Сергеем Чепелюком, командир, наконец, произнес долгожданные слова:

— Ну, соколы небесные, приготовьтесь. Полетите с группой лейтенанта Степанова. Задача: штурмовать железнодорожную станцию. Задание сложное, ответственное и опасное. Помните — это экзамен, где цена ошибки — жизнь.

В воздух взмыли девять самолетов. Небо было прозрачным, как капля росы, и холодным.

Вскоре группа пересекла линию фронта.

Во главе первого, ведущего звена, летел лейтенант Степанов. Вот он покачал крыльями: «Внимание, вижу цель». Вокруг засверкали яркие вспышки разрывов —

враг бил из зениток. Еще мгновение, и лейтенант Степанов ввел свой истребитель в крутое пикирование. Талгат отдал ручку и пошел вслед за ведущим. За ними в атаку устремились и остальные летчики. Внизу извивался, словно дождевой червь, состав красных вагонов. Пальцы нажали на гашетки — из пулеметов потянулись длинные огненные струи. Так, теперь кнопки бомбосбрасывателя. На путях выросли грязно-белые фонтаны разрывов. Хорошо! Фигуры немецких солдат, пытавшихся скрыться бегством, ясно и четко виднелись на чистом снегу. Талгат прошелся по ним пулеметной очередью и потянул на себя ручку — самолет на мгновенье взмыл, потом перешел в горизонтальный полет.

Станция окутана черным, непроглядным дымом. То и дело вспухают шапки разрывов. Взрывные волны мотают самолет из стороны в сторону, подкидывают, швыряют вниз... Это ничего, это даже приятно: значит внизу рвутся снаряды, мины, патроны, бомбы, разлетаются в осколки вагоны, лопаются цистерны с бензином...

На аэродроме их встречал командир полка. Он скупо поблагодарил и полуутвердительно, полувопросительно спросил:

— Не устали, товарищи?! Через пятнадцать минут надо быть в воздухе.

И Талгат снова полетел. Станция была неузнаваема: всюду зияли глубокие воронки, валялись разбитые вагоны, трупы.

Так началась боевая жизнь Талгата Бегельдинова.

Талгат еще в школе начал вести дневник. Он не бросил его и на фронте, только изменился характер записей. Талгат жадно заносил на бумагу хорошие советы боевых друзей, деловые указания командиров, личные наблюдения... Много полезного дали эти записи! Особенно при исправлении ошибок. Теперь он ежедневно вылетал на штурмовку, и с каждым новым вылетом к нему приходило что-то новое, росло мастерство и ловкость. Он научился змейкой уходить от зенитных снарядов, ловко проскакивать батареи стороной, точно класть снаряды, без промаха бить из пулеметов и пушек.

Но впереди его ждало новое испытание — встреча со скоростными вражескими истребителями.

Шли бои за освобождение Старой Руссы. Девять со-

ветских штурмовиков, шедших к деревне Глухая Горушка в сопровождении восьми истребителей, повстречались с шестьюдесятью «мессершмиттами». Немцы, заметив, что наших истребителей чуть ли не в десять раз меньше, нагло пошли в атаку. Да, силы были неравные, враг имел большой перевес. От первого вражеского захода на землю рухнули два штурмовика, через несколько минут, оставляя за собой огненную ленту, упали еще две машины.

Талгат, сбросив в намеченном квадрате бомбы, шел на бреющем полете, стреляя из пушек и пулеметов. Впереди он заметил четыре вражеских истребителя, ожесточенно наседавших на возвращавшихся на аэродром штурмовиков.

— Я отомщу за боевых друзей,— прошептал Талгат и поднял машину. Но штурмовику трудно догнать истребитель,— сказывается разница скоростей, иная маневренность. Знания и опыт, всю мощь мотора — все направил Талгат на то, чтобы поймать врага в прицел. Немец попался опытный; он сам атаковывал штурмовик, пытаясь зайти с хвоста. Талгат же маневрировал, стараясь оставить его перед собой. Наконец это ему удалось — немец был на расстоянии пушечного выстрела. Сержант нажал на гашетки. «Мессершмитт» вздрогнул и, накренившись, пошел к земле. Рухнул он недалеко от огневой позиции наших артиллеристов. Талгату удалось кое как посадить превращенную в решето машину на аэродром. Когда допросили немецкого летчика, выяснилось, что сержант Талгат Бегельдинов, совершивший всего семь вылетов, победил прославленного аса, имеющего на счету более ста сбитых самолетов.

В тот же день Талгат вылетел еще раз: вел три самолета для штурмовки большого моста. Он рухнул после первого захода, от первых же бомб. Задание было выполнено. Раздался голос командира:

— Бегельдинов, благодарю за выполнение задания. Можете возвращаться.

— Товарищ командир, у меня есть еще бомбы. Разрешите поискать цель.

— Добро.

Штурмовик Талгата вынырнул из-за леса и пошел низко над чистым полем. На дороге пилот заметил ко-

лонну вражеских автомашин. Потребовалась минута, чтобы превратить ее в мешанину железа, дерева и трупов.

Талгат доложил:

— Товарищ командир, штурмовал автоколонну. Разрешите идти на посадку?

В ответ донеслось:

— Еще раз спасибо! Молодец! Возвращайся.

Однажды из воздушного сражения, Талгат вернулся с перебитым тросом поворотного руля и без части руля глубины.

Опытные летчики, увидев на аэродроме чуть живой самолет Бегельдинова, в удивлении только разводили руками:

— Таким же самолетом управлять в воздухе невозможно. Ты скажи, как тебе удалось доползти до аэродрома?

— А мотор? Пока цел мотор, самолет жив,— ответил Талгат и, ткнув себя в грудь, объяснил: —Когда самолет потянуло к земле, я дал газ, а когда он еще немного снизился, я еще прибавил газу. Вот так и долетел. . .

А через несколько часов в полку состоялось партийное собрание, на котором коммунисты принимали в свои ряды преданных и храбрых сынов своей Родины. В списке кандидатов в члены партии была фамилия комсомольца сержанта Талгата Бегельдинова. Это было в апреле 1943 года.

Вскоре полк, в котором служил Талгат, перебросили на Воронежский фронт. К этому времени Талгат был уже зрелым и опытным летчиком. Командиры ставили его в пример.

— Посмотрите,— говорили они часто,— как прекрасно летает Талгат. К нему не придерешься. Бомбы мечет, будто рукой кладет, пулеметом строчит лучше иной швеи.

Однажды Талгат поднялся с аэродрома под Харьковом и не вернулся. В полку решили, что он погиб. Летчики и командиры сильно горевали — тяжело было потерять такого храброго сокола.

Но Талгат был жив. Он лежал в негустом леске и вспоминал, как все случилось. . . Штурмовка прошла удачно—над немецким аэродромом разлилось море огня:

горели «мессершмитты», «хейнкели», «юнкерсы», взрывались боеприпасы, бочки с горючим . . .

Легли на обратный курс. И тут-то их перехватили немецкие истребители. «Фокке-вульф» пошли в атаку с двух сторон... Пулеметная очередь прошила мотор и кабину. ИЛ загорелся. Самолет терял управление и мог воткнуться в землю. Талгат приказал стрелку-радисту Яковенко прыгать с парашютом. Талгат покинул самолет, когда управлять им было нельзя и баки готовы были вот-вот взорваться.

Приземлились они благополучно и быстро нашли друг друга. К счастью, немцы не заметили советских летчиков. Раны на плече и ноге Талгата оказались нетяжелыми, и Яковенко быстро перевязал их. Летчики определили по карте свое место, посовещались и пошли на восток, к фронту. Двигались ночами, днем отлеживались в кустарниках, в густой траве. Прошло трое суток. Артиллерийская канонада, вспышки ракет возвестили, что фронт близок.

Счастье изменило им буквально в последние минуты: когда ползли по немецкому переднему краю. Яковенко подорвался на мине. Горькие это были минуты для Талгата. Яковенко не раз спасал его своим пулеметом от вражеских истребителей. Вместе они спаслись из горящего штурмовика, вместе ушли от немецкого дозора, на который напоролись в каком-то селе, вместе голодали... Все вместе и вот теперь один...

Талгат взял себя в руки. Надо двигаться. Он лег на землю и осторожно, на ощупь, пополз... Вот и берег реки. Он знал — это Северный Донец. На том берегу — наши. Последние метры. Талгат камнем скатывается в быстрые студеные волны. Немцы заметили его и бьют из пулеметов и автоматов. Вода вокруг головы кипит от пуль, одна попадает в руку, но Талгат плывет, плывет из последних сил...

Солдаты, стоявшие в дозоре на берегу реки, подняли полумертвого, заросшего и исхудавшего летчика.

Санитарный поезд. Он тащится медленно, с остановками. Около Нового Оскола из окна поезда, как на ладони, виден аэродром, с которого то и дело взлетают и садятся штурмовики. Талгат кусает губы, злится. Ну что это такое? Не такое уж тяжелое ранение у него, а держат

в этой железной коробке. Неужели отправят его в тыл? А рядом — товарищи, аэродром...

Санитар, назначенный ухаживать за Талгатом, куда-то ушел. Кажется, пора. Талгат осторожно выбрался из вагона и по железнодорожной насыпи, вдоль линии, пополз по-пластунски. По пути попадались окопы, он в них спускался для того, чтобы передохнуть и опять, низко опустив голову, полз дальше.

К счастью, до аэродрома было недалеко.

Сколько пришлось выслушать воспитательных речей, сколько принять объятий и поцелуев! Правда, по приказу командира, положили в санчасть. Но не прошло и двух недель, как Талгат был уже в строю...

Летом 1943 года гитлеровская армия начала новое наступление под Орлом и Курском. Враг стянул на этот участок фронта тысячи новых танков, самоходных орудий, десятки дивизий...

Грандиозное сражение закипело как на земле, так и в воздухе. В день приходилось делать по нескольку вылетов.

В битве на Курской дуге Бегельдинов со своим звеном штурмовых машин уничтожил множество вражеских танков, сотни гитлеровцев. Героям Орла и Белграда салютовала Москва.

Победоносные советские войска, нанеся немцам сокрушительный удар в украинских степях, успешно продвигались на запад. Однажды, Талгат вылетел на штурмовку большого скопления вражеских танков, сосредоточенных на западном берегу Днепра. Когда штурмовики под защитой истребителей поднялись в воздух, командир по радио приказал:

— Соколы, соколы! К реке приближается большая группа «юнкерсов». Преградите им путь. Не позволяйте бомбить переправу. Любой ценой!

Штурмовики пошли в атаку против бомбардировщиков. Бегельдинов взял в прицел «юнкерс», идущий крайним правым в боевом порядке. Завидев опасность, враг сбросил бомбы на свои же танки. Но Бегельдинову не хотелось отпускать его живым, и он зашел на вторую атаку. После пушечной очереди «юнкерс» задымил и начал разваливаться еще в воздухе.

Видимо, это была машина командира, потому что,

заметив падающий самолет, вражеские бомбардировщики вывалили бомбы на головы своих же и ушли в западном направлении. Но не все успели уйти — истребители Сергея Луганского, друга Талгата, сбили шесть «юнкерсов». Штурмовики Бегельдинова спокойно принялись за вражеские танки...

С каждым боем рос и мужал талант Талгата. Он умел извлекать полезное из каждого вылета, учиться на ошибках, брать все лучшее у товарищей. Авторитет его рос. Перед тем, как решить ту или иную боевую задачу, друзья обращались к Талгату:

— Ну-ка, дружище, что ты думаешь? Как лучше провести эту операцию...

И он, как всегда, прежде чем ответить, обстоятельно обдумывал ответ, и только лишь потом спокойно высказывал свое мнение. Ценило его и командование. Перед каждым ответственным боем командир дивизии генерал Рязанов интересовался:

— Ну как, Толя (он всегда так звал Талгата), готов? Он всегда блестяще выполняет задания. Надеюсь, не подведет и сегодня.

...Февраль 1944 года. В сражении за Корсунь-Шевченковский участвовал и Талгат. В пургу и трескучий мороз он вылетал не с аэродромов, а с поспешно подготовленных маленьких площадок, и уничтожал врага, находившегося в окружении.

А потом — победное лето. Не было ни остановок, ни минуты передышки. Молдавия, Карпатские горы, битва за Сандомир... В этих боях он сбил три вражеских самолета, около тридцати раз поднимался в воздух и ни разу не вернулся, не выполнив боевого задания. На счету его теперь было 155 вылетов. В октябре 1944 года за исключительное мужество, отвагу и боевое мастерство Талгату было присвоено звание Героя Советского Союза. Ранее он был награжден орденами Славы, Отечественной войны первой и второй степени, орденом Александра Невского, двумя орденами Красного знамени...

Но высшая степень отличия ничуть не изменила характера Талгата. Он по-прежнему был общителен, прост с товарищами, старался помочь своими знаниями и опытом новичкам, приходил на помощь друзьям. А главное— летал, нес нелегкую боевую службу.

Граница фашистской Германии. Кто не ждал этого дня? Значит, надо наращивать удары, бить врага днем и ночью, при любых условиях, во всякую погоду. Однажды наша танковая армия ушла по вражеской земле далеко вперед, связь с нею порвалась. Эскадрилья капитана Бегельдинова с большим трудом разыскала ее и передала приказ.

Когда бои приблизились к Берлину, Талгат получил задание особой важности: надо было днем разведать местность на запад от Берлина, найти объекты, которые особенно интересовали командование. Лететь нужно было на высоте... пятидесяти-ста метров. Штурмовик могли сбить ружейным огнем, из пехотного пулемета, из танковой пушки, из чего угодно. Чтобы не рисковать жизнью товарища, Талгат вылетел без стрелка-радиста. Задание он выполнил блестяще. Штурмовик Бегельдинова был первым самолетом союзников, который днем летал над Берлином.

После взятия Берлина, советские танкисты по зову восставшей Праги, ринулись на помощь чешским патриотам. Им помогали и наши летчики — вели разведку, указывали дороги, на которых сохранились мосты. Штурмовик с номером 13, на котором летал Талгат, первым опустился на Пражском аэродроме. А вскоре там приземлилась и вся его эскадрилья. На рассвете девятого мая советские танкисты вступили в Злату Прагу.

* * *

Москва! Сердце нашей Родины, город, любимый всеми народами. Здесь, в конце июня состоялся парад Победы. По Красной площади в шеренге героев Первого Украинского фронта, рядом с Иваном Кожедубом, Сергеем Луганским, Юрием Балабиным прошел и наш земляк Талгат Бегельдинов. Через два дня после парада ему была вручена вторая Золотая звезда Героя Советского Союза.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР в столице Киргизской республики городе Фрунзе, где родился и вырос герой, на самом видном месте установлен его бронзовый бюст.

И часто, проходя мимо постамента, с которого так смело и строго смотрит мужественный воин, я вспоминаю

Талгата — школьного товарища, ходившего в заплатанных штанах, мастерившего первые самолеты из камышинок и бумаги.

Его мечта исполнилась.

Иначе и не могло быть. Ведь он живет в Советской стране.

М. Гафаров.

НЕМЕРКНУЩАЯ СЛАВА

Осенью 1944 года стрелковая дивизия, в которой служил Дмитрий Пичугин, после продолжительных, упорных боев вышла к Днепру. Подразделения, расположившиеся в лесу и по берегу, начали готовиться к форсированию реки.

* * *

Небо было покрыто густыми облаками, от которых в лесу казалось еще сумрачнее, а в окопах неуютно, зябко. Встревоженный противник систематически бил по берегу и бору из пушек, минометов. Но взрывы, стрекотня стрелкового оружия никого не пугали. Это была обычная фронтовая жизнь.

Связной солдат, шедший с командного пункта, поминутно останавливался — пули прижимали его к земле. Но пользуясь секундным затишием, он вскакивал и бежал к переднему краю. Вот он выскочил из-за кустарника и вдруг прямо перед ним разорвался снаряд. Солдат исчез в поднявшейся пыли, в дыму.

— Гляди, только что был человек, и уже нет его. Хоть бы в бою погиб, а то, видишь, какая глупая смерть,— сдавленным голосом проговорил солдат, чистивший в окопе оружие.

Но связист был жив. Он медленно пришел в себя, пошарил руками по земле, пошевелил ногами — нигде ничего не болело. Значит, цел. Просто отбросило и немного оглушило взрывной волной... Он вскочил на ноги и побежал.

Взвод разведчиков, которым командовал лейтенант Дмитрий Пичугин, располагался на левом фланге полка. Пичугин, положив планшет на коленях, задумчиво рассматривал карту. Видно, он был чем-то недоволен, лицо его то и дело хмурилось.

Пули, ударяясь в бруствер окопа, сыпали землю за шею, на планшет... Лейтенант едва успевал стряхивать ее.

Рядом с командиром, поджав ноги калачиком, сидел худощавый, длинного роста джигит. Он был поглощен чтением письма, которое несколько часов тому назад принес почтальон. Строки: «...Знаю, Мурташ, у тебя мало времени, чтобы писать мне часто письма. Главное для меня — это знать, что ты жив и здоров и что скоро с победой вернешься домой», напомнили ему родной дом, он на минуту ласково прижал письмо к груди, перевернул страницу и только начал читать дальше, как сверху опять посыпалась земля. Солдат выругался.

— Стреляют и сами не знают куда и зачем. Дураки! Я вот тут читаю письмо и с его страниц веет ветерком родной земли, я слышу журчанье чистых ручейков, а они будто не люди, знают только драться. Это не люди, а твари.

Муртазы снова углубился в чтение письма.

— Да, мир прекрасен, об этом сказано миллион раз. Но, кое-кто не видит этой красоты, войну любят только выродки, вроде Гитлера. Но ничего. Вот переправимся через Днепр, а там погоним это отродье до самого Берлина. Тогда считай войну законченной,— сказал Пичугин.— Я сам сибиряк,— продолжал он, помолчав.— Люблю Сибирь. Но полюбил и Киргизию, и не жалею, что переехал туда. Хорошо сейчас на юге — виноград созрел, гранаты краснеют, хлопок белый на полях...

Пичугина неожиданно прервал свалившийся в окоп

связист. Отряхнувшись от пыли, и все еще очумело трея головой, он обратился к Пичугину:

— Товарищ лейтенант! Вас вызывает командир полка!

— Иду!

Накидывая на плечо ремень планшета, сказал джигиту:

— Сержант Асанбаев, остаетесь за меня!

Связной и лейтенант Пичугин, пригибаясь, пошли к высоте, за которой располагался командный пункт полка.

В землянке, где еще пахло свежим деревом и сырой землей, Пичугин увидел командира полка и начальника штаба, склонившихся над картой.

— Товарищ майор! Лейтенант Пичугин прибыл по вашему приказанию!

— Хорошо, хорошо! Вы пришли вовремя. Подсаживайтесь поближе... Задание остается прежним. Никаких изменений. С командованием дивизии все согласовано. Утром я говорил — сейчас снова подчеркиваю — задание исключительной важности. Успех операции — и не только нашей дивизии — будет зависеть от действий вашего взвода... Я на вас надеюсь.

Пичугин вскочил.

— От всего сердца желаю вам полного успеха — майор похлопал его по плечу.— Пусть удача сопутствует вам, товарищ лейтенант.

— Спасибо, товарищ майор! Разрешите идти?

— Идите.

Когда Пичугин вернулся в свой взвод, солдаты тотчас же окружили его. Всем нетерпелось узнать, зачем вызывали его.

— Товарищи, нам нужно провести очень трудную операцию. Чтобы выполнить ее, мы должны действовать бесстрашно, но с умом, со знанием дела. Успех наступления нашего полка, дивизии, судьба многих людей зависит от того, как мы будем действовать. Задача вот какая. Ночью мы должны перебраться через Днепр и собрать как можно больше сведений о противнике, особенно о его оборонительных сооружениях. Нужен также толковый «язык». Ясно? Выполним?

— Выполним, товарищ лейтенант! — ответили разведчики.

* * *

В четыре часа утра семеро разведчиков в маскировочных халатах отправились на выполнение боевого задания.

В последнюю минуту, притулившись к стенке окопа, где расположилось боевое охранение, всласть покурили — ведь неизвестно, когда еще можно будет зажечь огонь. Затем все дружно встали, перевалились через бруствер и пошли к реке. Во главе был Пичугин. Двигались по его знакам: махнет рукой вперед — значит, пошли, опустит к земле — ложись.

На широкой поверхности Днепра было все тихо. Разведчики остановились у самой кромки воды. Волны, словно ласкаясь, лизали солдатские сапоги. Пичугин из-за прибрежного кустарника внимательно осмотрел правый берег, занятый врагом. Ничего подозрительного как будто не было. Разведчики осторожно спустили на воду легкую лодку, погрузились и тихо поплыли. Не успели они отойти от берега каких-нибудь десяти метров, как с вражеской стороны взлетела ракета, осветившая мертвенным светом тихую поверхность реки и лодку на ней. Тотчас же слева заработал пулемет. Но солдаты не остановились, только еще дружнее налегли на весла. Однако разведчиков уже взяли на прицел — на середине реки прямо около лодки разорвалась мина. Лодка опрокинулась.

В темноте Пичугин шепотом окликнул друзей. К счастью, никто не пострадал. Разведчики поплыли наискосок к западному берегу. Вражеский пулемет вскоре вновь забормотал. Но теперь он бил по пустой опрокинутой лодке, бил до тех пор, пока изрешеченное в щепки суденышко не затонуло. К тому времени разведчики были уже на земле.

В черное небо вновь взлетела ракета. Пулемет продолжал веером строчить по реке. Пули с бульканьем, как дождь, сыпались на воду, вскидывая фонтанчики брызг.

Свет вражеской ракеты помог Пичугину рассмотреть место, откуда бил пулемет.

— Асанбаев, ты пойдешь со мной. Надо заткнуть глотку этому фрицу. Иначе нам не пройти.

— Товарищ лейтенант, вы оставайтесь здесь, я один справлюсь. Разрешите!

— Я знаю, что ты справишься с ним один, но лучше идти вдвоем. Так вернее будет.

Они по-пластунски поползли к вражескому пулемету. Обойдя его слева, они приблизились к огневой точке почти вплотную, и тут их заметил второй номер расчета. Немец хотел заорать, но на его голову обрушился приклад пичугинского автомата. Фриц что-то бормотнул и кулем рухнул на землю. Второй пулеметчик попытался вскочить, однако пришибленный автоматом Муртазы, остался лежать. По знаку Пичугина подошли разведчики, и группа двинулась дальше. Самый опасный участок—передовая — остался позади. Пройдя несколько сот метров, разведчики заметили колонну вражеских самоходных орудий и обошли ее стороной.

Наступил белесый рассвет. Дело осложнялось. Каждый шаг требовал осторожности. Но храбрецы продолжали идти вперед.

Густой высокий лес укрыл отважную семерку, здесь было спокойнее. До слуха доносились лишь приглушенные расстоянием автоматные и пулеметные очереди, да вспыхивали позади разноцветные ракеты. Узкая тропка, по которой цепочкой шли разведчики, петляла из стороны в сторону. Наконец, и она исчезла. Пошли по компасу. Ноги то увязали в болотистой, сырой земле, то скользили по корням, цеплялись за бурелом. По лицу били ветви, царапали до крови.

Но как ни труден был путь, в назначенное время разведчики вышли к шоссе, по которому гитлеровцы подтягивали к Днепру резервные части, перебрасывали технику. Пичугин разбил группу на две части: сам с двумя разведчиками засел на повороте дороги, остальных послал в кустарник на противоположной стороне.

Вскоре донесся рокот приближавшихся машин.

— Сейчас начнется. Не боишься, Муртазы? — спросил лейтенант.

— Человек дважды не умирает, товарищ лейтенант,— спокойно откликнулся джигит.

— Правду говоришь. Смерти бояться не надо. Мы еще поживем и домой вернемся живы-здоровы, киргизские горы увидим. Внимание!

Показалась легковая машина. За нею тянулись с небольшими интервалами грузовики, набитые солдатами.

Пичугин, быстро приготовив связку гранат, по кустарнику подобрался вплотную к дороге. Вот голова колонны приблизилась. Пичугин швырнул на дорогу связку и упал ничком. Раздался оглушительный взрыв. Легковая машина перевернулась вверх колесами, из нее стали выползать оглушенные взрывом немецкие офицеры. «Значит не ошиблись, здесь можно взять не только толкового «языка», но и, пожалуй, ценные документы»,— подумал Пичугин.

Между тем, гранаты разведчиков остановили и остальные автомашины. Завязался короткий, но ожесточенный бой: стреляли уцелевшие немецкие офицеры, стреляли солдаты, без умолку строчили автоматы разведчиков. Однако, напрасно метались немцы, зажатые между двумя огнями разведчиков. Вскоре с ними было покончено. В живых остался только один офицер. Операция оказалась удачной: среди захваченных бумаг нашлись карты и схемы немецких оборонительных сооружений на западном берегу Днепра.

Пичугин послал в штаб полка разведчиков с документами и «языком», а сам с оставшимися бойцами занял оборону.

Немецкое командование, узнав о появлении в своем тылу группы разведчиков, бросило против них крупное подразделение эсэсовцев.

— Держитесь, друзья! Наши теперь уже начали переправу. Они не оставят нас в беде,— ободрял Пичугин своих разведчиков.

И они держались до тех пор, пока не подошли наши наступающие части.

Партия и правительство высоко оценили подвиг Дмитрия Пичугина. Указом Президиума Верховного Совета СССР 24 марта 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Пичугин, возвратившись с фронта, несмотря на слабое здоровье, до 1957 года работал на юге нашей республики. В марте 1957 года перестало биться сердце Героя. Но слава о его боевых делах, совершенных во славу нашей могучей Родины, никогда не померкнет.

К. Оморов.

РАССКАЗ О СЕБЕ И БОЕВЫХ ДРУЗЬЯХ

Я родился осенью тысяча девятьсот двадцать первого года в маленьком аиле Ойбулак, что входит теперь в колхоз имени Фрунзе Тюпского района.

«Нечем было тебя пеленать,— вспоминала мать,— распорола старое платье, выстирала и в него завернула тебя».

Да, тяжелое тогда было время! Люди, измученные, голодные, оборванные, только что вернулись на родную землю после страшного 1916 года и тяжких скитаний по чужим краям. А тут еще голод, неурожай. Может быть, поэтому мне и дали имя— Кэбек, что значит — отруби.

Пока был маленьким, не совсем благозвучное имя меня, естественно, мало беспокоило, но с годами стал им тяготиться. Ровесники и старшие ребята дразнили и смеялись надо мною, и я целыми днями плакал, отказывался от еды, требовал, чтобы дали другое имя. Родители были

вынуждены вновь устроить церемонию присвоения имени. Так я стал Калыйнуром.

В 1930 году в нашем аиле открылась школа. До этого старшие ребята ходили в соседний аил. Письменность тогда была на арабском алфавите. Я все старался у ребят узнать, что означают написанные в тетради крючки и закорючки. Постепенно я научился писать некоторые буквы арабского алфавита.

Однажды вечером отец приехал из аила. Мы находились тогда в местности Карагайлуу — обширном ущелье, густо поросшем тянь-шаньскими елями. Нет слов описать радость, охватившую меня, когда я узнал, что в нашем аиле открылась школа, дети уже занимаются, а завтра отец поведет меня учиться. Волновался я сильно, даже не помню — спал или нет. Мысленно я тысячи раз перекладывал карандаши, тетради, быстро и красиво выписывал замысловатые арабские буквы.

Солнце уже высоко поднялось, когда мы верхами подъехали к школе. Дети бегали и играли вокруг небольшого домика, крытого еще свежим зеленым камышом. Вскоре вышел молодой человек. На нем был непривычный для моего глаза костюм — коротенький пиджак и длинные брюки, на ногах — блестящие черные ботинки. А волосы! Я впервые видел мужчину с длинными волосами... Неужели это и есть учитель?

Да, это был учитель.

Когда он подошел к нам, отец почтительно поздоровался и сказал ему:

— Вот, молдоке, мой сын, учить привел.

Учитель ласково потрепал меня по плечу и повел в дом. Только мы вошли в комнату, как мне бросились в глаза два больших портрета на стене. Куда бы ни пошел, они, казалось, следили за мной, не отрывая глаз. Я все ломал голову: «Где их ноги, почему они все время смотрят на меня и почему их повесили на стенку?» Однако спросить я стеснялся.

Вскоре узнал, что это были портреты Ленина и Маркса.

Через шесть лет я уехал на учебу в Каракол — ныне Пржевальск. В педагогическое училище, как я мечтал, устроиться не удалось — не было мест. Меня приняли в школу им. Кирова, зачислили в интернат. Как говорится,

и на том спасибо. В школе я учился прилежно, однако мысли стать учителем не оставлял.

Особенно увлекался чтением художественной литературы. Книг на киргизском языке тогда было мало, но то один, то другой товарищ доставал новинки, и мы читали их по очереди, ночами напролет. А с такими книгами, как «Эки джаш» К. Джантошева, «Узак жол» М. Элебаева, «Кен-Суу» Т. Сыдыкбекова, «Кандуу жылдар» А. Токомбаева, мы никогда не расставались. Позже стали появляться переведенные на киргизский язык произведения русских классиков: Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, книга Фурманова «Чапаев», «Витязь в тигровой шкуре» Руставели, «Как закалялась сталь» Островского и другие. Эти книги я перечитывал по нескольку раз, и они оставляли во мне сильные впечатления. А вскоре сам стал сочинять стихи. Они рождались на каждом шагу, по любому поводу. И что мне особенно льстило — их печатали в стенной газете. Пачками я отправлял свои творения во Фрунзе в редакции газет. Но... их там не печатали.

Вскоре я прочел в газете «Ленинчил жаш» статью Аалы Токомбаева, в которой он анализировал стихи, присланные в редакцию. Увы, в качестве примера того, как не надо писать, Аалы цитировал мои стихи... Уязвленное самолюбие и насмешки товарищей заставили меня не только бросить сочинительство, но и сжечь уже написанное. Жаль, я бы с удовольствием почитал эти незрелые строки, написанные еще нетвердым почерком — ведь в них — моя юность, мои мечты...

В январе 1937 года я вступил в комсомол. Правда, не обошлось без препятствий. Мне не поверили, что я 1921 года рождения. Видимо, маленький рост всем внушал серьезные подозрения. Я чуть ли не со слезами доказывал, просил, умолял. Тщетно! Наконец, мне предложили представить справку сельского Совета о дне рождения. Я обрадовался, словно мне дали неоценимую награду, и захватив буханку хлеба,— паек, который полагался мне на три дня, отправился домой.

В грязь и снег я отшагал более пятидесяти километров и вечером следующего дня был дома.

Утром отец вручил мне желанную справку, которую я, наверное, перечитал десятки раз, пока не сдал секретарю комсомольской организации.

Весной того же года мне пришлось преодолеть еще одно препятствие. Мы всю зиму упорно, с охотой занимались в кружках «ГСО», «ГТО». Но вот пришло время сдавать нормы. В школу приехал инструктор городского Совета Осоавиахима. Мы стояли в строю. Посмотрел он на меня и буркнул: «Рано тебе, мальчик», велел выйти из строя. Я был глубоко обижен, однако решил не сдаваться и гордо предъявил комсомольский билет. Инструктор долго смотрел то на меня, то на билет и в конце концов, махнув рукой, приказал: «Становись!»

Я не мог найти себе места от счастья, когда на груди появились три значка: «ГСО», «ГТО», «Осоавиахим». До чего же было приятно слышать побрякивание этих значков. И я где бы ни был — в классе, в общежитии, все старался почаще шевелиться, чтобы они звенели...

В 1938 году моя мечта, наконец-то, исполнилась — я поступил на первый курс Пржевальского педагогического училища.

21 июня 1941 года я сдал последний государственный экзамен. Меня охватила радость. С чем сравнить чувства, владевшие мной тогда? Видимо, то же испытывает спортсмен, с рекордным временем завершивший дальнюю дистанцию...

В субботу состоялся выпускной вечер. Мне, как отличнику, вместе с дипломом вручили подарок. До рассвета не прекращалось веселье. Играл оркестр, плясали юноши и девушки, плясали и наши педагоги. Во время скромного ужина произносили горячие, искренние тосты за новую жизнь, за знания и культуру, за счастье, за успехи... Разошлись мы на рассвете. И никто не подозревал, что в это время далеко на западе подлый враг напал на нашу землю, что там уже много часов льется кровь...

В воскресенье я проснулся довольно поздно... Радио передавало сообщение о начале войны. Я быстро оделся, кинулся в военкомат. Там уже собралась большая толпа, в основном молодежь. Вышел военком, коротко рассказал о положении страны и распорядился идти на врачебную комиссию. В конце дня мне объявили, что я пока остаюсь, только предупредили, чтобы ждал.

С августа 1941 года до марта 1942 года я работал заведующим учебной частью Мало-Джаргылчакской школы Джеты-Огузского района. Пожалуй, это был самый

трудный и тяжелый период моей жизни. С каждым днем в колхозах становилось все меньше и меньше мужчин. Людей ежедневно провожали десятками. В конце концов в школе я остался единственным мужчиной. Все разговоры, все мысли неизменно сходились к одному — положению на фронте. А оно было тогда тяжелым, мучительным. Я же — молодой, здоровый — сидел за тысячи километров от опасности и возился с разными бумажками... Даже самый незначительный, мимолетный разговор о фронте, об ушедших на войну я принимал как упрек...

1 марта 1942 года я, наконец, получил повестку. И хотя знал, что, может быть, уж никогда не вернусь в родные края, мне стало легче. Я мог смотреть старикам, женщинам и детям прямо в глаза, не испытывая стыда и чувства вины...

Но на фронт пришлось попасть не сразу — до конца сентября нас держали в запасных частях, недалеко от Иркутска. Там упорно учили, учили всему, что нужно было для ведения войны. Уставали мы до полного изнеможения, однако, никто не ныл и не жаловался — все понимали мудрость сурового закона войны: «Больше пота — меньше крови».

В начале ноября в составе вновь сформированной стрелковой дивизии мы прибыли на Донской фронт. На станции Калач выгрузились из вагонов и двинулись к передовой.

И тут случилось событие, воспоминание о котором до сих пор жжет меня.

На рассвете в небе появились два немецких истребителя. Они заметили нашу колонну, развернулись, сделали на небольшой высоте круг. Командиры подали команду: «Воздух! К бою!» «Мессершмитты» зашли на цель и стали бить длинными трассирующими очередями и сбрасывать мелкие бомбы. Мне показалось, что все огненные пули тянутся ко мне, а каждая свистящая бомба вот-вот упадет мне на голову. Я уткнулся лицом в землю, стараясь поглубже вжаться, но увы — земля была сухой и твердой. Вдруг кто-то схватил меня за воротник и приподнял, как новорожденного ягненка. Надо мной загремел гневный голос:

— Стреляй, ты, вояка!

Это был Николай Григорьевич, опытный боец, после госпиталя попавший в нашу часть. Мы его звали «стариком» — не за возраст (он был не на много старше меня), а за спокойствие, опытность, какую-то особенную обстоятельность. Помнится, что обращаясь ко мне, он прибавил еще кое-какие яркие слова. Но я был так испуган, что только молча дрожал. Заметил только, как мои товарищи дружно и ловко бьют залпом из винтовок по истребителям. «Мессершмитты» набрали высоту и нырнули в облака.

Николай Григорьевич молчал, но смотрел на меня суровыми глазами. Я никогда таких глаз не видел. Голова моя опустилась, словно на шею привязали большой камень.

— Пошли! — сказал Носырев властным голосом. Мы молча зашагали вперед. Навстречу нам санитары вели раненых. Потом, на краю дороги, я увидел группу бойцов. Николай Григорьевич взял меня за рукав и, раздвигая красноармейцев, ввел в круг...

Видимо, бомба разорвалась рядом с этим бойцом. Товарищи уже успели собрать то, что осталось от человека и сложили некое подобие тела... Николай Григорьевич снял шапку, постоял минуту и зашагал дальше. За ним, как привязанный, побрел и я.

— Видел, Калыйнур,— начал Носырев,— как погибают люди?! А ты старался спасти себя. Может, твоя пуля и помешала бы фашисту кинуть бомбу.

Меня тянуло к земле, я с трудом поднимал ноги, лицо, казалось все горело огнем. Было невыносимо стыдно и тяжко. А в ушах все еще стоял свист бомб и пуль. Сквозь них властно пробивался голос Носырева.

— На войне так не годится. Я понимаю тебя, ты — молодой и первый раз видишь смерть. Пусть она будет тебе уроком. Я тебе могу еще многое сказать, но ты сам все поймешь...

Я понимал — он мог мне сказать, что я струсил, думал только о себе и забыл товарищей...

Это было самое страшное. Мне это казалось невыносимым. Но где-то далеко в душе мелькала уверенность в том, что позор больше не повторится.

Так неудачно началась моя боевая жизнь. Прошли многие месяцы и годы суровой войны, с боевыми друзья-

ми я проделал путь от Дона до границ Румынии, штурмовал Берлин, но случай этот никогда не забывался.

В январе 1945 года с Сандомирского плацдарма на левом берегу Вислы, южнее Варшавы, началось грандиозное наступление войск 1-го Белорусского фронта.

После артиллерийской подготовки, длившейся около двух часов, оборона противника была прорвана и войска рванулись на запад, к границам Германии, логову фашизма, откуда был начат разбойничий поход на восток. Немцы цеплялись за каждый удобный для обороны рубеж, но наши части с ходу сшибали их и гнали на запад.

В начале февраля мы достигли реки Одер. Полки нашей дивизии с боями шли по 40—70 километров в сутки. Это был невиданный в истории войн по быстроте переход в условиях непрерывных боев.

Итак, 5 февраля наша дивизия, форсировав реку Одер в районе небольшой железнодорожной станции Кинниц, захватила на ее левом берегу плацдарм. Он был небольшой: 800 метров в глубину и 3 километра по фронту.

Наша дивизия оказалась ближе других советских частей к столице фашистского логова — Берлину: до него было немногим более пятидесяти километров. Немцы отлично понимали, откуда им грозят, и незамедлительно попытались сбросить нас с плацдарма. Были дни, когда они переходили в контратаку по пять-шесть раз, не успокаивались и ночью.

Так продолжалось с неделю, потом немцы притихли. Не трудно было догадаться — противник обессилел и готовился к новым атакам. Наше командование решило перейти в контрнаступление.

День 12 февраля был пасмурный. На рассвете прошел небольшой дождь, затем опустился плотный туман. Вокруг стояла такая тишина, что казалось, войны уже нет.

Рано утром в полуподвальном помещении станции, где размещался штаб, собрались офицеры нашего батальона. Выслушав доклады ротных, командир батальона майор Алексеев приказал достать оперативные карты.

Его карта с нанесенной обстановкой лежала на небольшом столике, освещенном несколькими свечами.

— Нам приказано сегодня же перейти в наступле-

ние,— спокойно начал Алексеев.— Основные силы фронта приближаются к Одеру. Саперные части приступили к наведению моста через реку. Перед нами стоят пока что отдельные гарнизонные части противника. Но по данным командования, сюда подтягиваются свежие силы из районов Берлина и других городов. Наша задача — во что бы то ни стало расширить плацдарм и укрепить его. Наступать будет вся дивизия. Мы должны выйти вот сюда, на перекресток шоссейных дорог, примерно в трех километрах, и там закрепиться.

Сообщив подробности боевого приказа, майор Алексеев отпустил офицеров. Заместитель комбата по политчасти капитан Зубков приказал мне (я тогда был парторгом батальона) и комсоргу лейтенанту Гапончуку остаться. Втроем мы обсудили план предстоящей операции. Надо было предусмотреть всякие случайности. Одно дело, когда к наступлению готовятся исподволь: с каждым можно побеседовать, объяснить задачу, расставить коммунистов на самых важных участках. Да и люди идут в бой бодрые, отдохнувшие, всем обеспеченные. Мы были в иных, гораздо худших условиях. Времени для систематической, углубленной политической работы не было. А главное — люди очень устали. Почти месяц все приходилось делать на ходу. На ходу ели, на ходу спали, на ходу чистили оружие, на ходу приводили себя в порядок. И, конечно, на плацдарме отдыха не было — все время, одну за другой, отбивали контратаки.

Но приказ нужно было выполнить полностью и в срок. Мы провели собрание накоротке, побеседовали с коммунистами и комсомольцами. По сигналу атаки, они должны были первыми подняться и повести батальон. Это был их долг.

Наступил час атаки. Заговорила наша артиллерия. Когда она перенесла огонь на вторую линию обороны противника, взвилась зеленая ракета. Я вскочил со словами: «Вперед, за мной!» По всей передовой покатилось дружное «ура!»

Уцелевшие после артиллерийского удара огневые точки немцев заговорили. Под пулеметным огнем в некоторых местах залегли наши. Я на секунду остановился и, не ложась, крикнул:

— Встать! Не бежать в куче!

Я хорошо знал, какую удобную цель представляют для обороняющихся кучно идущие в атаку. Их легко скосить длинной пулеметной или даже автоматной очередью. Эта мысль, видимо, меня не покидала, так как на бегу я все время кричал:

— Не сбиваться в кучу! Рассредоточиться!

Смотрю по сторонам, оглядываюсь. Батальон идет дружно. Когда ворвались в траншеи противника, я побежал к дому, южнее которого находилась пулеметная точка. Мне хотелось обойти дом с северной стороны и уничтожить пулемет. Когда я подбежал, из-за угла выскочил немецкий офицер. Встреча была настолько неожиданной, нос к носу, что я словно окаменел. И в то же время видел, как он поднимает правую руку с пистолетом. До сих пор помню, что у меня в тот момент даже и мысли не было о том, что вот нужно стрелять первым, иначе выстрелит он. Но случилось для меня неожиданное. На какую-то долю секунды раньше раздалась короткая очередь моего автомата. Немец свалился, а я почувствовал, как что-то дернуло в левом боку. Оказалось, что пуля пистолета пробила шинель, не задев тело. Значит моя рука, нажав на спуск, сработала автоматически, вне зависимости от сознания. Слава ей! Иначе я бы свалился с немецкой пулей в сердце.

В этой местности дома располагались не как обычно в деревнях и даже в хуторах, а почему-то рассеянно, беспорядочно. И, хотя бой приходилось вести за каждую усадьбу в отдельности, мы занимали их одну за другой. Наступила темнота, когда мы захватили дом, находящийся на перекрестке шоссейных дорог. Одна шла с юго-запада на восток, а другая с северо-запада к станции Кинниц. Скрещивались они метрах в двухстах от дома.

Когда мы заняли этот рубеж, перестрелка шла всюду: впереди, слева, справа и в тылу, откуда мы пришли. Обстановка была неясной.

Поздно вечером Алексеев собрал офицеров в подвале дома, где он организовал свой командный пункт, и сообщил, что остальные батальоны нашего полка остались на первой линии обороны немцев, дальше их противник не пустил. Значит, мы находились от фронта примерно в двух километрах. Утром следующего дня полк должен начать наступление, чтобы поравняться с нами. Наша

задача — закрепиться и по возможности поддержать с тыла наступление наших товарищей.

По приказу Алексеева батальон занял круговую оборону. Она охватывала перекресток дорог, дом со строениями и садами, раскинувшимися южнее и юго-западнее дома.

Всю ночь не прекращалась работа. Солдаты окапывались вдоль дорог и по окраинам сада, а в северной части — у ограды, сложенной из жженого кирпича. За ночь мне пришлось несколько раз обходить линию обороны. Несмотря на усталость и напряжение прошедшего боя, бойцы работали охотно, энергично, с шуточками и прибаутками. Видно, успешный прорыв радовал людей. Все же с полуночи мы приказали бойцам отдыхать, остались только дежурные на огневых точках.

Рассвет 13 февраля был тоже пасмурным. Временами нас накрывал низкий туман. С запада и с юго-запада слышался гул моторов — видно, немцы подтягивали танки. Предстоящий бой обещал быть тяжелым. Дело в том, что у нас не было ни одной пушки, имели всего лишь два противотанковых ружья. Алексеев приказал мне выяснить — сколько есть у бойцов противотанковых гранат, а противотанковые ружья направить в его распоряжение.

Оказалось, что в батальоне осталось лишь шесть противотанковых гранат. По моему указанию, их передали бойцам, находившимся в западном и юго-западном участках обороны. Им было приказано не обнаруживать себя до подхода танков. Противотанковые ружья поставили внутри двора, у ворот, выходивших на юг, к шоссейным дорогам, откуда вероятнее всего могли появиться танки.

Вернувшись в штаб, я застал Алексеева у рации за разговором с командиром полка.

— «Волга», «Волга!» Я — «Днепр», я — «Днепр». Как слышите? Прием,— говорил Алексеев.

Через минуту он доложил командиру полка, что батальон готов к отражению атак противника. Потом несколько нерешительно спросил о наступлении полка.

Слушая ответ, комбат все более хмурился. Закончив разговор, резко снял наушники и обернулся к нам.

— Положение неважное,— сказал он устало.— Полк

наступает, но безуспешно. Немцы отчаянно сопротивляются. Пока что помочь нам нечем. Приказано держаться.

Алексеев задумался. Никто из нас, присутствующих, не решался нарушать тишину. Наконец, развернув карту, майор сообщил свое решение:

— Оборону разделим на три сектора. Оборону южного сектора поручаю вам, старший лейтенант Мироненко. Юго-западный сектор — Усенбекову, а северный — лейтенанту Гапончуку. Огонь вести только по целям. Беречь боеприпасы. Лейтенанту Гапончуку срочно выделить один взвод в мое распоряжение. В случае крайней опасности будем вызывать на себя огонь нашей артиллерии. Я буду находиться здесь.

Убедившись, что задачу мы поняли правильно, Алексеев крепко попрощался с нами, пожелав успехов.

— Ну, лейтенант, принимай подкрепление. Прибыла боевая единица, вооруженная автоматом с двумя дисками,— шутя доложил я Розанову, командиру второй роты, свалившись к нему в окоп.

— Молодец! — сказал Розанов, улыбаясь.— Раз парторг с нами, мы победим.— Освобождая мне место в окопе, он уже серьезным тоном добавил:— Хорошо что пришел, вдвоем все-таки лучше.

Я ему рассказал о решении комбата.

— Наверное, наши наступают. Там идут бои, не знаешь?

— Точно, наступают, но не удается. Нам приказано держаться.

— Некуда и идти. Есть закурить?

— Держи... Да, идти нам некуда. Мы в окружении. Где пулеметчики?

— Остался один ручной пулемет. Он левее нас. Остальные не дошли. Вот за теми деревьями три танка стоят. Они, наверное, пойдут по шоссе. По полю — вряд ли. Грязь...

Розанов показал мне расположение противника. Сквозь туман были видны немецкие танки. За ними перебегали немцы — готовились к атаке.

— Теперь скоро начнут...— сказал я.— Дай команду, чтобы без приказа не стреляли. Будем подпускать ближе.

Розанов не успел передать приказание, как заговорила немецкая артиллерия. Стреляли довольно точно.

Пришлось лечь в окопах. Аркадий несколько раз пытался поднять голову, все хотел посмотреть — не идут ли немцы, но я его держал.

Обстрел длился примерно минут десять. Когда разрывы прекратились, мы увидели, что с запада на нас ползут три танка. За ними, тяжело поднимая ноги, по грязи шли солдаты. Они подошли к нам метров на двести-триста. Танки стреляли на ходу, больше по дому. Левее нас противник был еще ближе. Там немцы шли по шоссе и вдоль шоссе, а танки уже вплотную подошли к окопам южного сектора. Их встретили дружными залпами. Оставшиеся в живых фашисты шлепнулись в грязь. Однако танки продолжали ползти, ведя огонь уже по окопам.

Мы подпустили немецких солдат метров на сто. А потом шквальный огонь заставил их прижаться к земле. Мы не дали им подняться. Танки не решились оставить пехоту и перенесли огонь на наши окопы. От немцев неслись истошные крики и ругательства. Видимо, офицеры пытались поднять солдат в атаку. Но мы тотчас же дружным огнем сшибали каждого, кто пытался встать для перебежки.

В южном секторе головной танк пересек нашу оборону. Раздался сильный взрыв противотанковой гранаты и машина завертелась на месте. Первый подбитый танк ободрил нас, и мы почувствовали себя более уверенными.

Остальные танки остановились. Лежавшие в грязи немцы вели по нас огонь, но в атаку не поднимались. Мы решили по ним не стрелять и себя не обнаруживать. Танки, расстреляв снаряды, начали отползать. Впереди, прикрываясь броней, стали отходить и солдаты.

Первая атака немцев была успешно отбита. Мы почти не имели потерь и патронов много не израсходовали.

Воспользовавшись затишьем, я побежал в штаб. Мироненко и Гапончук уже находились там. Настроение у всех было хорошее.

— Молодцы, ребята! — поздравил нас капитан Зубков.— Я наблюдал. Очень экономно и эффективно вели огонь. В окружении так и следует воевать. Учтите — патронов мало.

Это нас и беспокоило. Пополнить боеприпасы было негде.

— Надо ожидать вторую атаку,— начал Алексеев.— Немцы теперь пощупали нашу силу. Отражать следующую атаку, пожалуй, будет труднее.

Он оказался прав: новую атаку немцев повели энергичнее, танки прошли нашу оборону и стали утюжить окопы, в упор расстреливали дом, где размещался командный пункт, а в подвале лежали раненые. И все-таки бойцы стойко вели бой с пехотой противника. На танки внимания почти не обращали — бороться с ними все равно было нечем. Старались не подпустить пехоту. Немецкие танкисты сообразив, что у нас нет противотанковых средств, спокойно разъезжали по окопам, сминая и засыпая их. Грохот стоял немыслимый — в нем сливалось все: шум моторов, взрывы снарядов, треск пулеметов и автоматов, крики. Управлять боем было трудно. Ведя огонь из автомата, я часто кричал: «Не пускать пехоту! Танки ничего не сделают!» Не знаю, слышали ли меня бойцы или нет, так как криков было много. Кричали наши, кричали и немцы.

После одной короткой очереди, кажется, срезавшей двух особенно нахальных фрицев, я оглянулся и с ужасом заметил, что ручной пулемет, находившийся левее, метров в пятидесяти, замолчал. Из окопа торчал задранный к небу ствол. А немцы напирали. В южном секторе они уже подошли вплотную к нашим окопам, с запада били нам во фланг. Тут раздумывать об опасности было некогда, я выскочил из окопа и кинулся к пулемету. Пули неприятно посвистывали вокруг. Краем уха слышал, как Аркадий Розанов крикнул: «Куда ты, ложись!» Но я уже был у цели. Велика была радость, когда увидел, что пулемет цел. Я с наслаждением нажал на спуск, заставив ближайших немцев залечь.

Вдруг послышался голос Носырева

— Калыйнур! Жив? А я ранен.

Вместо ответа, я прежде всего спросил — есть ли у него патроны. В диске они были на исходе, а второй уже был пуст. Носырев лежал недалеко от меня. Патронов у него не было. Я бросил ему свой автомат и попросил прикрыть меня огнем.

Под защитой его огня я быстро заскочил в три-четы-

ре окопа и, собрав патроны у раненых и убитых бойцов, передал их с пустым диском Носыреву. Сам снова лег за пулемет и повел огонь короткими экономными очередями. Он набивал диск.

Немцы на этом участке так и не прошли.

Не лучше дело у них было и в других секторах. Прикрываясь танками, полностью израсходовавшими боеприпасы, пехота снова отступила, оставив много убитых. Пользуясь затишьем, я опять стал собирать патроны и гранаты. Невыносимо больно и горько было видеть погибших товарищей! Если бы у нас были хотя бы противотанковые гранаты!..

Зарядив два пулеметных диска, я передал пулемет красноармейцу Левину, приказав прикрывать огнем добровольных санитаров, взявшихся выносить раненых. Потом подполз к Носыреву. У него были перебиты обе ноги. Видимо, он тоже бежал к замолкшему пулемету.

Взвалив на себя Носырева, я пытался добежать до подвала. Однако это мне не удалось — устал, пришлось ползти, делая частые привалы.

— Я, брат, отвоевался,— говорил Носырев, не подавая вида, как мучительна ему эта дорога.— Все! Так и не придется побывать в Берлине. А ведь клятву давал! Вот вы дойдете...

Носырев меня подбадривал. Ведь он хорошо понимал наше положение. Из окружения мы еще не вышли. Были гораздо слабее, чем в начале боя. Особенно большие потери нам нанесла вторая атака. Боеприпасы почти кончились и пополнить их негде. Вышли из строя многие пулеметы. Люди устали, голодные. А сколько еще атак впереди? Но я тоже старался держаться бодро.

— Ничего, старик,— говорил я Носыреву, называя его так по старой дружеской привычке.— Ты еще вернешься. Как миленький вернешься,— я даже рассмеялся. Но в смехе было мало веселого. Это я и сам почувствовал. Николай Григорьевич облизнул запекшиеся губы, чуть покачал головой.

— Нет, Калыйнур, штурмовать Берлин мне не придется. Вот он близко, а рана серьезная. Кости перебиты, а они в моем возрасте скоро не срастаются.

— А вдруг немцы скажут, что они без Носырева Берлин не сдадут. Как нам тогда быть?

Носырев закрыл глаза.

— Ну, ты шутишь. Не надо. Чувствую, что крови много вытекло. Помоги перевязать...

Алексеев с рацией находился у входа в подвал. Дом был сильно разрушен и мог вот-вот завалиться. Раненых перенесли под лестницу. Подвальные комнаты южной стороны дома солдаты приспосабливали к обороне. Часть взвода, который Алексеев взял себе, занимала позицию вокруг дома и прикрывала нас.

Алексеев, весь в грязи и пыли, докладывал по рации о положении батальона. Голос у него был хриплый. Видно было, что он немного контужен. Капитан Зубков лежал, укрывшись плащ-палаткой.

Я коротко сказал Алексееву об атаке немцев и добавил, что людей на передовой осталось мало.

— Офицеров не осталось,— сказал Алексеев, устало прикрывая глаза набрякшими веками.— Мироненко убит. Послал Гапончука, и он погиб. Абрамов тоже.

Старший лейтенант Абрамов был командиром первой роты.

— А Зубков, что, ранен?

— Нет, сильно контужен. Снарядом нас чуть не убило.

Алексеев сказал, что полк не может пробиться к нам. С наступлением темноты он возобновит атаки. Но если не получат из дивизии подкрепления, надежды на успех мало.

Мы решили в темноте оттянуть с передовой линии оставшихся там людей к дому, иначе их уничтожат танки. А здесь держаться было еще можно.

Алексеев попросил меня узнать, сколько осталось бойцов, и организовать сбор патронов.

Я понял, что он меня жалеет и, видимо, боится потерять. Он мог просто приказать и не обращаться с просьбой.

Помедлив, Алексеев глухо проговорил, глядя в пол:

— Смотри, Калыйнур, береги себя.

Он редко обращался ко мне по имени. Я понимал его. Обходить передовую на глазах противника, на ровном месте... Но что делать? Кто-то должен был это сделать. Иначе остатки батальона погибнут быстро и бесславно.

Из взвода резерва я взял двух бойцов и послал их в южный сектор собирать патроны, автоматы и винтовки у убитых. Сам взял западный сектор. Немцы, видимо, заметили нас, начали обстреливать. Где-то близко свистели пули, ударялись в землю прямо под ногами. Иногда короткими перебежками, а иногда по-пластунски двигался я по грязи и подбирал оружие и патроны.

Встретил живого и невредимого Розанова. Обнялись, будто век не видались. Потом оба принялись разыскивать патроны. На ходу ободряли бойцов, хвалили за стойкость, героизм. О немцах и не говорили, будто их и не было. Я сделал еще одно дело: у нескольких убитых взял кисеты с махоркой, ссыпал в один и потом раздавал ее. Бойцы сразу повеселели.

Начало темнеть. Мы вернулись к Алексееву. Он обрадовался, увидев Розанова. Я доложил, что на передовой осталось всего семнадцать человек. Боеприпасами они обеспечены.

Пока мы ползали по передовой, резервный взвод окопался. Теперь можно было стрелять прямо из подвала дома. Вдоль кирпичной ограды чернели свежей землей глубокие окопы.

Комбат приказал Розанову возглавить оборону западного и северного секторов, а мне перейти на южный.

Прошло немного времени, и мы опять услышали шум танков, их моторов. Немцы готовились к третьей атаке. Алексеев приказал нам, чтобы мы быстро сняли людей с передовой и заняли оборону вокруг дома и ограды.

Не успели мы расставить людей, как немцы принялись методически обстреливать нашу позицию из артиллерии. На этот раз все немецкие танки шли по шоссе. За ними тянулась пехота.

Когда немцы подошли к разбитым окопам южного сектора, Алексеев дал по рации координаты и вызвал огонь артиллерии на себя. Другого выхода не было.

Прошла минута, другая, и близкие густые разрывы снарядов оглушили нас, земля задрожала.

Мы укрылись в окопах, вырытых на противоположной стороне дома, под заборами, и огонь нашей артиллерии не причинил ущерба. Зато немцев налет застал врасплох. Когда стихли разрывы снарядов и ветерок разметал дым, мы увидели, что танки и пехота повернули

назад. Наши бойцы закричали «ура!» и, не дожидаясь команды, открыли по уцелевшим пехотинцам огонь.

Алексеев приказал срочно организовать сбор немецкого оружия и боеприпасов. Пользуясь наступающей темнотой, мы снесли в дом десятка три автоматов и гранаты. Словом, вооружились так, что можно было драться еще день. Всю ночь не прекращали работу — углубляли окопы, соединяли их траншеями.

Да, забыл сказать — наши бойцы подняли на поле и принесли в подвал более десятка раненых немцев. Их напоили, перевязали чем могли.

Утром 14 февраля на востоке началась сильная перестрелка. Значит, наши начали наступление. Алексеев не отходил от рации. Но вскоре узнали, что и на этот раз полк не смог пробиться к нам. А вскоре немцы пошли в атаку. Их поддерживали четыре танка. Алексеев и на этот раз вызвал огонь на себя. Полк ответил, что утром артиллеристы израсходовали все имевшиеся снаряды и поддержать нас не могут.

Танки били по полуразрушенному дому, по кирпичным заборам. Немцы подобрались на двадцать-сорок метров, а отдельные группки просачивались к дому. Положение стало угрожающим.

Я приметил, что по мере приближения пехоты к дому, танки прекращали огонь, видимо, боясь поразить своих.

У меня возникла мысль поднять людей в контратаку. Мы с Алексеевым переглянулись, он согласился. Сначала мы дали залп по лежащим немцам, а затем я поднял людей.

— У-р-ра! — закричали бойцы, выскакивая из окопов. Заработали все автоматы—трофейных патронов мы не жалели.

Немцы, ошеломленные дерзостью нашей атаки, стали сдаваться в плен, а те, кто был подальше—поспешно разбежались. Пленных быстро загнали в сарай с западной стороны дома, где не было танков. По убегавшим открыли огонь.Танки не поняли, в чем дело, и расстреляв снаряды, покрутились недолго, а потом ушли восвояси.

Так бесславно кончилась и четвертая атака немцев. Мы снова пополнили боеприпасы за счет трофеев. Положение стало несколько лучшим, но у нас были потери. Когда мы поднялись в атаку, был убит Аркадий Розанов.

Он лежал лицом вниз, с автоматом в руке, как бежал, так и пал.

В этот день гитлеровцы еще два раза пытались рассчитаться с нами. Каждый раз мы вызывали огонь на себя. С большим трудом удалось отбиться. Перед последней атакой мы с Алексеевым попрощались. Нам казалось, что живыми не останемся. Вскоре вышла из строя рация, Алексеева ранило. Мы ушли в траншеи.

Чтобы в полку знали, что мы еще живы, держимся и ждем их помощи, ночью время от времени стреляли по противнику и систематически пускали ракеты.

Рано утром следующего дня наши пошли в наступление. На этот раз оно было удачно. Часам к одиннадцати передовые подразделения добрались до нас.

В штабе полка нас встретили командир дивизии и начальник политотдела. Они обняли нас, поздравили с успешным выполнением задания.

В конце мая, когда Отечественная война уже окончилась, был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении воинам почетного звания Героя Советского Союза. В списках новых Героев была и моя фамилия.

К. Усенбекое.

ХРАБРОСТЬ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ

Войска Первого Белорусского фронта, оставив позади Одер, готовились к последнему, решающему наступлению. Вторая половина марта была дождливой. Дороги стали липкими и вязкими, по полю трудно было пройти— утопали ноги.

Кавалеристы, отправившиеся в разведку с наступлением темноты, возвращались на рассвете. Это были славные гвардейцы, прославившиеся своим бесстрашием и лихостью. Конников эскадрона не могла остановить ни бурливая река, ни град пуль, на задание они уносились со скоростью молнии, в атаке обрушивали на врага сверкающую стену острых сабель...

На этот раз они возвратились из разведки в районе городов Претцеля и Зеелова.

И им не повезло.

Не успели кавалеристы пересечь железнодорожное полотно, как неожиданно справа почти в упор застрочили

автоматы и пулеметы, а через некоторое врамя ударили и слева. С коня слетел один боец, за ним еще двое...

Эскадрон попал в засаду. Еще вчера они проходили мимо этого леска, по этой неширокой поляне и все было спокойно. А сегодня... Видно, какая-то бродячая группа фрицев оседлала дорогу, переезд и вот бьет, не жалея патронов. Гибнут отчаянные веселые ребята, когда до победы всего два шага... Но разворачиваться для атаки под прицельным огнем автоматов и пулеметов было бессмысленно и командир подал команду:

— Рассредоточиться и галопом вперед! Без остановки!

Всадники поскакали, нещадно пришпоривая и нахлестывая коней.

— Заметили нас, гады, когда мы вчера тут проходили,— сквозь зубы сказал солдат, ведущий в поводу коня с навьюченным пулеметом.— Труба всем...— недоговорив, он ударил своего мерина. Конь с пулеметным вьюком стал отставать, потом свернул и поскакал в сторону. Не успел он сделать всего несколько прыжков—длинная пулеметная очередь подрезала его. Она же убила и пегого коня, на котором скакал Самат Садыков.

Но джигит не пострадал. Пока конь медленно валился набок, он быстро с артистической ловкостью и легкостью перемахнул через голову животного и побежал вперед. Но визжащие пули вскоре остановили и его. Самат почувствовал, как что-то горячее ударило его по левому уху. В голове зашумело, перед глазами побежали красные круги, показалось, что земля перевернулась и начала крутиться со страшной скоростью. «Нет, так нельзя... Ранило»...— несвязно подумал он, падая на землю.

Очнулся он скоро. Приподнялся, огляделся. Эскадрон исчез, товарищи видно проскочили страшную засаду. Но стрельба не прекращалась, и в воздухе по-змеиному шипели пули.

Он посмотрел вправо: гитлеровцы в стальных касках, в серо-зеленых шинелях выходили из леса. Подумал: «Вот и моя смерть». Тело забилось мелкой дрожью, во рту пересохло. Но он тут же взял себя в руки. Осмотрелся еще раз. Конь, на котором был навьючен пулемет, лежал невдалеке. От радости Самат чуть было не закричал. Значит, проклятая смерть не скоро подойдет к нему и коснется костлявым пальцем...

Он быстро дополз до убитого коня, клинком перерезал ремни, отделил пулемет. «Эх, «Горюнов», «Горюнов»*, хорошая ты машина. Сейчас мы с тобой покажем фрицам, как гвардейцы воюют»,— подумал Самат. Он установил пулемет за спиной убитого коня, пододвинул коробку с лентой, в которой тускло поблескивали желтые патроны, зарядил пулемет. На душе стало спокойнее.

Немцы подходили все ближе и ближе. Вот уже до них всего тридцать—сорок метров. Садыков, растянувшись во весь рост на мягкой, влажной, покрытой ранней зеленью земле, чуть повел стволом и нажал спуск. Он бил короткими очередями, бил почти в упор! Передние ряды врага словно смело. Оставшиеся пустились в бегство. Закладывая в пулемет новую ленту, Самат краем глаза заметил, что враг появился с левой стороны. Вспомнив слова Джомарта Боконбаева: «Герой мало говорит, но дело в его руках горит», он быстро развернул пулемет влево. И снова от губительного меткого огня уцелевшие враги кинулись врассыпную, словно воронье от налетевшего сокола...

Ствол пулемета накалился докрасна. Что делать? Самат приподнялся, чтобы посмотреть — нет ли во вьюке запасного ствола, но тут что-то тяжелое ударило его в ключицу, он качнулся, упал...

* * *

Командир эскадрона, выехав из перелеска, увидел скучившихся кавалеристов. Вскоре до его слуха донеслась знакомая дробь пулемета.

Значит, кто-то остался, прикрыл огнем уходящий эскадрон, помог оторваться... Ах, чудесный человек!.. Ну, а теперь в атаку!

— Эскадрон! За мной!— крикнул он и повернул коня назад, к врагу. Раздались крики «Ура-а!» Кавалеристы пришпорили коней. Из-под копыт высоко взлетали комья земли.

Вот, наконец, и место гибельной засады. Чуть придержав коня, командир заметил отстреливающегося из пулемета бойца. Потом увидел, как тот поднялся и упал на землю, словно скошенная трава.

---

* Пулемет системы Горюнова.

— Второму, третьему, четвертому взводам! Огонь по отступающему противнику! Первому взводу! Вынести героя с поля боя, огнем поддержать левый фланг второго взвода,— приказал командир эскадрона и хлестнул коня.

Он первым подскакал к пулеметчику, соскочил на землю, приподнял голову солдата:

— Жив?

Герой-пулеметчик молчал. Лицо его было залито кровью, испачкано в глине, глаза закрыты.

Командир быстро оглядел солдата: две узких полоски пересекали его погоны, к гимнастерке были прикреплены орден Красного Знамени и две медали «За отвагу».

— Да ведь это Садыков из первого взвода! — тихо сказал командир.

Он окинул взором открытое поле между железнодорожным полотном и лесом: оно было усеяно трупами в серо-зеленых шинелях. Изредка оттуда доносился то едва слышный протяжный стон, то невнятно произнесенные немецкие слова.

— Молодец! Спасибо тебе, храбрый киргизский джигит, спасибо матери, родившей такого сына, спасибо твоему народу, воспитавшему тебя таким героем! Ну-ка возьмите его в седло!

Под прикрытием автоматчиков-гвардейцев первого взвода младший лейтенант Тарасов повез Самата с поля боя.

— Воды! — прошептал Садыков, не открывая глаз.

— Самат! — крикнул Тарасов, радуясь тому, что к другу возвращается сознание. Он приказал одному из кавалеристов подать воды. Тот, быстро отвинтив крышку, поднес фляжку к губам Самата. Раненый большими глотками почти осушил ее. Бледное лицо его сразу оживилось.

— Выздоровеешь, джигит! Такие герои, как ты, не умирают! Ты победишь смерть! Ты сильнее смерти! — взволнованно шептал на ухо Самату Тарасов.

...Нелегко потерять такого джигита. Ведь Самат был не только солдатом из его взвода, он был его воспитанником, его младшим братом, самым близким человеком. Тарасов нередко делился с Садыковым самыми сокровенными мыслями. Младшему лейтенанту Самат понравился с первого дня прихода в взвод: Самат хорошо знал

русский язык, военное дело усваивал быстро, был веселым и жизнерадостным парнем. С его лица никогда не сходила добрая, теплая улыбка. Заметив его сообразительность и смекалку, Тарасов зачислил его в отделение пулеметчиков. Самат все делал быстро, аккуратно, точно, как полагается военному. Его уважали друзья, ценили командиры.

Как всякий солдат, он любил в перекур или в тихие минуты перед отбоем вспоминать о доме.

— Отец у меня шахтер, работает в Сулюкте,— не торопясь, со счастливой улыбкой, рассказывал он,— а мать — по дому. У нее, кроме меня, два мальчика и девочка. Маленькие. Я самый старший. Вот вернусь, пойду в шахту к отцу. Буду помогать им. Ему одному трудновато...

Под мерный шаг коня Тарасов припомнил годы военной жизни друга. Это была и его, Тарасова, жизнь — ведь они вместе в сорок третьем году пришли в полк, вместе делили и радости и невзгоды. Но Самата с первых же дней отличала какая-то особенная, спокойная что-ли, храбрость. Он показал ее в первых боях. Попали они тогда на Брянщину. Местность очень красивая. Самат не раз говорил:

— Не могу я спокойно смотреть на врага, когда он топчет своими вонючими сапогами такую прекрасную землю.

Летом около города Карачева эскадрону пришлось спешиться и лечь в окопах, в боевых порядках пехотинцев, оборонявших опушку леса. Враг пришел неожиданно, под покровом леса, ударил из всех огневых средств, не давая возможности поднять голову. Бойцы вначале немного растерялись. Вдруг с правого фланга по фашистам стал бить пулемет. Кичливые эсэсовцы побежали, бросая оружие и визжа, как недорезанные поросята. Фашисты оставили на памятной им опушке свыше трехсот трупов.

— Это был первый, но не последний подвиг Самата.

В степи под Моздоком, Садыков был ранен. Требовалась операция. Но Самат остался в бою. Его пулемет скосил почти роту гитлеровцев.

Припомнился Тарасову и совсем недавний геройский поступок Самата на польской земле. В большом сражении за город Бломберг, где кровь людская текла рекой,

он, заняв небольшую высоту, стал строчить из своего пулемета по вражеским автомашинам, подвозившим боеприпасы. Машины вспыхнули, стали рваться мины и снаряды, выкашивая осколками колонну шедших по шоссе солдат...

Горячий, неровный шепот оборвал его воспоминания.

Самат бредил:

— Отец, зачем ты пришел? На кого оставил малышей? Я один, я один...

Тарасов дотронулся до лба друга — он горел пламенем. Приказал ординарцу открыть флягу и смочить носовой платок. Мокрую прохладную ткань осторожно приложил к горячему лбу. Самат утих.

«Золотой ты парень,— подумал Тарасов.— Если бы все были такими же храбрыми, так же бесстрашно уничтожали врага, давно бы закончили войну и вернулись по домам».

Тарасов осторожно снял носовой платок, сунул в карман и дал шенкеля коню. К нему подскакал высокого роста худой сержант:

— Дайте мне его, товарищ лейтенант! — сказал он, как-то виновато глядя в сторону.— Ведь это он нас спас. Сколько бы ребят фрицы уложили, если бы не его пулемет.

— Нет, я сам его довезу. Он не уставал совершать героические дела, я не устану везти его.

* * *

Эскадрон уничтожил немцев, засевших у железнодорожного переезда и вернулся в дивизию.

Командир пошел в штаб полка.

— Разрешите обратиться, товарищ гвардии полковник!

— Говорите!

— Первый эскадрон вернулся с разведки. Пройдено сорок километров в тыл врага, изучена местность и обстановка. Враг укрепляет оборонительные сооружения в районах городов Зеелова, Претцеля, Гольцова. В лесах восточнее города Претцеля большое скопление вражеских танков. Специальные поезда, колонны автомашин перевозят в сторону города снаряды и мины. Артеллерия

также перебрасывается в сторону Претцеля. На нашем направлении в основном сосредоточены стрелковые дивизии и артиллерия.

— Значит, немцы решили остановить наше наступление у Претцеля? — сказал полковник.— Пусть попробуют, если у них сил на это хватит. Но едва ли... Вернулись без потерь?

— Убито трое солдат, два тяжелораненых, четверо с легкими ранениями. На обратном пути мы нарвались на засаду, товарищ гвардии полковник... При этом героически вел себя младший сержант Садыков.

Командир эскадрона подробно доложил о подвиге Самата. Полковник Горобец внимательно выслушал его и только раз спросил:

— Это все правда?

— Правда, товарищ гвардии полковник! Видел весь эскадрон. Если бы не Садыков, потери были бы во много раз больше. Он спас десятки бойцов.

— Молодец! Комсомолец, не так ли?

— С прошлого года член партии. В эскадроне принимали.

Горобец снял телефонную трубку:

— «Большая Медведица», «Большая Медведица!» Я— «Молния». Я — «Молния». Позови к телефону старика. Это ты, старик? К вам только что поступил раненый, Самат Садыков. Петр Васильевич, очень прошу, осмотри сам. Все силы отдай, но спаси его. О состоянии его здоровья докладывай мне через каждые два часа. Что ты сказал? Нет, в госпиталь ты его не отправляй, слышишь? Вылечишь сам, лично! Ясно? Повтори... Да, точно...

Положив трубку, Горобец обернулся к командиру эскадрона:

— Люди пусть отдыхают, а вы сейчас идите к начальнику штаба и доложите ему все о Садыкове, дайте ему все данные. Пусть он оформит документы и немедленно принесет мне на подпись. Мы его будем представлять к Герою Советского Союза. Ясно?

— Так точно, товарищ гвардии полковник. Разрешите выполнять?

— Идите. Закончите с наградным листом — тоже можете отдыхать.

Командир эскадрона вскинул руку к козырьку фу-

ражки, резко повернувшись на месте, пристукнул каблуками и быстро вышел из блиндажа.

Полковник, заложив руки за спину, несколько раз прошелся по широкому и просторному немецкому блиндажу, что-то напевая про себя, потом медленно и четко произнес вслух:

— Садыков! Самат Садыков! Смотрите, какими орлами мы богаты! Один, а удержал почти батальон фрицев, уложил десятки врагов, спас десятки товарищей. Ну и молодец! Нет, непобедим народ, имеющий таких сыновей!

Т. Уметалиев.

ЗА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ

Миша лежал на соломе и бездумно вглядывался в густеющую темноту. Предсказывали непогоду и поэтому скошенную пшеницу скирдовали. Но пока стояла такая сушь, что упади искра и поле вспыхнет, схватится пламенем.

Неожиданно из темноты выплыло два человеческих силуэта. Подошли к крайней скирде. Один, закрываясь от ветра, начал чиркать спичками. Видно, он волновался — не загораясь, одна за другой они падали на землю. «Промокли, когда переходили через речку», — пробормотал склонившийся человек и смачно выругался. Осталась последняя. Он осторожно извлек ее из коробки и спрятал прямо на голое тело, под мышку.

Озираясь по сторонам и о чем-то тихо разговаривая, люди подождали. Высохшая спичка, наконец, вспыхнула желтым язычком, который тут же прилип к скирде. Пламя поползло вверх.

— Стой! Потушите огонь!

От неожиданного окрика неизвестные вздрогнули,

— Кому сказано, потушите огонь!

Поджигатели из-под рукавов длинных чапанов глянули в темноту: на них смотрело дуло пистолета.

— Немедленно тушите, иначе пристрелю на месте!

Повинуясь резкому оклику, они начали обдергивать горящую солому и забрасывать огонь землей.

Пламя погасло, только вился дымок. Перестали трещать, словно в казане, поджаренные зерна.

Человек в большом овчинном тулупе с пистолетом в руках повел задержанных на полевой стан.

— Кто вы? — спросили их колхозники.— Э-э, да это, кажется, дети изгнанных кулаков?

— Да! — растерявшись ответили задержанные.

Вскоре на стан прибыл уполномоченный райкома.

— Вы что, решили мстить за свое добро? — спросил он.— Решили колхозы уничтожить? Против народа пошли?

Те молчали, будто в рот воды набрали. Только глаза их беспокойно бегали по сторонам.

— Вы этого парнишку знаете? — Уполномоченный указал на крепкого мальчика лет одиннадцати, стоявшего в сторонке.

— Нет!

— Кто вас задержал?

— Какой-то с пистолетом.

— Вас привел этот паренек.

— Не может быть?!

— Миша, расскажи им . . .

. . . Ученик четвертого класса пионер Миша Афанасьев помогал отцу косить пшеницу. Они так заработались, что не заметили, как сгустились сумерки. Пришлось ночевать в поле. Еды они не захватили и отец, оставив сына в поле, пошел домой. Миша закутался в отцовский тулуп и уютно устроился в ворохе соломы. Он долго смотрел в темноту, отдаваясь потоку разрозненных воспоминаний о прошедшем дне. А потом показались эти, двое. . .

— Покажи-ка, Миша, им свой пистолет.

Миша подошел к столу и протянул потертый солдатский ремень.

— Вот так. . .

Он несколько раз перегнул его и в руках у него оказалось некое подобие пистолета.

Присутствующие расхохотались. Уполномоченный райкома опустил на плечо мальчика тяжелую руку.

— Ты молодец, Миша! Ты настоящий пионер, вот что я тебе скажу. Когда вырастешь большим — из тебя выйдет храбрый и смелый человек, настоящий герой.

Это предсказание незнакомого человека Миша запомнил, оно оказалось вещим.

. . . В августе 1943 года двадцатилетний Михаил Афанасьев прибыл на фронт, в действующую часть, о которой так долго мечтал еще в летном училище.

Теперь все мысли молодого летчика были устремлены к одной цели: бороться против фашизма до последней капли крови, до последнего дыхания. Он верил в свои силы, в свои знания. Это был волевой энергичный истребитель.

«Почему я должен бояться фашистов? Воюю я на своей земле, почти у себя дома. Пусть фрицы боятся меня. Нет и не будет мне покоя, пока немецко-фашистская мразь хозяйничает на моей земле!» — думал Михаил.

. . . На фронте шли ожесточенные бои. Звено ИЛов, которое возглавлял Афанасьев, получило боевое задание: участвовать в штурмовке оборонительных сооружений противника.

Район был до предела насыщен зенитной артиллерией. Но Афанасьев нашел выход: он повел штурмовики на бреющем полете и под прикрытием высоких пирамидальных тополей подобрался к объекту так, что появление советских самолетов было для немецких зенитчиков совершенно неожиданным. Когда они пришли в себя, было уже поздно! Штурмовики сбросили реактивные снаряды и прошлись по укреплениям пушечными и пулеметными очередями.

В этот ясный безоблачный день Афанасьев трижды поднимался в воздух и трижды возвращался победителем. Лично сам он разбил две зенитные установки, уничтожил их расчеты. Афанасьев получил от Военного совета армии благодарность.

. . . 23 октября 1943 года звено под командованием Михаила Денисовича взмыло в воздух для штурмовки отступавшей мотопехоты противника. Несмотря на пасмурную дождливую погоду, задание было выполнено блестяще: пехота частично рассеяна, частично уничтожена.

Автомашины, бронетранспортеры разбиты и сожжены. И снова в личном деле Михаила Афанасьева благодарность.

* * *

В личную карточку старшего лейтенанта Афанасьева каждый месяц, зачастую каждый день, заносятся все новые и новые записи о мастерстве и героизме.

. . . При освобождении Крыма Афанасьев участвовал в двадцати семи крупных боях. Ежедневно ему приходилось подниматься в воздух по два-три раза. В жарких боях в районе Северной бухты на окраине города Севастополя Афанасьев показал пример военного мастерства. Несмотря на яростный огонь вражеской зенитной артиллерии и атаки истребителей противника, он, возглавив восемь штурмовых машин, шел в атаку за атакой. В результате было взорвано два склада с горючим, уничтожено четыре бронемашины и много другой техники и живой силы.

...19 апреля 1944 года на Черном море была потоплена одна вражеская баржа, перевозившая продовольствие и боеприпасы, разведано скопление немецких боевых кораблей.

...6 мая 1944 года пять боевых машин под командованием Афанасьева совершили налет на стрелковый батальон и артиллерийскую батарею противника. Было взорвано два склада оружия и боеприпасов.

Активное участие принимал Афанасьев и в операциях по освобождению советской Прибалтики. Здесь он сделал около тридцати вылетов.

...8 сентября 1944 года звено штурмовиков под командованием Михаила Афанасьева приняло участие в крупном сражении за город Тарту. Преодолевая плотную завесу зенитного огня, штурмовики шесть раз ходили в атаку. Было уничтожено пять автомашин с боеприпасами, выведено из строя свыше двух взводов гитлеровских автоматчиков.

...15 сентября Афанасьев участвовал в уничтожении вражеской артиллерии. Разбиты две вражеских батареи и убито около тридцати солдат и офицеров противника.

...7 октября 1944 года Афанасьев с товарищами унич-

тожил семь автомашин противника с боеприпасами и продовольствием, вызвал три крупных пожара.

...10 октября во время штурма железнодорожной станции Почеган девять самолетов, ведомых Афанасьевым, разбомбили бронепоезд, два эшелона с гитлеровцами, семь грузовых автомашин, девять тракторов с прицепами.

...14 октября 1944 года двадцать четыре штурмовика под командованием Афанасьева снова вписали славную страницу в летопись Отечественной войны.

Остатки разгромленной на фронте гитлеровской дивизии по приказу командования сосредоточились в небольшом эстонском городке. Сюда же была стянута сохранившаяся боевая техника — танки, бронетранспортеры. Немцы собирались дать солдатам передышку, а потом заняться переформированием дивизии. Чувствовали они себя в безопасности — фронт был еще далеко, а затяжная непогода мешала действовать авиации.

Но советские летчики спутали расчеты гитлеровского командования. Штурмовики поднялись в пургу и вышли точно на цель. Сквозь снег, оставляя огненные хвосты, к земле ринулись реактивные снаряды, короткими очередями забили пушки и пулеметы штурмовиков.

Удар был внезапным и сокрушительным. Взрывались танки, горели склады горючего, рассыпались автомашины, солдаты и офицеры падали, сраженные невидимой смертью.

Разгром был полный. Как подсчитали позже, штурмовики уничтожили тридцать танков, железнодорожный состав и свыше семисот немецких солдат и офицеров. А главное — был открыт путь нашей пехоте.

В боевом дневнике дивизии записано:

«Несмотря на разыгравшуюся непогоду, летчики работали четко, ритмично. Их не страшил ни ветер, дувший со страшной силой, ни пули, дождем прошивавшие небо. Пилоты экипажей работали строго по команде, бомбы сбрасывали точно в заданные квадраты. От имени всей дивизии выражаем горячую благодарность всем летчикам, участвовавшим в штурме города и шлем им привет».

Но это был еще не последний бой Михаила Афанасьева. Не раз прорывался он сквозь плотный огонь зениток

на своем бронированном самолете к цели, отбивался от осатаневших истребителей и бил, бил, бил, добивал врага на его же земле.

За два последних года войны Михаил Денисович сделал 140 вылетов. Лично он уничтожил восемь танков, двадцать пять автомашин, двадцать тракторов-тягачей, два товарных состава, два воинских эшелона. свыше трехсот гитлеровских солдат и офицеров.

За выдающиеся боевые заслуги Михаилу Афанасьеву присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

— По вашему рассказу, еще в детстве вам предрекли, что будете смелым и храбрым героем. Ведь сбылось его предсказание? — спросил я Афанасьева.— Вы оправдали доверие народа, Родины.

— Я рад, конечно, что удостоился такой чести. Но нет ничего лучше мирного труда. Ничто не сравнится с чувством труженика. Но...

Он замолчал. Я долго смотрел на его крепкую, будто литую фигуру, на покрытый морщинками широкий лоб.

— Извините... Может быть, вам неприятно вспоминать прошлое?

— Нет, нет, что вы!

Он быстро, словно от сильной жажды, осушил давно остывший стакан чая.

— Вспоминать о войне мне больно — я потерял немало боевых друзей, которых никогда не смогу забыть. Они не вернулись к родным, любимым, к своим детям, на родную землю. Я знаю — их молодая жизнь прошла не даром, не бесследно. Как говорят у нас в народе: «Храбрый джигит родится дома, а погибает в бою». Они пали смертью храбрых, и мы за них отомстили с лихвой.

Беспокоит меня другое — есть еще в мире люди, которые готовы снова начать войну. А ведь страшно подумать, что это за война будет! Целые народы погибнут...

В комнату вбежал мальчик лет одиннадцати. Он потрясал дневником.

— Папа, я сегодня получил «отлично»!

— Молодец! Учись, хорошенько учись!

Я удивился — Афанасьев со мной разговаривал по-русски, а с сыном — на чистом киргизском языке.

— Сынок,— продолжал он,— в свое время я тоже был пионером и комсомольцем. Почти всю жизнь я прожил на этой земле. Вот вырастешь большим, будь храбрым и смелым, защищай эту землю от врагов.

Он повторил почти те же слова, что сказал ему партиец почти тридцать лет тому назад!

А. Мамбетакунов.

ДОСТОИН ЗВАНИЯ ГЕРОЯ

Часть, в которой служил Казак Джаркымбаев, готовилась к атаке. Перед ней стояла почетная задача: во что бы то ни стало освободить от фашистов Белгород. Началась артиллерийская подготовка. Без умолку работали орудия обеих сражающихся сторон. От бомбежки стонала, дрожала земля.

Казак находился в центре полка, изготовившегося для атаки. Он лежал с автоматом в руках и безотрывно смотрел вперед. Он был совершенно спокоен и не только потому, что не раз бывал в сражениях. Казак знал, что рядом с ним находятся его боевые друзья, которые всегда готовы выручить и поддержать друг друга. Огладив левой рукой усы, он оглянулся: товарищи были на своих местах.

Вдруг раздались толчки и тут же с вражеской стороны послышались особенно частые разрывы крупных артиллерийских снарядов. Вперед вырвались наши танки. Они мчались, не обращая внимания ни на бугры, ни

на воронки. За ними с криком «ура!» побежали пехотинцы. Враг открыл яростный огонь по атакующим. Но остановить такого дружного броска наших войск врагу было не под силу. Казак бежал одним из первых, на ходу строча из автомата. Он не слышал выстрелов, не чувствовал тяжести своего тела. Его влекла вперед одна мысль: скорее добраться до врага.

Вот танки достигли первых окраинных домиков города. За ними, немного поотстав, бежали пехотинцы — им временами приходилось залегать.

Казак, перескакивая через какую-то канавку, зацепился сапогом и едва удержался на ногах. В эту секунду, когда он согнулся в рывке, шальная пуля сбила с него шапку-ушанку.

— Черт бы ее взял! — выругался Казак и быстро ощупал гранаты на поясе: они были на месте. К нему обернулся самый близкий боевой друг — Бейсенби, джигит из Казахстана.

— Казак, что с тобой? — с тревогой спросил он.

— Ты думаешь, эти псы одной пулей меня возьмут? Черта с два!

Бейсенби обрадовался — цел его друг. Он подмигнул Казаку. Все это продолжалось каких-нибудь две-три секунды.

Вокруг по-прежнему все содрогалось от взрывов. Фашистские пулеметы били из слуховых окон, из подвалов, с крыш многоэтажных домов, швырялись гранатами.

Наши вынуждены были залечь. Передние ряды заметно поредели. Много было раненых, они стонали и звали на помощь. Но война не любит медлительности. Здесь нет времени для долгих раздумий. Надо продвигаться вперед, иначе победа ускользнет. Казак и Бейсенби укрылись в чьем-то густом саду и лихорадочно быстро соображали, что делать...

С особым бешенством по ним стрелял пулемет, спрятавшийся где-то в трехэтажном здании. Казак решил уничтожить его. Прячась за деревьями, за выступами других домов, он осторожно, по-кошачьи, начал подбираться к огневой точке. За Казаком тенью следовал Бейсенби. Осталось совсем немного — добраться до разрушенного дома. Но пространство было открытое и хо-

рошо простреливалось. Сунься и тебя мгновенно изрешетят немецкие пули. К счастью, слева заработал наш пулемет. Внимание врага теперь было приковано к нему. Казак стремительным броском одолел страшное пространство и приник к стене дома. Не торопясь, отстегнул гранаты и одну за другой швырнул их в окно, откуда бил пулемет. Полетели какие-то клочья, осколки кирпича...

— Ура-а! — раздалось сразу со всех сторон. Пехотинцы одним рывком ворвались в первую улицу Белгорода и начали растекаться. Они отбивали у врага дом за домом, этаж за этажом.

Казак, прижимая к груди свой автомат, ворвался в дом. В первой же комнате, он увидел страшную картину: перед разрушенной печкой возле убитой молодой женщины сидел двухлетний ребенок. Он худыми ручонками теребил черные, как смоль, волосы матери, ее разодранную в клочья одежду. С воскового лба женщины на пол стекала кровь. Ее глаза, полные ужаса, были открыты — видно, прежде, чем убить, ее мучили... Первое, что сделал Казак, это прикрыл веки убитой, затем он попытался взять девочку, та громко заплакала и, показывая тоненькими, как соломинка, пальчиками на лицо матери, что-то залепетала. Девочка ни за что не хотела расставаться с матерью. Только силой Казак оторвал ребенка от женщины и крепко, с отцовской нежностью, прижал худенькое тельце к широкой груди. На глазах у него выступили скупые слезы.

Оглянувшись, он увидел Бейсенби. Тот смотрел то на Казака, то на убитую женщину. Лицо друга посерело, осунулось, глаза потускнели. И только через несколько минут, придя немного в себя, он выдавил:

— Не печалься, друг! Кровь за кровь! За ее пролитую кровь фрицы еще поплатятся. Мы отомстим! А теперь идем, задерживаться здесь нельзя.

Вышли на улицу. Казак нес девочку. На повороте им повстречалась старушка, предлагавшая выпить молока из крынки.

— Большое спасибо, мамаша. Только молоко лучше дайте вот этой малышке, и, пожалуйста, посмотрите за ней,— сказал Казак и, поцеловав девочку в лобик, протянул ее старушке. Девочка, немного успокоившаяся на

груди бойца, опять забилась в крике, и плач ее слышался бойцам долго, пока его не заглушил шум боя...

...Пробежав еще несколько сот метров по улице, Казак оглянулся — Бейсенби не было. Стрельба немного утихала. Сюда доносились лишь отдаленные взрывы да приглушенная стрекотня пулеметов. По улице, прижимаясь к домам, бежали бойцы. Среди них Бейсенби тоже не было видно. Что могло с ним случиться? Тревожно стучало сердце. Казак поднялся в дом, который был только что освобожден. На первом и втором этажах никого не было. Поднимаясь по едва державшейся лестнице на третий этаж, Казак услышал слабый стон. Осмотревшись, он увидел Бейсенби: тот распластавшись лежал на полу.

— Бейсен, Бейсен, что с тобой, дорогой?

— Хорошо... что ты пришел... Пришел мой конец...

— Нет, не говори так! Все будет хорошо. Ты не должен умереть, ты будешь жить.

— Подойди, друг... Загляни в нагрудный карман. Там письмо... Отправь его,— едва выдавил Бейсенби. Ему становилось трудно дышать, он торопился высказать все... — Вернешься домой... Передай привет народу... степи... горам... Скажи, что их сын погиб, защищая счастье... Девушке Раушан передай привет... Разыщи ее, пожми крепко руку... Матери... — он не договорил, его голова резко откинулась. Он умер, но, его лицо оставалось по-прежнему молодым и суровым. Казак припал к груди умершего друга и впервые за свою жизнь не стал скрывать слез — он рыдал...

Белгород был освобожден полностью. Солдаты разместились на ночлег в большом казарменном помещении. Но несмотря на то, что на улице была ночь, что одолевала усталость, никто не думал о сне. На подоконнике сидел молодой русский парень в съехавшей на бок шапке-ушанке и играл на баяне, который достал бог знает где. Солдаты задумчиво слушали его игру. Казак, сидевший в сторонке, был печален. Ресницы его вздрагивали. Медленно извлек он из кармана два помятых письма. Одно было написано красивым девичьим почерком:

«Здравствуй, мой дорогой Бейсенби!

Уже третий год как ты на фронте, но я отчетливо

помню тот день, когда ты уходил. Ты уже отправлялся в далекий путь, а меня задержали дела. Ой, как я боялась опоздать! Когда я прибежала на вокзал, поезд был готов к отправлению. Ты стоял в сторонке и задумчиво смотрел куда-то вдаль. Услышав мой голос, ты резко обернулся. Я не помню, как мы бежали навстречу друг другу. Опомнилась я в твоих объятиях, ты крепко целовал меня. Я оглянулась, кругом были люди. Мне показалось, что все смотрят на нас. Как мне стало стыдно! У меня горели лицо, руки, в голове шумело. Мне пришлось оторваться от тебя. Поезд тронулся, ты быстро вскочил на подножку и крикнул: «Раушан, жди моего возвращения. Я обязательно вернусь». А я стояла и молчала, не могла я кричать, голос пропал. А как мне хотелось крикнуть тебе что-нибудь радостное, ласковое. Я побежала за составом, но он быстро скрылся. Я долго бродила по станции и только, когда совсем стемнело, пошла домой. Бейсен, напиши мне, обиделся ты тогда или нет на меня за то, что я опоздала, не смогла раньше прийти? Я каждый день думаю о тебе и с нетерпением жду той минуты, когда мы встретимся с тобой. Скорее возвращайся с победой. До свидания, Бейсен. С нетерпением жду писем.

Навеки твоя. Раушан».

Казак, прочитав письмо, не складывая, долго смотрел на него. По скулам бойца бегали желваки, руки мелко дрожали. Потом он решительно сложил письмо, сунул в карман, развернул второе.

«Дороже жизни моей, Раушан!

Сегодня, получил твое письмо, я был очень обрадован. Оно принесло мне запах лугов и гор родного Казахстана. Я увидел лесок и речку, на берегу которой мы часто гуляли с тобой. Фрицев, жаждущих нашей крови, мы стремительно гоним на запад. Я был слегка ранен, лежал в полевом госпитале. Обо мне не тревожься, все хорошо. Я такой же, каким ты меня провожала. Ты спрашиваешь, не обиделся ли я на то, что ты тогда опоздала? Раушан, пусть тебе подобное даже не приснится. Ты должна знать, что я по-прежнему горячо люблю тебя. Как только вернусь домой, возьму тебя за руку и поведу к твоему отцу — буду просить его благословения. Знаю, что он добрый и душевный человек. Он

нас благословит. Потом... начнется новая, прекрасная жизнь. Мы будем жить по-новому, так что все будут нам завидовать. Ты сама знаешь, что времени у нас здесь бывает всегда мало. Я тебе написал бы такое письмо, что ты его читала бы месяц, но нет времени. Написал тебе всего несколько строк, воспользовавшись передышкой. Писал, торопясь, ошибок, видимо, тысячи, прости меня за них.

До свидания, Раушан. Крепко целую. Бейсенби.»

Казак почувствовал, как спазма сжала сердце, перехватило горло. Крупные слезы закапали на письмо. «Нет, нет его больше и не будет никогда. Любящая Раушан, теперь не жди своего воина, он не вернется. А ты должна быть счастливой. От тебя требуется одно: не забывай Бейсенби». Он тяжело вздохнул и сел за ответное письмо девушке. Это был первый его долг перед погибшим товарищем. Второй — достойно отомстить за его смерть!

...Весенний Днестр спокойно катит в море. Ночь. Если бы не одиночные выстрелы, можно было бы сказать, что войны на белом свете и нет — так все здесь кажется тихим и мирным. Но это обманчивая тишина и спокойствие — каждую минуту они могут разразиться бешеной перестрелкой, яростным артналетом, визгом и разрывами авиабомб...

Полк Казака на резиновых надувных лодках должен был первым начать переправу через Днестр. Немцы шарили по реке прожекторами, пускали ракеты, но гвардейцы были опытными воинами — подразделения замаскировались, так скрытно произвели переправу, что когда забрезжил рассвет, полк уже занимал выгодный плацдарм.

Вот с востока подул легкий ветерок, разогнал тонкие облака. Казак окинул взором местность. Все было незнакомым. Вдали виднелась гряда невысоких, заросших лесом гор, уходящая за горизонт. Ближе — кукурузные поля, израненная земля, лес, в котором засели немцы. Опытным глазом Казак прикинул — откуда немцы могут пойти в атаку, где могут быть замаскированы танки. Для него это было особенно важно — ведь теперь он служил в артиллерии. Вот она маленькая, но верная пушечка — сорокапятка, как ее ласково зовут

бойцы. Около нее боевой расчет — шестеро отважных, молодых солдат.

Рядом с Казаком лежит Василий. Как говорится, парень мал да удал. Василий мастер и на слово, и на боевое дело. За ним — Борисов, высокий плечистый солдат. Как-то орудие завязло в весенней грязи. Четверо бойцов напрасно бились вокруг него — освободить пушку никак не удавалось. Тогда, сняв с себя шинель, подошел Борисов. Крякнув, он так рванул орудие, что оно мигом выскочило из цепкой грязи. После этого случая все его называли «богатырем». Сейчас он лежал около колеса пушки и голубыми глазами задумчиво смотрел куда-то вдаль. Рядом с ним молодые бойцы-украинцы, они только что, перед форсированием Днестра, прибыли с пополнением. Молчали, разглядывая незнакомую землю, и ясно было одно: все они ждали скорого конца войны, чтобы вернуться к своим...

Из-за леса выплыл вражеский самолет-разведчик — «рама». Гудя моторами, он покружился, покружился и ушел обратно. Не успела «рама» скрыться из виду, как показались бомбардировщики и начали забрасывать свежие позиции наших войск бомбами. Из леса вырвались на быстром ходу вражеские танки. За ними показались густые ряды пехоты. Артиллерия ударила по переднему краю и по тылам.

Полк встретил немцев дружным и организованным огнем. Били залпами из винтовок, били точными пулеметными очередями. Враг, словно волк, увидевший темной ночью огонь, замешкался. Но к нему подошло подкрепление — танки и моторизованная пехота. Ряды советских бойцов заметно поредели. На некоторых участках наши вынуждены были отступить.

И это, к несчастью, случилось на участке, где стояла пушка Казака. Сорокапятка оказалась впереди пехоты — расчет не получил команды переменить огневую позицию, но они не дрогнули. Казак с ненавистью смотрел на танки, стремительно мчавшиеся, казалось, прямо на маленькую пушечку. Каждый раз, нажимая спуск, он ясно видел окровавленную молодую женщину, застывшее белое лицо друга Бейсенби, с которым прослужил долгие два года.

Пушка не прекращала огня до тех пор, пока фашис-

ты, оставив на поле сражения много убитых солдат, не отступили.

Казак, тяжело вздохнув, пригнулся, снял с себя шинель, резким движением распахнул ворот гимнастерки, несколько раз полной грудью вобрал воздух. И только тут, оглянувшись, заметил, что возле пушки, кроме него, остался только один подносчик. Остальные лежали мертвые. Холодный страх сжал сердце: «Что делать? Бросить пушку, уползти в тыл? Нет! Он не нарушит присяги, не осквернит трусостью память погибших друзей!»

В это время сзади показались четыре человека: они по-пластунски ползли к нему. На душе стало легче. Казак понял, что он не одинок, позади друзья, вся страна...

К нему подполз командир батальона Зайцев. С ним было еще трое солдат — подмога Джаркымбаеву. Они быстро заняли места у орудия.

И снова враг пошел в атаку. Черные точки танков быстро приближались. Вот они уже совсем близко. Только что прибывшие бойцы заряжали орудие. Казак ловил в прицел коробки танков, ряды пехоты и стрелял, стрелял... На артиллеристов падали мины, снаряды, строчкой взбивали землю пулеметные очереди... Сколько так прошло времени — Казак не знал. Только отрывистые короткие команды, толчок от выстрела, звон выброшенной гильзы, свист пуль да тугие удары горячего воздуха от близких разрывов...

Но вот Казак скомандовал:

— Заряжай!

И ему никто не ответил.

Он оглянулся: двое были убиты, один тяжело ранен и, схватившись за живот, метался от боли. Казак наклонился над ним, приподнял голову.

— Тебе плохо, друг?

— Стреляй! Они близко... Раздавят... — едва слышно прохрипел окровавленными губами раненый.

Казак, вернувшись к пушке, обнаружил, что нет ни одного снаряда. Невдалеке он заметил накренившийся пулемет — до него было метров пятьдесят. Пулеметчик был убит. Казак упал в неглубокую траншею и по ней добрался до молчавшего пулемета. Немцы, видимо, решив, что последний советский солдат убит, во весь

рост шли к нашим позициям... Когда первые солдаты подошли к замолкшей пушке метров на пятьдесят, по ним длинной очередью резанул пулемет. Большинство свалилось на землю, уцелевшие отхлынули. Казак слышал истошные крики немецких офицеров, пистолетные выстрелы. Значит, противник готовится к новой атаке. И действительно, вскоре атака возобновилась. И опять ровно бил пулемет...

Казак отбил третью, четвертую, пятую вражеские атаки... К вечеру в небе зазвенели моторы десятков наших истребителей, ударила артиллерия. Гвардейская пехота мощным рывком бросилась вперед.

Казак почувствовал на лице слезы радости. Прошептав «свои пошли», он потерял сознание.

...Пришел он в себя только на третий день. От сильной контузии в голове шумело, поташнивало, но ран не было. Командир полка разрешил ему отдохнуть в роте. Через несколько дней Казака вызвали в штаб полка.

Его встретил майор.

— Входи, входи, Джаркымбаев. Вот он, наш сокол,— сказал он седому подполковнику, сидевшему за большим овальным столом.

— Молодец,— сказал тот, вставая. Он подошел к Казаку и крепко обнял его.

— Молодец! Ты еще раз показал немцам стойкость и храбрость советского солдата. — Подполковник несколько раз поцеловал бойца. Казак заметил, что и у старшего офицера выступили слезы. — Хотя это и не положено, но могу сказать, что мы представили тебя к званию Героя.

Казак вытянулся по стойке «смирно» и отчетливо произнес:

— Служу Советскому Союзу!

В наградном листе о его подвиге скупо говорилось:

«Джаркымбаев Казак 16 апреля 1944 года на высоте 164,4, отбивая вражеские атаки, проявил безграничную храбрость и отвагу. За один день сражения на правом берегу Днестра своей 45-миллиметровой пушкой он отбил три крупные вражеские атаки, уничтожив при этом свыше 60 гитлеровцев. Свыше 30 штурмовых самолетов противника, несколько пушек поливали его огнем, немецкие пехотинцы несколько раз атаковывали ог-

невую позицию. Но не дрогнул Джаркымбаев. Он, не покидая своей позиции, продолжал вести бой против вражеской пехоты. В результате кровопролитного сражения была отбита четвертая атака, в которой немцы потеряли 25 человек убитыми.

Отважный воин вывел из строя два станковых пулемета противника, обратив в бегство идущих на него автоматчиков. Но немцы не унимались. Они вновь пошли в контратаку. В это время вышли все боеприпасы у Казака. Советский солдат не растерялся, не сложил своего оружия, не встал на колени перед врагом. Быстро сменив огневую позицию, он добрался до пулемета, расчет которого был убит в этом бою и открыл огонь по гитлеровцам. Все попытки врага уничтожить огневую точку были безуспешными. Фашисты были вынуждены отступить. Так была отбита пятая вражеская контратака. Было убито 12 немецких солдат. Позиция была удержана до прихода гвардейцев, которые перейдя в наступление, отбросили врага.

Подвиг Джаркымбаева, проявленный им 16 апреля 1944 года, заслуживает присвоения ему звания Героя Советского Союза.

Командир полка гвардии подполковник Еремин.

5 мая 1944 года».

* * *

...Прошли годы. Давно уже вернулся домой Казак Джаркымбаев, который помогал вывешивать Красное знамя Победы на здании рейхстага в Берлине. После демобилизации, он сразу же пошел на любимую работу в колхоз. Обзавелся семьей. У него двое детей. Живет и трудится он сейчас в колхозе «Коммуна» Иссык-Кульского района.

Дж. Абдыкалыков.

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

— У меня есть несколько интересных фотографий Николая. Вот, смотрите,— наш собеседник — друг детства Николая Рудь, протянул нам чуть выцветшую любительскую фотографию. — Это еще школьная. Видите, какие у него озорные глаза? Но озорником-то, собственно он не был, просто живой, смелый парень. Мы, его товарищи, ничуть не сомневались в том, что он способен на любой подвиг. Ведь есть люди, которые рождаются для подвигов. Вот он таким и был!

А это — он подарил мне, когда уже был во всей славе...

С фотографии на нас смотрел молодой парень с широко поставленными живыми глазами, высоким ясным лбом, прямым носом. Взгляд его был устремлен, правда, не на нас, а ввысь, к небу, к звездам. По красивому лицу бродила мягкая улыбка, из-за чуть-чуть приоткрытых губ виднелись ровные белые и, видно, крепкие

зубы. А на армейской гимнастерке — Золотая звезда и в ряд — ордена и медали.

— Да, он был умным и способным парнем,— задумчиво продолжал друг Николая. — Видите, куда устремлен его взгляд. Не думаю, что это фотограф придумал. Скорее — получилось само собой. Николай всей своей жизнью был тесно связан с небом. Воздушные дали звали его еще в школьные годы. После десятого класса, не сказав никому ни слова, он уехал в летное училище. Об этом даже я, самый близкий и задушевный его друг, узнал позже,— он прислал мне письмо уже из училища. И вот, видите, он Герой, летчик-герой...

Я уже говорил, что еще в средней школе Николай показал себя храбрым, настойчивым, находчивым. Учились мы в школе № 7 в Рабочем городке. Только он тогда был иным. Это сейчас за железнодорожным полотном вырос настоящий благоустроенный поселок, часть города — улицы освещены, тротуары асфальтированы, а в наше время там было и темно и грязно.

Ходить по таким улицам, особенно в темные ночи да еще в одиночку, не всякий бы решился. Нечего греха таить, были там и хулиганы, встречались и любители чужого добра. Но, главное — хулиганы. Признаюсь, я тоже боялся ходить по этим улицам ночью. Николай никого не боялся. Он мог спокойно, не торопясь, пройти темной ночью из конца в конец большого города. Если мне доводилось идти с ним вместе, я чувствовал себя совершенно спокойно...

Однажды — мы учились уже в десятом классе — он пообещал повести меня в летную школу.

— Что мне там делать? — удивился я.

— Знаешь, Вовка, как там интересно?! Ну хоть раз послушай меня! Ведь ты, кажется, сегодня свободен?

— Ну и что с того? Ты скажи мне, что там интересного?

— Вот придем туда, и увидишь. А пока ничего не скажу, потому что все интересное не будет таким, каким кажется.

Я согласился. Мы отправились. По пути зашли в нашу школу. Николай, выйдя из учительской, сказал:

— Пошли! Сегодня ты станешь свидетелем памятного для всего человечества события. Гордись и трепещи!

Потом он неожиданно серьезно спросил:

— Ты парашют настоящий когда-нибудь видел?

— Нет. Ни настоящий, ни какой-нибудь другой.

— Я его сейчас тебе покажу. Может, ты сегодня увидишь, как я буду прыгать с парашютом.

— Брось, Коля, шуточки. — Я был страшно удивлен и немного разозлен. Неужели он втайне от меня бегал на аэродром, учился парашютному делу? А почему нет? Ведь он хороший спортсмен. Кто его знает, может быть, и прыгнет с парашютом. От него можно ждать любой выходки...

А Николай говорит:

— Ты не удивляйся, я действительно хочу научиться прыгать. В будущем, это знаешь, как пригодится.

Мы с каким-то командиром отправились на аэродром. На летное поле уже друг за другом приземлялись парашютисты. Мы остановились и начали смотреть. Было интересно наблюдать, как черная точка вдруг превращалась в огромный белый подсолнух.

— А когда же ты будешь прыгать с аэроплана?

— Когда очередь подойдет! — буркнул Николай и опять уставился в небо.

В тот день он почему-то не прыгал.

Домой возвращались поздно вечером. Когда мы были уже около дома Николая, послышался шорох. Видимо, кто-то лазил в яблоневом саду соседа. Николай прислушался и, бросив мне: «Ты постой здесь, я сейчас вернусь», метнулся за ограду. Я, конечно, не утерпел, тоже полез. По шуму нашел их быстро: Николай держал за шиворот ворюгу и... Ну, в общем этот Мишка — лодырь и хулиган, заклялся таскать яблоки. Конечно, надо нам было передать его хозяину или отвести в милицию. Но нас разозлило, что он воровал яблоки для продажи — об этом все говорили, да боялись Мишкиных дружков. А Николай кинулся один в самую гущу сада, в темноту... Могли и ножом пырнуть и по голове чем-нибудь стукнуть.

До смерти не любил он тунеядцев, лежебок. А за правду, за справедливость как стоял! И учился только на отлично.

После десятого класса Николай сразу ушел в армию. Кажется, было это в 1940 году.

Потом началась Великая Отечественная война, и я потерял Николая из виду. Встретились мы только после Победы. О себе он говорил мало и неохотно. Всю войну был летчиком, летал почти на всех фронтах. Дали Героя Советского Союза. Вот и все...

Во Фрунзе он пробыл недолго, скоро уехал обратно в часть. Я его опять потерял из виду. Но, ничего, как говорят в народе: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдется».

Да, он не любил о себе рассказывать. Даже в школе ему больше нравилось что-то делать своими руками, мастерить, чем рассказывать о своих замыслах.

Правда, немного он рассказал о себе на вечере-встрече, когда собрались все его друзья, товарищи по школе, чтобы поздравить его, отметить высокие награды. Говорил он спокойно, без прикрас, и даже буднично. Будто все эти годы он не на фронте воевал, а находился на учениях. Но я-то знал, на что способен Николай. Врагу от него досталось, конечно, крепко... Сто девяносто раз он поднимался в воздух и не было случая, чтобы вернулся, не выполнив задания. На огромном участке пылавшей в войне нашей планеты — от Волги до Берлина — не осталось клочка земли, над которым не пролетал бы Николай. На войне сто девяносто вылетов — это сто девяносто подвигов. Если подробно рассказывать обо всех вылетах, то, наверняка, получится огромная, захватывающая книга.

Но два эпизода из его рассказа мне запомнились...

В феврале сорок третьего года Николай получил ответственное боевое задание: вылететь ночью, разведать вражеский военный аэродром, узнать как можно больше о движении на крупной железнодорожной станции. Задача была нелегкой. Прежде всего, в течение долгого времени придется летать в тылу врага. А быть одному над вражеской территорией это совсем не то, что лететь в составе бомбардировочной части. Бомбардировщиков, как известно, прикрывают истребители. А тут лети один. Мигом засекут, или зенитчики собьют, или «мессершмитты» перехватят...

Нужно было что-то придумать.

Что выдает самолет, если даже он летит высоко? Гул моторов. Как раз на этих самолетах моторы сильно гудели. Он решил изменить звук моторов. Услышав это, стрелок-радист только рукой махнул.

— Как же это мы изменим гул самолета? Об этом надо просить конструкторов, а их здесь, как известно, нет,— возразил он.

На это Николай ответил:

— Попробуем подделать гул нашего самолета под немецкий «хейнкель». Попытка не пытка. Может, что-нибудь и получится! — и начал возиться с моторами.

Стрелок-радист и механик принялись, без особого, впрочем, энтузиазма, ему помогать. Но дело ладилось, и вскоре моторы «бостона» нельзя было отличить от «хейнкеля». Как это им удалось сделать — не знаю. Правда, Николай рассказывал подробности, называл какие-то части и механизмы, но ведь я не разбираюсь в моторах, все тут же перезабыл.

Короче говоря, после того как реконструкцию произвели успешно, темной ночью бомбардировщик покинул свой аэродром и ушел во вражеский тыл, на запад.

Николай вел самолет над своей территорией и пока не включал приспособление. Включишь — неровен час и свои же собьют.

Но вот впереди, далеко внизу, показалась прерывистая линия огня. По зарницам вспышек экипаж понял, что самолет приближается к линии фронта. Николай взял большую высоту и как только самолет пересек линию фронта, переключил звук. Моторы завыли под «хейнкеля».

Прошла минута, другая. Спокойно. Вражеские зенитчики, видимо, приняли его за свой самолет! Экипаж спокойно летел на запад.

Найти темной ночью тщательно замаскированный аэродром — почти неразрешимая задача. Спасла случайность. Когда Николай собирался положить самолет на обратный курс, впереди мелькнула яркая вспышка белой ракеты. Неужели это и есть проклятый аэродром, который они столько искали?!

Николай развернулся, приблизился. С земли ударила немецкая зенитка — враг предупреждал. Как угово-

рились, стрелок-радист пустил белую ракету — свои, мол, чего палите. Зенитка умолкла. Николай дал очередь белых ракет, означающих: «Заблудились, разрешите посадку». И тотчас же прожекторы осветили взлетную полосу. Николай резко пошел на снижение, сделал круг над аэродромом. Радист доложил, что задание выполнено — аэродром сфотографирован.

— Хорошо, молодец,— сказал Николай,— сейчас дадим им концерт. — Он сделал второй заход, спустился еще ниже — и на ровные ряды вражеских самолетов легли бомбы. Пользуясь переполохом и растерянностью на аэродроме, Николай быстро ушел в глубь ночи.

— Таких вылетов я совершил более сорока — и все благополучно. Хитрое изобретение помогло.

Второй случай, о котором он нам рассказал, еще интереснее.

Это было в июле сорок четвертого года. Немцы в панике отступали на всех фронтах. От командования Николай получил задание разведать отступавшего противника.

Вначале все шло хорошо — сфотографировали длинную колонну отступавших, заметили скопление танков. Пора было возвращаться. Но тут из-за тучи вывалилось восемь «фокке-вульф-190». Сначала истребители попытались окружить самолет Николая и принудить пойти на посадку. Но стрелок несколькими меткими очередями разогнал немцев. Тогда гетлеровские летчики решили расстрелять, как им казалось, беззащитную машину — ведь против одного бомбардировщика их было восемь! Восемь истребителей против одного бомбардировщика!

Но на самолете были советские люди. Пока Николай набирал высоту, стараясь скрыться за облаками, стрелок-радист продолжал вести неравный бой. Вот задымил и полетел вниз один «фокке-вульф», за ним — другой. Наконец, истребители отстали. Николай выровнял самолет и взял курс на родной аэродром. И только тут он заметил, что стрелок-радист Борис Левчик тяжело ранен, что самолет вот-вот воспламенится. С огромным усилием ему все же удалось дотянуть машину до своего аэродрома. Экипаж, самолет были целы, командование получило нужные фотоснимки.

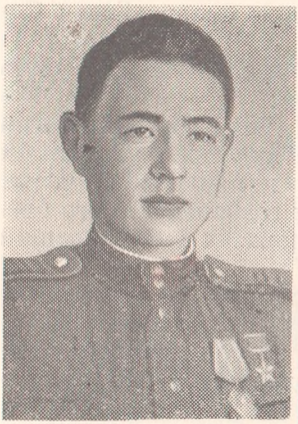
За этот полет Николаю присвоили звание Героя Советского Союза.

— Вот та небольшая частица героических дел моего друга Николая Рудь.

Да, когда я вернулся с фронта, меня потянуло зайти в родную школу. Директор встретил меня радушно и показал письмо — благодарность командования части, в которой служил Николай. В нем говорилось о его боевых делах, о том, что Н. Рудь показал себя хорошим командиром Советской Армии...

Директор попросил меня рассказать школьникам о годах учебы Николая, о его характере, подвигах. Я согласился. Хорошо иметь друга, о котором можешь сказать: «Вот человек, достойный подражания, вот настоящий советский человек!»

К. Артыкбаев,
А. Табалдиев.

У ДНЕПРОВСКИХ КРУЧ

Если бы кто несведущий посмотрел в октябре сорок третьего года на берега Днепра, ему наверняка показалось бы, что там нет ни одного живого существа — только шум набегающих волн да шелест лозы. Но это — обманчивая тишина. В любую минуту она готова взорваться. Люди, затаившиеся в прибрежных зарослях, зорко следили друг за другом.

Разбитые на Курской дуге, вышвырнутые из донецких и приднепровских городов и сел, немцы уже несколько месяцев откатываются на запад. Откатываются, но огрызаются. Пропаганда во всю мощь трубит о Днепровском вале. Немцы лихорадочно подтягивают с запада свежие части, технику, днем и ночью строят укрепления на правом берегу. Гитлер приказал дать русским на Днепре такое сражение, чтобы они не смогли опомниться. А потом доблестные немецкие войска начнут наступление на Москву...

Ташмамат Джумабаев рассказывает:

— И вот мы — на берегу великой украинской реки. Бинокли стереотрубы командиров внимательно просматривают каждый куст, каждый бугорок, каждую складку, каждый пучок камыша и везде каски немецких солдат, дзоты, орудия, заграждения...

Гляжу на Днепр и я.

...Перед рассветом небо заволокли тяжелые, грузные тучи, с запада подул холодный ветер. Днепр, тихо и спокойно плескавшийся о берег, заволновался, по воде, догоняя друг друга, побежали гребнистые волны. Словно напуганные нарастающей бурей, мелко задрожали ветви деревьев, дождем осыпая пожелтевшие листья.

Да... Положение сложное: под свинцовым дождем врага нужно переправиться через открытый, глубокий и бурный Днепр войскам и технике. Смерть или победа — иного выхода не было.

Я лежал в мелком окопчике, вырытом в сыром песке и думал, что нет ничего страшнее ждать, ждать, когда же наступит минута атаки, когда раздастся команда форсировать реку, бить врага, гнать его до самой преисподней...

А пока лежи, дрожа от холода и сырости, лежи, боясь приподнять голову, чтобы шальная дура-пуля не продырявила ее.

И я лежал и думал.

Воспоминания унесли меня в те долгие минуты ожиданий далеко от линии фронта. Все прошлое, все пережитое озарилось теплым радостным светом. Вспомнилось родное село Таштак, мать, отец, МТС, где я работал трактористом, бескрайние хлопковые поля, ароматные сады...

В армию меня призвали в сорок втором. Семь месяцев в запасном полку — и я на Центральном фронте. Здесь попал в стрелковый полк, действовавший в районе города Дмитриев-Льговский.

Был я командиром саперно-разведывательной группы. Помню, как-то темной ночью шли мы параллельно шоссе Орел—Курск. Мимо мчались автомашины, светом фар беспрерывно принуждая нас прижиматься к земле. Пока все шло благополучно. Мы прошли в тыл врага и, заминировав большой участок дороги, возвращались

густым лесом. Не успели добраться до линии фронта, как раздался оглушительный взрыв. Я понял, что мины, расставленные нами, хорошо поработали. До места дошли без особых приключений, а взрыв наших мин приятно шумел в ушах еще добрый час...

В бою за Севск меня ранило осколком в ногу. Пришлось поваляться в госпитале. Это были тяжелые дни. Меня тянуло на фронт, к товарищам, к ночным вылазкам. Я знал, что мои боевые друзья в эти дни выполняли важное задание. А я должен был лежать в постели с пустяковой железкой в ноге. Кто был в госпитале, поймет мое состояние...

Наконец, отмучавшись требуемый медициной срок, я вышел из госпиталя и отправился в свой полк. Потекли обычные боевые дни. Нет, эти дни назвать обычными нельзя — ведь с каждым боем, с каждым шагом мы приближались к Днепру, к реке, о которой пели песню и украинцы, и русские, и я — киргиз...

II

Мы были, как говорится, и морально, и физически готовы к форсированию Днепра.

Но все-таки для каждого, даже рядового солдата, это было сложное и тяжелое дело. А я был тогда командиром противотанкового орудия. Надо было не только переправить на тот берег орудие и боеприпасы, но и с реки поддерживать огнем плывущих пехотинцев, непрерывно бить по пулеметам, пушкам, минометам, в немцев. Будем мы молчать — погибнут десятки, может быть сотни наших товарищей, знакомых и незнакомых.

Как переправить орудие? Этот вопрос волновал весь расчет. Одни хотели сколотить широкий подъемистый плот, другие предлагали поискать у рыбаков большую прочную лодку. Но все это было не то. Для плота трудно было найти столько бревен. Места тут безлесные, растет кое-где ива да тополь. А войска нахлынуло столько, что на каждое деревцо по батальону придется. Да и ползти на плоту придется не быстрее черепахи. Если погрузимся на лодку, то после первого же выстрела перевернемся и пойдем, если не мы, то наша пушечка, на дно. Да и где такую лодку найдешь?

Думал я, думал, кое-что надумал, да тут получил от командира нагоняй. Налетел он на меня:

— Почему медлишь? Ты что — не хочешь на тот берег переправляться?

Я рассказал почему и плот, и лодка не годятся. Свой план доложил. Вижу — командир остыл, задумался, по своей привычке покусывая губы. Потом посмотрел на меня, рассмеялся, хлопнул по плечу.

— Молодец! О готовности доложить!

А план мой был простой. Взяли мы две обычных рыбацких лодки, хорошенько подлатали их и поверху соединили настилом. В дело тут пошли и ворота и плетни. Отлично получилось: из лодок грести можно, а пушечка стоит на ровном настиле прочно — бей прицельным огнем, не беспокойся.

Мы были готовы к переправе. Вскоре из штаба дивизии пришел приказ: стрелковому полку в тесном взаимодействии с артиллерийско-штурмовой ротой начать форсировать реку Днепр на рассвете 15 октября.

Я думал: при переправе начнется сутолока, толкучка, шумиха. Нет, все было спокойно, тихо. Шли мы на рассвете, когда враг, видно, еще не очнулся от утренней дремы.

Но вот враг проснулся, и началось... Пули так густо били по воде, что можно было, глядя на Днепр, подумать, будто идет град. Снаряды и мины подымали огромные столбы воды. Гулкое эхо взрывов неслось над рекой, отскакивало от берегов. Вот в лодку, ушедшую впереди нас с группой пехотинцев, попал вражеский снаряд... Но порыв был так велик, что в эту минуту никакая сила не могла остановить бойцов. Лодка за лодкой, плот за плотом, группа за группой отправлялись через Днепр...

Настала очередь и моего расчета. Ко мне подошел командир. Он был взволнован.

— Коммунист Ташмамат Джумабаев (я незадолго до этого вступил в партию), я верю тебе и твоему расчету. Отомсти за ту лодку, что немцы потопили на твоих глазах. Будь смелым и решительным. Никакой пощады врагу!

Мы крепко обнялись и, видно, каждый подумал: «Увидимся ли?»

Возвратившись к лодкам, я увидел своих ребят, свою

семерку, ребят, которым было столько же, сколько и мне — лет по восемнадцать-девятнадцать. Они сидели в лодках, у орудия. Ни капли уныния, страха. «Ну,— подумал я,— и орлы у меня! С ними можно пройти не только полсвета, а весь земной шар единым махом перемахнуть».

Мы оттолкнулись от берега и тотчас же открыли огонь. Звуки выстрелов нашей пушки сливались с мощными звуками выстрелов из орудий слева, справа, с тыла... Над рекой стоял грохот разрывов, свист пуль, осколков, стоны, крики, ругань, скрежет уключин...

Но мои орлы не растерялись. До сих пор я вижу ясно и четко парней из моего расчета. Они действовали быстро, сноровисто. От каждого выстрела лодки глубоко погружались в воду, настил протяжно и жалобно поскрипывал. Взрывы раскачивали наше сооружение из стороны в сторону, мешая прицельному огню. Осколки мин пробили борта лодок в нескольких местах. А ребята вели наш паром сквозь завесу поднятой воды, точно к цели, и аккуратно слали снаряд за снарядом, словно и не было под нами холодной воды, а вокруг — раскаленного металла.

До берега осталось всего лишь несколько метров, когда наши лодки ткнулись в мель. Я соскочил в воду и начал помогать расчету выкатывать орудие. Холодная, осенняя вода доходила до пояса, но никто даже не поежился. Под плотным пулеметным огнем мы выволокли пушку на дорогой для нас берег Днепра. Ура! Половина победы одержана: с нами пушка, снаряды, весь расчет цел.

Но враг не дал нам даже опомниться, не успели мы вылить воду из сапог, как немецкие солдаты пошли в атаку. Они, видно, хотели не дать нашей пехоте опомниться, сбросить ее в Днепр. Но мои орлы не растерялись. Даже не окопавшись, расчет открыл огонь.

Я заметил, как из-под небольшого куста, который рос невдалеке на пригорке, застрекотал пулемет. Он бил без умолку, не давая поднять голову.

Я быстро определил прицел. Мои орлы не подкачали — одного выстрела оказалось достаточно, чтобы поднять на воздух куст и расчет вместе с пулеметом.

А потом пошли часы, счет которым мы все потеряли.

Наша пушка била шрапнелью по пехоте, уничтожала пулеметные гнезда, снова уничтожала пехоту... Снова пулеметы...

Особенно удачно мы охотились за пулеметчиками — в этот день наша пушка разметала восемнадцать огневых точек. Правда, попутно разбили две, особенно досаждавших нашей пехоте, минометных батареи.

Еще более тяжелым был следующий день. Гитлеровское командование, видимо разъяренное тем, что не удалось сразу же сбросить в Днепр наши войска, бросило в бой танки и самоходную артиллерию. Специальной противотанковой артиллерии на правом берегу еще не было, и бой с бронированными чудовищами пришлось вести нашим легким пушечкам.

Я могу только сказать, что в этом неравном поединке мы не дрогнули. Но мы не только устояли в единоборстве с танками, мы уничтожили две машины. Первый неосторожно подставил бок и мой наводчик влепил ему снаряд так удачно, что взорвал боеприпасы. Секунда и — в стороны полетели тяжелые куски стали. Кажется, разлетаясь, они побили своих же солдат. Мы против этого ничего не имели.

У второго танка мы сначала сбили гусеницу. Он затих, чуть завалившись набок. Но немцы, видно, там оказались упрямые — они продолжали стрелять из пушки. Тогда мы принялись клевать снарядами башню. Третьим снарядом мой наводчик своротил ее.

И пехота, пехота... Казалось, фигуры в серо-зеленых шинелях и мундирах идут отовсюду — из каждой ложбинки, из-за каждого бугорка, кустика. Похоже, что им специально выдавали шнапс — с такой оголтелой настойчивостью шли они на наши боевые порядки. Несколько раз нам приходилось браться за автоматы и карабины, отбиваться гранатами...

Под вечер немцам удалось смять пехоту, лежавшую в наспех отрытых окопах впереди нас. Был момент, когда наш расчет остался с противником, как говорят, с глазу на глаз. Но ни у кого из моих товарищей даже и мысли не шевельнулось о том, чтобы отойти назад, покинуть боевую позицию. Да и как мы могли отойти? Нет, не могли мы на исходе сорок третьего года уступить врагу хотя бы шаг освобожденной земли!

Ночью мы немного отдохнули. Утром — 16-го октября — все началось сызнова — атаки, бомбежка, взрывы мин, снарядов, свист пуль, стоны, жажда... Один за одним падали мои чудесные товарищи, мои друзья, мои братья... Но пушка жила и также, подпрыгивая, слала снаряд за снарядом...

И вот я остался один. Рядом, кто раскинув руки, кто сжавшись в предсмертной судороге, лежал весь расчет. Нет, я был не один — была жива еще пушка, а в ящике еще остались снаряды. Я подтащил его поближе к орудию, вынул снаряд, открыл затвор, дослал снаряд, выстрелил, снова достал снаряд... Можно было не пользоваться прицелом — немцы были на виду.

Не помню, сколько так продолжалось — минута, час, два... Снаряды кончились. Я взялся за автомат. Диск был пустой. Гранаты кончились еще раньше. Все. Смерть.

Немцы уже обтекали пушку с боков, зашли в тыл. Вот несколько солдат — почерневших, пьяных, кинулись к пушке. Я ничком лег среди убитых товарищей и застыл. Я был так измучен боями, смертью друзей, что и сам, пожалуй, мало чем отличался от мертвеца. Шаги, гортанный говор все ближе и ближе. Не утерпел — посмотрел из-под ресниц: шесть немецких солдат ходят по нашей огневой позиции. Я лежу тихо, не шелохнувшись, как настоящий труп. Немцы долго осматривали орудие, о чем-то переговариваясь. Один из них бесцеремонно ткнул меня ногой, приставил к затылку автомат и крикнул:

— Рус, рус, встать!

Я не пошевелился. Подошел еще один немец и тоже стал ширять автоматом. Ударив меня несколько раз, они снова отошли к пушке.

Я лежал тая дыхание, боясь как-нибудь нечаянно шевельнуться. Только уши были открыты — вся моя жизнь была в звуках. Вот немцы громко о чем-то загалдели. Потом чей-то голос скомандовал, они закряхтели. Я приоткрыл один глаз. Немцы катили нашу пушку. Я остался лежать: иного выхода не было. Что мог сделать я, измученный, безоружный?!

Когда стемнело, я чуть живой пополз к берегу, туда, где на узкой полоске были наши. Друзья по батарее,

увидев меня, ахнули — видно я имел не особенно бравый вид. Потом я узнал, что еще днем, когда смолкла пушка, нас уже посчитали мертвыми. Вызвал командир, обнял. Я видел — всегда суровый, строгий, даже жестокий, он сегодня был взволнован.

— Слушай, Джумабаев, за отвагу и храбрость мы представили тебя и твоих друзей к званию Героя Советского Союза. Вы выполнили свой долг перед Родиной, свой священный долг.

Я ответил, как положено по уставу:

— Служу Советскому Союзу!

И помолчав, добавил:

— Разрешите пойти за пушкой, отбить ее?

— Идите сначала спать. На рассвете начинаем атаку.

Я откозырял и пошел спать.

А утром был бой. К вечеру мы не только отбили потерянные вчера позиции, но и ворвались в немецкую оборону.

Я все время искал свою пушку и наконец увидел ее. Около нее возились два немца. Я к ним подобрался с тыла и так осторожно, тихо, что они приняли меня за своего. А когда я крикнул: «Хенде хох!», то видели бы вы, какие глаза сделались у них, как перекосились их лица! Кажется, это они тогда тыкали автоматом мне в затылок. Я их отправил туда, куда следует. Так было нужно.

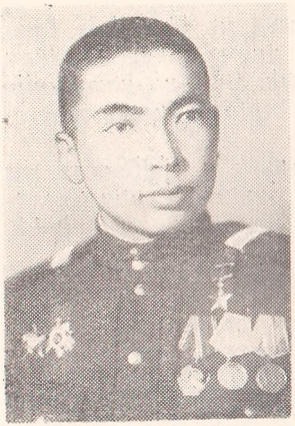
Подоспели товарищи, и мы повернули пушку дулом на запад. Она хорошо поработала в тот день, родная пушечка — два танка, пять пулеметных точек и сотни полторы мертвых солдат — вот итог дня. Это была священная месть за моих друзей.

На этот раз ничто не могло остановить наше наступление. Немцы побежали.

Вскоре меня вызвали в штаб полка. Командир, крепко пожав мне руку, поздравил с высшей степенью отличия — званием Героя Советского Союза.

Вот как я, киргиз, сражался в течение трех дней у днепровских круч. Конечно, все подробности вспомнить трудно, но главное, что осталось в памяти, что времени еще не удалось стереть, происходило именно так.

С. Сасыкбаев.

СЫН НАРОДА

В марте сорок третьего года часть, в которой служил Дайыр Асанов, заняла село Пятницкое на Украине. Вдали виднелся темный лес, перед ним — болотистая, поросшая камышом низина.

Солдатам дали короткий отдых и вот утром они сидели не в сырых окопах, а в теплой хате и спокойно завтракали — хлебали горячий, ароматно пахнущий суп. Дайыр — худощавый, с большими, открытыми глазами, над которыми, словно крылья сокола, были распростерты черные густые брови, сидел за одним столом со своим расчетом. На солнце его грудь сверкала новенькими орденами и медалями. Медаль «За отвагу» была ему вручена совсем недавно — в январе месяце — за подбитый танк. Орден Отечественной Войны первой степени и орден Красной Звезды Дайыр получил в боях за Донец, где он уничтожил три вражеских танка, помог огнем своей пушки отбить три атаки врага.

Дайыр, позавтракав, поднялся, чтобы сполоснуть котелок. В это время вбежал разведчик и, задыхаясь, крикнул, что немцы под прикрытием танков пробираются через лес, и до них не более двух километров. С минуты на минуту они будут здесь.

Весть была настолько неожиданной, что некоторые артиллеристы, продолжая хлебать суп, поинтересовались — не хватил ли разведчик с утра лишнюю кружку трофейного рома. Но разведчик был чист, как стеклышко, и продолжал клясться и божиться, что видел танки собственными глазами. Командир побежал в штаб доложить, ну, а он — сюда, к друзьям...

Тут уж медлить было нельзя. Не дожидаясь приказа сверху, командир батареи немедля распорядился:

— Асанов! Выдвинешь орудие вот сюда, к одинокому стогу сена, окопайся и замаскируйся как следует. В случае чего — ни шагу назад!

— Слушаюсь, товарищ командир! Есть — ни шагу назад! — бодро, с юношеским задором ответил Дайыр.

На поле невдалеке от села стоял небольшой, пахнущий гнилью стог сена. Расчет быстро выкатил орудие к стогу, вырыл окопчики для снарядов, щели для расчета, замаскировался. Часы показывали одиннадцатый час.

И вот все громче и громче стало слышно урчание моторов. Артиллеристы заняли свои места. Наконец, из леса в открытое поле выкатило около десятка танков. В том, что это были танки противника, можно было не сомневаться — огромные бронированные чудовища были так близко, что рассмотреть черные кресты не составляло труда. Вслед за танками цепью шли гитлеровцы. Их было много.

— Подкалиберным! По головному танку! — выкрикнул Дайыр команду. Смачно щелкнул замок, закрывая желтую гильзу со снарядом. Наводчик закрутил маховички, приникнув к окуляру.

Танки приближались, не открывая огня. Когда головная машина подошла к рубежу, намеченному Дайыром, он скомандовал коротко:

— Огонь!

Первый же снаряд попал в цель. Танк вздрогнул, волчком завертелся на месте, потом замер. Из щелей

и люка повалил густой дым. Но из-за горящего танка вылезли новые машины и упорно поползли вперед...

Пушка Асанова не умолкала. И хотя враг осыпал огневую снарядами и пулями, расчет дрался спокойно, хладнокровно, по-геройски.

Дайыр был опытным артиллеристом и хорошо знал психологию врага: стоит поразить танки первыми выстрелами — он не выдерживает и обращается в бегство. Так было и в этот раз. После того, как была подбита третья машина, остальные быстро развернулись и пошли назад, оставив на болотистой низине за шатким мостом три догорающих танка. Орудие умолкло, солдаты смахнули с лиц крупные капли пота. Да, было от чего вспотеть!..

Но затишье длилось недолго. То, что после грозной тишины должна разразиться буря, знал Дайыр, знали и все воины его расчета. Они ждали врага. И тот пошел во вторую атаку. Танков было свыше десятка. Только они теперь были не одни — их поддерживала авиация. Гитлеровцы, очевидно, считали, что здесь находится не одно орудие в наспех отрытых окопчиках, а по крайней мере целая батарея. С самолетов, словно орехи с дерева, посыпались бомбы. Одновременно танки с ходу открыли огонь из пушек. Земля качалась и взлетала черными фонтанами. Воздух пронизывали молнии разрывов, со свистом распарывали тысячи осколков.

Дайыр и его боевые друзья не отступили — они приняли атаку на себя. От взрывов в голове шумело, трудно было разобраться в ежеминутно меняющейся обстановке, но командир следил за полем боя и вел огонь, а расчет, не теряя секунды, выполнял его команды — доставал и подготавливал снаряды, заряжал, наводил пушку... Мужественные солдаты выбывали из строя один за другим, будто уносимые невидимой рукой. Сражаться становилось все труднее и труднее. И тем не менее удалось подбить еще две машины.

Немцы, разозленные стойкостью советских людей, послали наступающим подкрепление — пять бронетранспортеров, набитых автоматчиками.

Это было примерно в третьем часу. С Дайыром оставалось только двое: Старовойтов и Ахметов. Три человека, три солдата! Остальные убиты. Вот они лежат

рядом с ним, будто спят, но помочь ему больше не могут. Они не слышат орудийных залпов, для них не страшны осколки, со свистом проносящиеся рядом.

Наводил и нажимал спуск он сам, те двое подносили снаряды. Орудие било точно. Бронемашины загорались одна за другой, словно сухие дрова в печи. Уцелевшие машины и автоматчики в замешательстве кинулись к опушке леса.

Атака захлебнулась. Но затишье было недолгим. На лугу забушевал ураган автоматного и пушечного огня: немцы под прикрытием танков, пошли в третью атаку. Гитлеровцы на этот раз лезли с особым остервенением. Положение осложнялось. Дайыр Асанов вскоре остался один. Все ближе и ближе атакующие—уже можно различить их лица — красные, напряженные. Автоматы, вдавленные прикладами в животы, трясутся, стрекочут, хлещут длинными очередями.

— Пусть идут,— хрипло проговорил сам себе Асанов.— Если им непременно хочется умереть — пусть лезут. Ага, на этот раз идет девять танков,— отметил он. — Ну что ж, пусть идут!

Все механизмы пушки работали безотказно. Меткими выстрелами Дайыр остановил еще два танка, шедших прямо на него. Но тут случилось неожиданное и самое страшное: вражеский снаряд, пущенный из танка, угодил прямо в орудие Дайыра. Земля будто раскололась и он провалился в эту зияющую пропасть...

Когда Дайыр открыл глаза, первое, что увидел,— это тлеющие резиновые части орудия. Солдат был завален землей. Он ничего не слышал, в уши словно налили свинца. Несмотря на неимоверную боль и тяжесть, Дайыр кое-как приподнялся. Гитлеровцы, увидев, что орудие, разбитое снарядом, дымится, видно, решили, что расчет уничтожен. Теперь они шли спокойно, не строча из автоматов. Вот они почти рядом — рукой подать. Неожиданно из кучи обгоревшего исковерканного металла и взрытой земли в них полетели ручные гранаты. Цепь наступающих поредела. Часть немецких солдат удрала назад — этих гнал страх. Другие навеки остались на сырой болотистой земле.

Враг, понесший большие потери, все же не хотел отступать. В ярости немцы начали — в который уже

раз! — артиллерийский и минометный обстрел небольшого поля со стогом сена, от которого теперь почти ничего не осталось. Затем вновь пошли автоматчики — их было не менее двухсот.

Но в это время на помощь Дайыру подоспели советские воины.

Немцы были разбиты, Дайыр остался жив. Он стоял перед командиром и докладывал о потрясающем героизме своих боевых друзей, павших на безвестной полянке, но не уступивших врагу и пяди родной земли. Дайыр был весь в грязи, в лохмотьях, от него несло гарью и дымом. В этом побледневшем солдате трудно было узнать прежнего черноглазого красивого джигита. Глаза у него потускнели, он так устал, что еле держался на ногах. Командир дивизии расспросил, откуда родом, кто по национальности, записал все, потом тепло, по-отцовски добавил:

— Ты сдержал клятву, данную Родине. Молодец, храбрый сын киргизского народа! Ты заслужил хороший отдых!

— Служу Советскому Союзу! — взволнованно произнес Дайыр.

Выяснилось, что расчет Дайыра Асанова в тот день уничтожил восемь фашистских танков, шесть бронемашин и свыше сорока автоматчиков.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Дайыру Асанову было присвоено звание Героя Советского Союза.

А немного спустя — в том же 1943 году воин-герой был принят в славные ряды Коммунистической партии Советского Союза.

* * *

О подвигах и храбрости Дайыра Асанова много писали фронтовые газеты, неоднократно передавало радио. Крылатая, радостная весть долетела и до его родины — в Киргизию. С волнением услышали в колхозе «Красный Октябрь» Ат-Башинского района Тянь-Шаньской области, что их земляку присвоено почетное звание. Мать Дайыра — Айша Джаныбаева не скрывала слез радости.

Вскоре по республике разнеслась весть: Герои Советского Союза Дайыр Асанов и Ташмамат Джумабаев приедут на родину. В праздничный наряд оделись улицы, площади столицы республики. Железнодорожный вокзал города был неузнаваем: его украшали плакаты, флаги, портреты руководителей партии и правительства. Перрон едва вмещал встречающих. Впереди были родители, родственники, близкие и друзья героев. До сих пор вижу чистые прозрачные слезы радости Айши-апа... Все с волнением и трепетом в душе смотрели на запад, откуда вот-вот должен был показаться поезд. А когда паровоз показался из-за поворота, Айша-апа не вытирая слез прошептала:

— Господи, неужели это правда, что я увижу родного сыночка?! О, боже!

Пыхтя и пуская в небо клубы светлого дыма к перрону подкатил паровоз с длинным составом... Оркестр заиграл марш, толпа загудела, заволновалась — все устремились вперед. Показались молодые герои — в новеньких, с иголочки, мундирах, на которых сверкали и переливались ордена и медали. Каменные стены вокзала содрогнулись от приветствий. Мать Дайыра обняла и ни за что не хотела отпускать сына.

Руководителям республики с трудом удалось освободить Героя из плена материнских рук — он должен был выступить перед собравшимися. Наконец его звонкий голос зазвучал на перроне.

Мать с нежностью и лаской смотрела на сына и все шептала:

— О, боже мой, боже! Как же это тебе удалось остаться живым и невредимым в таком пекле? За то, что справедливо оценили его подвиг, спасибо его начальникам и нашему правительству!

* * *

Дайыр Асанов, поступив в танковое училище, окончил его в 1945 году. Позже он получил высшее образование в Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

В настоящее время майор Дайыр Асанов служит в Советской Армии. Он также активно участвует в об-

щественно-политической жизни своей республики. Трудящиеся Киргизстана единогласно избрали своего славного земляка депутатом Верховного Совета Киргизской ССР.

С. Сасыкбаев.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. Казанский. Генерал Панфилов 3

К. Артыкбаев, А. Табалдиев. Жизнь, отданная народу. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 20

Е. Козлов. Сокол Тянь-Шаня 29

К. Артыкбаев, А. Табалдиев. Семья героев. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 39

К. Артыкбаев, А. Табалдиев. Подвиг Гавриила Пантелеева. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 49

Б. Ашимбаев. Честь дороже жизни. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 55

Т. Назарбаев. Труженик войны. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 63

Д. Айткулов. Бесстрашный. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 70

А. Мамбетакунов. Мужество. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих.* 76

М. Гафаров. Дважды герой. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 82

К. Оморов. Немеркнущая слава. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 94

К. Усенбеков. Рассказ о себе и боевых друзьях. Перевод *В. Горячих* 100

Т. Уметалиев. Храбрость не знает границ. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 118

А. Мамбетакунов. За родную землю. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих.* 126

Дж. Абдыкалыков. Достоин звания Героя. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 133

К. Артыкбаев, А. Табалдиев. Советский человек. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 143

С. Сасыкбаев. У днепровских круч. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 150

С. Сасыкбаев. Сын народа. Перевод *В. Кузьменко* и *В. Горячих* 158

БЕССТРАШНЫЕ СЫНЫ КИРГИЗСТАНА

Очерки о Героях Советского Союза

Редактор *С. М. Жажиев*
Художник *Л. Толстокулаков*
Худ. редактор *И. А. Ефимов*
Тех. редактор *А. Бейшенов*
Корректоры *Р. В. Тарасова, П. С. Лесничая*

Сдано в набор 2/VII-62 г. Подписано к печати 7/IX-62 г. Д—05870. Бумага 84X108$^{1}/_{32}$. 5,25 физич. печ. л., 8,61 условн. печ. л., 8,12 учет.-изд. л. Тираж 2000. Заказ № 1389. Цена 44 к.

г. Фрунзе, тип. № 1 Полиграфиздата Мин. культ. Кирг. ССР